детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

12/2011

Искатель, 2011 №12

Геннадий Александровский, Песах Амнуэль

Аннотация
ИСКАТЕЛЬ 2011. № 12
Содержание:
Геннадий Александровский. ДВОЕ НА ОСТРОВЕ
Павел Амнуэль. КУКЛЫ
Список произведений,. опубликованных в журнале «ИСКАТЕЛЬ». в 2011 году
INFO

Аннотация

«ИСКАТЕЛЬ» — советский и российский литературный альманах. Издаётся с 1961 года. Публикует фантастические, приключенческие, детективные, военно-патриотические произведения, научно-популярные очерки и статьи. В 1961–1996 годах — литературное приложение к журналу «Вокруг света», с 1996 года — независимое издание.

В 1961–1996 годах выходил шесть раз в год, в 1997–2002 годах — ежемесячно.

ИСКАТЕЛЬ 2011
№ 12

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года

12/2011

(395)

2011

*

ООО «Искательпресс», 2011

Содержание:

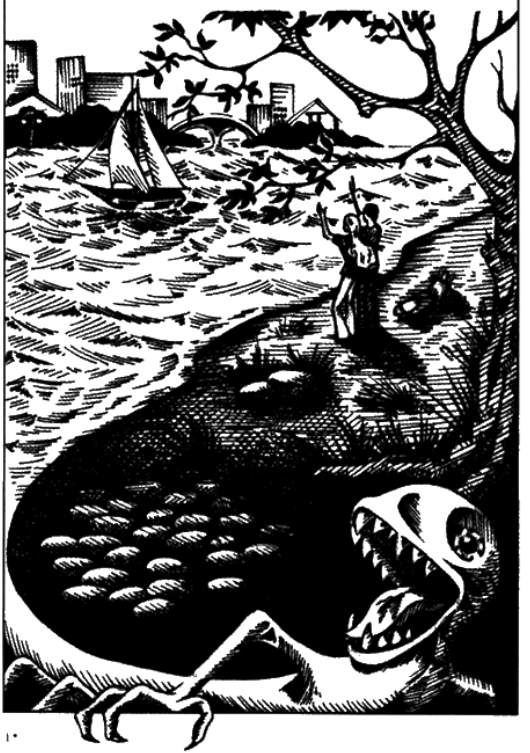
Геннадий АЛЕКСАНДРОВСКИЙ
ДВОЕ НА ОСТРОВЕ
Рассказ

Павел АМНУЭЛЬ
КУКЛЫ
Повесть

Геннадий Александровский
ДВОЕ НА ОСТРОВЕ

Геннадий АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

ДВОЕ НА ОСТРОВЕ



1

— Что это за земля там, почти у горизонта? — спросила Анна.

— Кажется, остров, — ответил Рон, сощурив глаза и пристально всматриваясь в морскую даль, залитую солнечным светом.

— Это необитаемый остров, — сказал Бриг.

— Как интересно, — загорелась Анна, и глаза ее цвета темного пива лихорадочно заблестели.

— Анна, — сдержанно заметил Рон, — наш отпуск только начался. Мы здесь всего третий день. Все впереди.

Но Анна уже теребила Брига:

— Скажите, капитан, вы знаете, что это за остров?

Тот с готовностью разъяснил:

— Его называют островом «робинзонов». Там действительно никто не живет. Да там и негде жить. По сути дела, это всего-навсего кусок суши не более трехсот метров в длину и около ста метров в самом широком месте. В плане он похож на лист тополя. В узкой части — сплошной песчаный пляж. К центру остров повышается. Там растет трава и какие-то жалкие кустики. Зато в широкой части возвышается скала из ракушечника

высотой до сорока метров. У подножия скалы — целый лес, а в лесу есть хижина. Много лет назад ее построили рыбаки. Остров пользуется дурной славой среди местных жителей, и они редко посещают его. Рыбаки, по случайности.

— Но почему, почему? — горя нетерпением, спросила Анна, изнывая от любопытства.

— Кто знает, — пожал плечами Бриг. — Я плавал каботажем в этих водах двадцать лет и все время слышал всякие легенды о людях, побывавших на острове. То они заболевали странными болезнями, то разорялись, то умирали. Разное говорят.

— Далеко он от берега? — не отставала молодая женщина.

— От пристани Грин-хилла напрямую не более двух миль. Можно переплыть.

— О, Рон, — обратилась она к своему другу, — я хочу побывать на нем.

Рон снисходительно улыбнулся:

— У него дурная репутация. Смотри отсюда. Там пусто и скучно.

Анна даже топнула ногой:

— Противный. Я хочу поехать на остров. Скажите, капитан, как быстро можно доплыть до него?

— Ну… Если на катере, то за несколько минут.

И на яхте не более десяти минут. А вплавь не рекомендуется: течение снесет в открытое море.

— Я видела на пристани несколько яхт. Можно договориться. Мы бы заплатили.

— Яхта есть и у меня. Но это рискованно. Я уже рассказывал. Я бы не хотел, чтобы с вами что-нибудь случилось. Даже после того, как вы уедете.

Рон положил руку на плечо Анны:

— Вот видишь, дорогая. Бриг знает, что говорит.

Анна обиделась:

— Ты трус. Да-да, трус. Ты сманил меня в Гринхилл, обещал отличный отдых…

— Разве здесь плохо? Приличный отель. Много зелени и цветов. Совсем мало отдыхающих. Тихо и спокойно. Разве ты не мечтала о покое?

— А теперь я мечтаю об острове. Я авантюристка.

— Ну, хорошо, — сдался Рон. — Если засчитать плаванье до острова на яхте за приключение, то можно попробовать.

— Вот и отлично, — повеселела Анна. — А у капитана есть яхта.

— Анна, — остановил ее Рон. — Как можно? У Брига свои планы.

Бригу нравилась Анна с первого же дня их

знакомства на пляже, куда он заходил иногда в поисках общения. Пенсионеров всегда тянет к людям. А на пляже знакомство завязывается быстро и непринужденно. И вот уже третий день они приглашают его на прогулки. Он отличный рассказчик, и молодые люди с удовольствием слушают его бесконечные морские байки.

— Нет, почему же, — после некоторого раздумья сказал Бриг. — Яхта на ходу. Троих она потянет. Но… я вас предупредил.

— Вы только подогрели наше любопытство, — сказала Анна, улыбаясь. — Я бы согласилась пробыть там весь день. А что? Захватим припасы — и утречком…

— Договорились, — пообещал Бриг, радостно поглядывая на нее. Ну как он мог отказать этой длинноногой зеленоглазой блондинке, шумной, веселой и слегка капризной. Он даже завидовал Рону. Тот, напротив, чаще всего молчит. Но тоже по-мужски красив. Баскетбольного роста, узкое волевое лицо, серые холодные глаза. Но на самом деле он добр и очень умен. Работает в каком-то научном учреждении. А она — всего-навсего манекенщица. Что их связывает? Ее красота? Его ум?

Рон подвел итог:

— Если Бриг не возражает, завтра утром мы будем готовы.

— Одно условие, — заметил Бриг. — Днем у меня полно дел. Я вас отвезу и вернусь. А к вечеру заберу назад.

— О'кей! — рассмеялась Анна.

2

Они высадились на пляже. Яхта уткнулась в песок недалеко от берега. Пришлось переносить вещи по колено в воде. Громко взвизгивали чайки, кружась над ними. Грин-хилл отсюда казался гроздью рассыпанных в зелени белых зерен домов. Он еще спал. Солнце только поднималось в стороне от города и не заглядывало еще в тенистые улочки. Море слегка качалось.

— Ждите часов в пять, — крикнул с яхты Бриг. — А может быть, и раньше, если давление будет продолжать падать. Что-то эти облака на горизонте мне не нравятся. Как бы чего…

— Шторм? — громко спросил Рон, затаскивая на небольшой пригорок толстый рюкзак.

— В любом случае я успею, — ответил Бриг, заводя парус.

— Мы на вас надеемся, — крикнула Анна.

Яхта развернулась и стала быстро удаляться от

острова. Белый парус ее был хорошо заметен на сером полотне воды.

— А теперь, — сказал Рон, — начнем знакомство с островом. Вот лес. Впрочем, это сильно сказано. Так, рощица в десяток деревьев. Позади нее — белый утес с плоской вершиной. А среди деревьев я вижу рыбацкую хижину. Идем принимать хозяйство?

Рон перекинул рюкзак через плечо, и они пошли по песку. Идти было трудно — песок оказался очень рыхлым. Потом пошла трава, и идти стало легче. Пришлось продираться сквозь колючие кусты. И вот они вступили под сень редких деревьев со скрюченными от ветров ветвями. Листьев на них было мало, и тень они давали не густую. Действительно, недалеко от склона горы стояла полуразвалившаяся деревянная хижина. Крыша кое-где провалилась. Дверь повисла на одной петле. Единственное на фасадной стене окно было застеклено. Стекло, вопреки всему, сохранилось.

Молодые люди вошли в дом. Потолок и пол оказались целыми. Еще одно окно выходило в сторону моря. Оно тоже было застекленным. Здесь имелись даже грубо сколоченный стол и скамья. А у стены стояла тумбочка, в которой путешественники обнаружили соль, спички, лампу

и горбушку твердого заплесневелого хлеба. Анна захлопала в ладоши:

— Как романтично! Я давно мечтала о чем-нибудь подобном. — Потом она заглянула в окно. — Смотри, Рон, отсюда виден весь остров. А вот отсюда — бесконечное море. Сколько его много! Больше, чем в городе. Ты не находишь, дорогой?

Рон водрузил рюкзак на стол и присел на скамью. Полюбовался на Анну и предложил составить план дальнейших действий. Анна откликнулась:

— Во-первых, купаться. Во-вторых, обойдем остров по периметру. В-третьих, поднимемся на скалу.

Рон продолжал любоваться ее гибким упругим телом, распушенными до пояса пышными волосами, белозубой улыбкой. На ней летний брючный костюмчик. Он делает ее еще стройнее и моложе. Рон любил ее и подумывал о женитьбе.

Они пошли купаться. Стесняться некого. Они полностью обнажились и долго шли в море по мелководью, взявшись за руки, навстречу солнцу. Потом они шумно плескались в воде, как дельфины, и занимались любовью — и в воде, и

на песке. Потом валялись на пляже просто так. Она положила голову на его живот и, счастливая, смотрела на чаек, мелькавших в небе. И незаметно для себя заснула. Рон не двигался. Осторожно гладил ее русые волосы, еще не успевшие высохнуть, и был переполнен самыми светлыми и нежными чувствами.

3

Обедали они под деревом, на траве, расстелив скатерть. В доме душно и жарко. На Анне — только бикини, вышедшее из моды. На нем — плавки. Загар еще не успел поселиться на их городской коже, и они были по-северному белые и веселые. Любой пустяк вызывал смех. То Рон вывалил содержимое консервной банки на землю. То у нее лопнула застежка на лифчике, и он упал, обнажив небольшие, правильной формы груди с острыми сосками. Еды было вдоволь. Напитков — тоже.

Наевшись, они убрали остатки в полиэтиленовый пакет, а потом в рюкзак, и отнесли в хижину. А сами пошли бродить по острову. Они шли по отмели от пляжного мыса к скале. На это ушло не больше десяти минут. Под лесом пляж кончился, превратившись в груды камней и гальки. Под ска-

лой берега вообще не было. Скала уходила в воду почти отвесно. Дно здесь тоже было глубоко.

Дойдя до края, они стали подниматься по крутому берегу вверх, цепляясь за острую, вроде осоки, траву. Взобрались к подножию скалы и прислонились к ее ноздреватой теплой стене спинами. Они блаженствовали.

— Кажется, поднимается ветер, — констатировал Рон.

— И правда стало прохладнее, — откликнулась Анна.

Рон посмотрел на небо. Там на северной стороне белели груды кучевых облаков. Он сказал, показывая на них:

— Бриг опасался чего-то. Эти облака движутся на нас.

— Чепуха, — отмахнулась Анна. — Полезли наверх.

Он нехотя согласился, то и дело поглядывая на облака. Подъем был несложен, хотя и крут. Множество трещин и выступов облегчали восхождение. И вот они влезли на вершину, где можно было разместиться двум-трем человекам. Отсюда открывался восхитительный вид на остров, на берег и на море. Действительно, остров очертаниями напоминал лист. Видна крыша

хижины, пляж, кривые ветки и стволы деревьев. Легкие волны накатывают на песок и с шипением возвращаются назад. Чайки падают в воду и выдергивают из нее рыбешку. Тихо и ветрено. Солнце находилось в самом зените. Пахло водорослями и солью.

Спускались они по более пологому склону прямо к хижине. На середине склона оказалась самая настоящая и вместительная пещера. Они влезли в нее на корточках и уселись, почти упираясь головами в свод пещеры.

— Здорово! — восхитились Анна. — Здесь можно прятаться от дождя.

— Лучше бы не дошло до этого, — заметил Рон.

Погода портилась. Ветер еще усилился. Солнце уже задергивалось тонкой пеленой. Они поспешили вниз. В хижине было тихо. Ветер сюда не проникал. Выдержат ли стены, если вдруг разразится шторм? Они оделись.

— Я поднимусь посмотрю, не плывет ли Бриг. По-моему, самая пора.

4

Однако между островом и берегом не было видно ни одного паруса, ни одной лодки. Никто не спешил снимать путешественников с острова

«робинзонов».

Ветер между тем все усиливался. Море рассерженно шевелилось и накатывало на пляж тяжелые валы, с неохотой сползающие обратно в свои пучины. На гребнях волн уже появились небольшие барашки. Небо затянулось серой пеленой, и солнце только угадывалось по более светлому прогалу. Рон услышал голос Анны. Она кричала ему снизу:

— Что там, Рон?

Он крикнул в ответ:

— Брига не видно!

Он поспешил вниз. Едва он закрыл за собой дверь, как грянул ливень. Мир за окном исчез за сплошной водной завесой. Они сели на скамью, прижавшись друг к другу. Рон счел нужным прояснить обстановку:

— В такую погоду никто не рискнет плыть к острову. Или он опоздал, или что-то помешало вовремя отправиться к нам. Придется пережидать здесь. Но сколько?

Анна еще не прониклась серьезностью ситуации.

— Мне не страшно. Ты рядом, сильный и смелый. А для меня это только приключение. Самое настоящее. Интересно, долго оно будет длиться?

Доберется ли Бриг к нам до ночи? Не правда ли, как романтично — нас надо спасать?

По крыше загрохотало что-то тяжелое. Рон приник к окну. Но падали не камни. Какие-то круглые, белые комки размером с куриное яйцо. Град? Но почему комки не отскакивают от земли при падении, а шлепаются, как тесто? Особенно много их было на пляже. Он весь покрылся белым налетом.

— Неужели это град? — спросила Анна, подходя к нему.

— Это яйца, — прошептал Рон.

— Ты о чем? — не поняла Анна.

— Это не град. Похоже, но не град. Я сейчас…

Он вышел наружу и вскоре вернулся, неся в руках нечто белое и глянцевитое, похожее на птичье яйцо. Рон положил его на крышку стола.

— Попробовать разбить?

— Может, не трогать его? — поежилась Анна. Яйцо было неприятно ей. От него шла неведомая пока угроза.

Но Рон вытащил из рюкзака нож и ударил по яйцу. Раздался хлопок, как будто из бутылки вылетела пробка. В яйце оказалось нечто живое: длинное, хвостатое, с множеством ног и круглой головкой на тонкой шее. Оно было белое,

скользкое, противное. Оно шевелилось и пугало зубастой пастью.

— Какая мерзкая ящерица! — крикнула Анна. — Я боюсь. Выброси ее!

Рон рассек многоножку пополам и вышвырнул наружу. Он понимал, что в сотнях яиц на острове заключены точно такие же зародыши неизвестных существ, и еще неизвестно, как скоро они начнут вылупляться. Что они будут делать тогда? Судя по зубам, это хищники. Кто же будет их добычей, если на острове водятся только мелкие крабы? Тут есть о чем подумать. Ни в каких книгах, кино, телепередачах он не встречался с данным видом. Кто они: рептилии, земноводные, насекомые? Откуда они взялись? Яйца летели с неба. Смерч может втянуть в себя разные предметы с земли, перенести их на сотни километров и сбросить вниз по мере своего успокоения. Но над островом не было смерча. Вопросы и вопросы…

Он снова вышел из хижины и тут же вернулся назад с взволнованным лицом. Глядя на него, Анна тоже испугалась. Она никогда не видела Рона таким возбужденным.

— Что там, Рон?

— Они… Они появились.

— Кто? — не поняла Анна.

— Эти многоножки. Яйца лопаются, и они выползают. Их много. Они расползаются во все стороны.

Анна сжалась и побледнела.

— Рон, я боюсь. Что же делать? Придумай что-нибудь.

— В конце концов, ты искала приключений. Вот тебе — целая охапка.

— Не груби, Рон, — примирительно попросила она. — Кто мог предположить? Ты и сам не знал.

— Ладно, помолчи, — сказал Рон. — Без твоих причитаний тошно.

Он крепко прикрыл дверь и задвинул засов до отказа.

5

Первая многоножка появилась на окне с той стороны стекла. Она прижалась белым брюхом к стеклу и растопырила двенадцать коротких кривых ножек. Каждая ножка кончалась тремя тонкими гибкими пальцами. Существо вертело своей головкой с зубастой пастью, словно выискивало добычу.

— Какой ужас! — крикнула Анна, пересаживаясь в угол на рюкзак, подальше от окна.

Рон промолчал. Его мучила мысль о Бриге и его

яхте. Он же понимал, что в такую погоду нечего и думать отходить от берега. Настоящий шторм.

Другая многоножка проникла в хижину через какую-то щель. При движении она извивалась всем узким телом, точно змея. Ножки ее двигались так быстро, что их не было видно. Она стремительно выползла на середину хижины и замерла, поводя головкой по сторонам. Анна закричала. Рон подкрался к твари и рассек ее ножом одним ударом. Обе половинки долго еще шевелились, точно хотели соединиться.

Рон заглянул в окно. Дождь уменьшился, и стало видно, как многоножки белыми змейками вились в траве, бросались друг на друга и боролись. Они вставали на задние лапки, упирались в землю хвостами, обнимали друг друга и кусались. Рон видел, как одна такая битва закончилась пожиранием победителем своего поверженного конкурента. Они жрали все подряд: траву, кусты, сами себя. Залезали на деревья и уничтожали листья. Страшное зрелище! Рон не стал рассказывать об этом Анне.

«Град» прекратился. Дождь тоже. Но ветер еще дул, шевеля ревматические ветви, усыпанные белым тварями. А на пляже их стало меньше. Или переели друг друга? Зато на берег из моря

наползало что-то странное, желеобразное, буро-желтого цвета. Вскоре весь пляж покрылся толстой пленкой своеобразного студня. Многоножки с молниеносной быстротой удирали от этой пленки. Нашелся-таки и на них охотник. Еще через полчаса вся хижина была облеплена многоножками, спасающимися от нового хищника. Некоторые неведомыми путями проникали внутрь хижины. Рон охотился на них с ножом. На полу валялось уже более десятка этих существ. Анна была почти в истерике, но Рону некогда было обращать на нее внимание. Он выломал где-то кусок доски и превратил ее в эффективное оружие. Хлоп — и от твари оставалась только расплющенная лепешка. Так он охотился около часа. Твари больше не появлялись. Рон присел отдохнуть, вытирая пот с шеи.

Стены хижины тряслись от напора ветра. Рон был наготове. Доску положил на стол, чтобы была под рукой. С тревогой поглядывал на потолок. Нож засунул за ремень брюк. Анна дрожала в углу и временами тихонечко всхлипывала. Ему стало жаль ее. Но чем он мог утешить свою подругу? Чем обнадежить? Похоже, им придется провести здесь всю ночь. Он встал и подошел к окну.

Бурая пленка задушила пляж и медленно

ползла по траве, подминая ее под себя. Она приближалась к хижине. Белых тварей больше не было видно.

Рон подумал, что если так будет продолжаться, то, чего доброго, новая чума дотянется и до них. Что это такое — гадать бесполезно. Но можно ли с ней бороться? Может быть, огнем? Надо попробовать. Он взял спички, кусок оберточной бумаги и вышел из хижины.

6

Пленка уже дотянулась до первых деревьев. Вот край ее лизнул комель одного дерева, и оно вдруг накренилось и с болезненным треском повалилось набок, как срубленное. Пленка наползла на ствол, перевалила через него и потащилась дальше. Вообще-то пленка выглядела мирно. Желе толщиной не более полуфута. Как пережаренный омлет. Но это был живой омлет. Поверхность его пульсировала, шевелилась, как кожа на животном, меняла оттенки. А вся она составляла единое целое, постепенно накрывающее остров живым полотном. Это был агрессор еще более безжалостный, чем многоножки.

Еще одно дерево было повержено и поглощено голодным хищником. Рон попятился к дому, не

спуская глаз с новой напасти. Потом решился. Скомкал бумагу и поджег. Сунул пылающий факел в пленку. В этом месте пленка расступилась, отодвинулась от огня и взяла его в кольцо. Бумага догорела, и пленка затянула кольцо. Рон понял, что оно боялось огня. Даже не то, чтобы боялось — просто отступало на время.

Рон поспешил в хижину, тщательно закрыл дверь на засов и сказал Анне:

— Нас ждет еще одно испытание. Не знаю, легче или тяжелей. Оно не боится огня. Оно поглощает всю органику. Хижина тоже органика. Через несколько минут оно доползет до нас. Единственный выход — создать огненный барьер. Желательно подвижный. И им оттеснить пленку назад в море. Материал для огня у нас есть: это наш дом.

Анна собралась с силами и предложила:

— Может, лучше подняться в пещеру? Камни оно не ест. Там переждем. А утром…

Рон возразил:

— Оно обязательно поползет на скалу и доберется до нас. По-моему, первый вариант перспективнее. Лучше перейти в контратаку, чем пассивно обороняться.

Согласие было получено, и Рон принялся раз-

рушать хижину. Доски пола и потолка ломались довольно легко. Собралась большая куча древесины. Он поджег конец одной доски, дождался, пока огонь разгорелся, и вынес ее.

Пленка вовсю крушила деревья, пробираясь к хижине. Расстояние от убежища до пленки было не более двадцати метров. Рон положил горящую доску перед шевелящейся кромкой, и та сразу замерла, почуяв высокую температуру. Рон вынес остальные доски, поджег их и выстроил огненный фронт полукругом от хижины. Сухие доски весело и с треском горели почти без дыма. Враг был остановлен.

Рон стал доламывать остатки, кроме стен. Без инструмента их было не разобрать. Он залез на крышу и стал выдергивать стропила и уцелевшую обрешетку. Все это скидывал на землю. Потом вернулся на фронт и стал приводить в действие резервы. Длинной жердью он подталкивал вперед горящие доски, а туда, где огонь замирал, кидал новые факелы. Пленка отходила, нервно вздрагивая и светлея. Это была победа. Рон издал воинственный клич и стал кидать огонь дальше от кромки. Пленка мгновенно образовывала пустые круги, давая дереву догорать на земле. Еще напор, и враг будет сброшен в море. Фронт уже

спустился к пляжу. До мыса оставалось каких-то пятьдесят-шестьдесят метров.

И тут случилось неожиданное. Из пленки зафонтанировали струи какой-то жидкости, заливающей огонь. Рон в отчаянии закидывал пленку все новыми и новыми факелами, но фонтаны тут же заливали костры один за другим! Рон понял, что существо нашло способ бороться с огнем. Битва была проиграна, и Рон отступил.

7

— Похоже, ты была права, — сказал Рон. — Придется лезть наверх. Может быть, оно не пустится за нами вслед?

— Я никуда не пойду! — взвизгнула Анна. — Я боюсь. Мы бессильны.

— Какого черта! — впервые он вышел из себя. — Или я потащу тебя силой.

Пока они пререкались, в дверь кто-то заскребся. Рон почувствовал, как спина покрылась мурашками.

— Быстро! — жестко скомандовал он. Сдернул ее с рюкзака и толкнул к боковому окну с видом на море. Куском доски вышиб горбыльки вместе со стеклом. Выглянул.

— Наше счастье, — сказал он, — что оно еще не

подошло к хижине с этой стороны.

Затем он помог выбраться Анне и вылез сам. Вытащил из груды обломков целое бревно — бывшую балку, — бросил на плечо и полез вверх за Анной. Спасибо, склон здесь был пологим, и они быстро добрались до пещеры. Бревно он закинул выше.

— Зачем оно тебе? — спросила Анна.

— Посмотрим, — уклончиво ответил Рон.

В пещере было тесно, но тихо. Отсюда был виден остров, залитый студнеобразной пленкой до самой хижины. Но пленка была не только на острове. Все море, насколько хватало глаз, было залито буро-желтым пульсирующим слоем неведомого монстра.

— Это мутанты, да? — спросила Анна, прижимаясь к нему. — Они появились из воды…

— Или пришельцы, — сказал Рон, изучая пролив между островом и берегом.

Волны бушевали, но на них не было уже барашков. Да и ветер тоже стихал. Зато быстро темнело. Заходящее солнце было надежно спрятано в туче. А внизу враг продолжал наступление. Рухнули стены хижины. Началось пожирание органики. Рон чувствовал себя мерзко от бессилия. Он не привык к поражениям. Он всегда находил выход

из любого положения. Он открыл новую галактику, названную его именем. Он добился любви самой прекрасной женщины в штате. О нем писали в газетах и пророчили блестящее будущее. Он хорошо зарабатывал. Имел полностью выплаченный коттедж с бассейном, две автомашины, акции некоторых компаний. Все было прекрасно, если бы он не согласился удовлетворить желание этой взбалмошной манекенщицы и отправиться на этот проклятый остров.

И все же надо было искать выход и из этого положения. Он понимал, что скала — не препятствие для хищной пленки. Она, конечно, поползет наверх — и тогда... Надо спасаться. Но как? Последний шанс — переплыть пролив. Он отличный пловец. Да и она неплохо держится на воде. Пролив пока свободен от пленки. Можно успеть. Правда, плыть придется в темноте. Но другого выхода у них просто не было. Не погибать же, в конце концов. Решение было принято. Он сказал:

— Анна, тебе нужно взять себя в руки. Так нельзя.

У нее дрожали губы!

— Я постараюсь. Я все понимаю.

— Что ты понимаешь?

— Что оно доберется и сюда. Ее притягивает наш запах.

— Что ты хочешь сказать?

— Ну конечно. Запах органики. Оно чует нас.

— Черт возьми! Ты, кажется, права. Нам надо уносить ноги, пока не поздно.

— На вершину? Но это же не выход.

— В море. Ветер стихает, волны — тоже.

— Вплавь?

— Других путей нет. Мы перейдем на ту сторону скалы. Там она почти отвесна. Прыгнем и поплывем в Грин-хилл.

— Ты с ума сошел. Две мили…

— Подскажи другой выход. Да, будет тяжело, очень тяжело. Начало темнеть. Но я буду рядом. Ты можешь положиться на меня. Посмотри: пролив пока чист, но это пока. Надо опередить… У нас есть бревно. Оно нам поможет. Ну… вылезаем…

И сидеть, и лежать на бревне оказалось неудобно. Оно вертелось и сбрасывало с себя ездоков. Тогда он велел Анне лечь, а сам поплыл рядом, загребая одной рукой и толкая бревно другой. Анна помогала ему, действуя руками, как веслами. Бревно перестало крутиться, и они поплыли быстрее.

Темнота надвигалась неумолимо. Берег стал

черным силуэтом. Вода вообще превратилась в ночную бездну. Город зажигал огни и помогал им ориентироваться. Они взяли направление выше по течению, но оно оказалось быстрее, чем они думали. Огни Грин-хилла отодвигались влево. Но они казались удивительно близкими…

Что-то дотронулось до Рона. Он вытянул руку, и она углубилась во что-то вязкое и теплое. Он догадался, что это такое. Повернул голову и увидел слегка светящуюся колышущуюся кромку плавающего студня.

— Держись левее! — крикнул он Анне и стал разворачивать бревно в сторону от пленки. Им удалось отдалиться от опасности, но ненадолго. Теперь вскрикнула Анна:

— Ой, что это?

Рон поднырнул под бревно и всплыл по другую его сторону. Хорошо, что пленка светилась. Ее край был совсем близко, а отдельные выросты подбирались к женщине на бревне. Рон заметил также, что пленка окружала их. Но впереди еще была чистая вода. На ней уже отражались городские огни.

Рон толкал бревно, отчаянно двигая ногами и руками. Иногда ноги разбивали догоняющий их авангард плоского монстра. Анна гребла из

последних сил. Вдруг Анна слетела с бревна в воду, хрипло выкрикнула что-то. Бревно, словно ждало своего освобождения, медленно отплыло в сторону. Пленка тут же набросилась на него.

Рону удалось поймать Анну за ногу. Он стал тянуть ее на себя, но пленка уже захватила ее руки и туловище. Анна захлебывалась и пыталась что-то кричать. Потом она безвольно обмякла и замолчала. Пленка наползала на нее с удивительной быстротой. Рон нырнул и под водой поплыл в сторону берега, чувствуя невыразимый ужас и горечь.

Он выбрался на берег и долго лежал, захлебываясь от слез.

Когда Рон наконец поднял голову, была полная ночь. В небе не горело ни одной звездочки. Ветер утих. Легкие волны шуршали о прибрежную гальку. Он встал и медленно побрел в сторону города. Что-то показалось ему странным. Он остановился и стал вглядываться в темноту. Потом до него дошло: в городе не горел ни один огонь. Черная пелена вместо города.

Рон понял, что проклятое чудовище оккупировало Грин-хилл и, возможно, расползается теперь по всему берегу. Сделав еще несколько неуверенных шагов, он наступил на что-то скользкое,

вроде киселя. Нагнулся, потрогал дрожащими пальцами гладкую теплую поверхность и резко выпрямился. Его окружал смертельный враг. Вся земля вокруг излучала слабый флюоресцирующий свет.

— Все, — подумал отрешенно Рон. — Крышка. Всем крышка. Оно победило…

Скользкая масса дотронулась до его кроссовок, помедлила и стала подниматься по ногам, обжигая кожу. Страшная тяжесть навалилась на все тело. Он не мог пошевелиться и стоял как вкопанный, без чувств, без мыслей, без надежды.

* * *

Из сообщений средств массовой информации:

«…Грин-хилл во власти чудовища, вышедшего из моря…»

«…Иноземная форма жизни проникла к нам из космоса. Аррениус был прав… Возрождение теории панспермии…»

«…Скорость перемещения «пленки» достигает пяти миль в час. Через сутки она достигнет Сан-Франциско…»

«…Космическая разведка проморгала инопланетный корабль…»

«…Центр уфологии молчит. Это «летающая

тарелка»?..»

«…Оно боится огня…»

«…Гражданская оборона страны приведена в полную боевую готовность…»

«…Сбросят ли атомную бомбу на Грин-хилл или все ограничится напалмом?..»

«…Враг остановлен в пяти милях от Грин-хилла огнеметами. Поразительный эффект…»

«…Сенатор Форет предложил залить эту гадость соляркой и поджечь…»

«…Эвакуация окрестных городов и ферм проходит успешно…»

«…Командование ВМФ сообщает, что сегодня в тринадцать тридцать по местному времени в десяти милях к западу от Грин-хилла на глубине ста двадцати метров подводная лодка США обнаружила на дне моря аппарат неизвестной конструкции. Очевидно, это и есть инопланетный корабль, потерпевший аварию при посадке…»

«…На экстренном заседании Совета Безопасности президент США поставил вопрос о глобальной угрозе со стороны внеземного биологического фактора…»

«…Профессор Стетсон считает ее мутацией одного из видов морской фауны под воздействием отравления мирового океана продуктами инду-

стриальной деятельности людей…»

«…По сообщению жителя Грин-хилла Джона Брига, вчера утром он на своей яхте отвез на остров «робинзонов» молодую пару из Сан-Франциско — Гувера Рона и Анну Гренель, но из-за внезапного шторма не смог забрать их назад. Он считает, что они погибли…»

Павел Амнуэль
КУКЛЫ

Павел АМНУЭЛЬ
КУКЛЫ

Две полицейские машины стояли перед домом, загораживая проезд по узкой улице. Дом — четырехэтажное строение в непрезентабельном, по нынешним понятиям, архитектурном стиле «боухауз»[1] — выглядел как корабль, подбитый вражеской торпедой и готовый пойти ко дну. Десятка два зевак толпились на тротуаре, обсуждая случившееся — не бурно, как это обычно бывает, а с тихим терпением, глядя на окна третьего этажа, где старший инспектор Борис Беркович, подходя к подъезду, разглядел блики вспышек: криминалисты работали на месте второй час, и руководитель группы, давний приятель Рон Хан, наверняка успел составить первое впечатление.

О репортерах Беркович забыл. Точнее, не подумал, что они появятся так быстро. Успели, прибыли даже раньше него. Правда, он не очень торопился, полагая, что сотрудникам Рона лучше не мешать.

— Старший инспектор, — девушка-репортер с Десятого канала выглядела школьницей, сбежавшей с уроков, — кто, по-вашему, мог совершить такое ужасное преступление?

---

[1] Примечания: 1

Архитектурный стиль первой трети XX века, предполагающий примат функциональности над красотой и изяществом: «то что функционально и удобно, то и красиво»

Еще три микрофона возникли в воздухе, как магические палочки Гарри Поттера, и Берковичу пришлось остановиться.

— К сожалению, ничего пока сказать не могу, расследование только начинается, — произнес он, чувствуя, как неуверенно звучит его голос, и представляя себя в вечерних новостных программах: тупой израильский полицейский, не знающий, с какой стороны взяться за дело.

«Интересно, — подумал Беркович, — кого они уже назначили преступником?»

— Расскажите, пожалуйста, что произошло, — пискнула девушка, и Берковичу все-таки пришлось сказать несколько слов о деле, с которым был знаком лишь по докладу патрульного, сержанта Кармона.

— В десять тридцать поступил звонок в полицию, — деревянным голосом заговорил Беркович, злясь на себя: почему вид микрофона, подобного глазу инопланетянина на ложноножке, приводит ум в состояние, заставляющее произносить слова, которыми старший инспектор не пользовался в обычной жизни, даже когда писал отчеты, выверяя каждое предложение? — Прибывшие по вызову патрульные обнаружили в одной из комнат тело мужчины без признаков жизни. Больше

пока ничего не известно, — извиняющимся тоном закончил Беркович и, не обращая внимания на недовольных репортеров, бегом преодолел три лестничных пролета и вошел в квартиру, едва не столкнувшись в дверях с сержантом, загораживавшим вход своим массивным, как атомная бомба «Малыш», телом.

— Борис, мы заканчиваем, — приветствовал Берковича Хан, едва доставáвший старшему инспектору до плеча, но старавшийся смотреть и говорить так, будто обладал баскетбольным ростом. — Отпечатки сняли, трогай что хочешь. Осмотри труп, и я отправлю его на аутопсию.

Тело мужчины лет сорока, в зеленых шортах и майке — обычной домашней одежде израильтянина в летнее время — лежало на диване, покрытом цветастой накидкой. По израильским стандартам, это должна была быть спальня, но хозяева сделали из комнаты что-то вроде кабинета. Кроме дивана, здесь был компьютер с плоским семнадцатидюймовым экраном. Большое кожаное кресло занимало едва ли не половину комнаты. У стены стоял книжный шкаф, за стеклом которого видны были не только книжные корешки, но и лежавшие стопками диски — компьютерные и музыкальные. Два стула рядком

стояли у стены. Компьютер был выключен.

Беркович наклонился и внимательно осмотрел тело. Мужчина лежал на правом боку, на шее виднелся глубокий порез, из которого кровь уже не текла. Ручейки засохшей крови стекли на диван и пропитали накидку. Беркович поднял взгляд, и Хан понял немой вопрос коллеги.

— Довольно тонкое лезвие, — сказал эксперт. — Умер он быстро, но не от потери крови, а скорее от сильного удара, сломавшего шейный позвонок. Кармон доложил тебе детали?

Беркович кивнул. Патрульная машина находилась на соседней улице, и сержант оказался на месте меньше чем через минуту после того, как вызов поступил в диспетчерскую службу. Двое полицейских поднялись на третий этаж, где их ждала в дверях миловидная женщина лет сорока, Рина Альтерман, хозяйка квартиры. Она сказала, что боится. Что-то случилось с мужем, он с утра заперся в кабинете, на стук не отвечает, наверно, с ним что-то произошло, ей страшно, она хотела вызвать «скорую», но подумала, что медики не станут ломать дверь, а как иначе войти?

— Ключ… — начал сержант, но женщина прервала его словами:

— Ключ торчит изнутри, в том-то и дело, я про-

бовала протолкнуть, но ничего не получается, а ломать у меня нет сил.

— Кто-нибудь еще живет с вами? — спросил Кармон, приглядываясь к двери: обычная деревянная дверь, сломать можно было плечом, если бы дверь открывалась внутрь комнаты, но она открывалась наружу. Легче вырезать замок, чем взламывать. Ключ действительно торчал в скважине с внутренней стороны. — Хозяин… кстати, как его зовут?

— Натан.

— Вызови «скорую», — приказал Кармон напарнику и спросил у хозяйки, есть ли дома инструменты: стамеска, например, и молоток. Коробка со стандартным набором нашлась на балкончике, и минут десять спустя — как раз и медики прибыли — дверь аккуратно вскрыли.

Тогда и раздался женский крик, после которого на лестницу высыпали соседи, а на улице перед домом начала собираться; толпа.

— Можно унести? — спросил Хан. — Орудие преступления я пока не трогал.

Предмет, убивший Натана, лежал рядом с диваном, у ножки компьютерного кресла. По виду — камень очень странной формы. Произведение скульптора-абстракциониста. Если бросить бег-

лый взгляд, похоже на человека: два отростка, напоминавшие. длинные ноги, росшие из туловища в форме изуродованного бочонка. Еще два небольших отростка на уровне «плеч» — руки, наверно. И голова без шеи, будто сплющенный кривой шар, прилепленный к туловищу или, скорее, вросший в него. Похоже на песчаник, но в камнях Беркович разбирался плохо; возможно, это был гранит или еще что-нибудь, но скорее все же песчаник, типичный израильский камень. Беркович наклонился и разглядел то, что уже, конечно, увидел Хан.

— Понимаешь теперь, как это было? — спросил эксперт.

Конечно. Отростки, напоминавшие ноги, были острыми, как два ножа. Если ударить по шее этой стороной… Да, такой след и должен был остаться. Глубокий порез. Проведи этой «куклой» по руке, и перережешь артерии. Следы крови… На одной из «ног» и чуть выше, на туловище «куклы». Для анализа достаточно, но и без анализа понятно: конечно, кровь Натана.

— И никаких отпечатков, — сказал Хан.

На гладкой поверхности камня любые отпечатки были бы видны сразу.

— Стер? — спросил старший инспектор.

— Скорее, держал в перчатке.

— Перчатку унес с собой?

Хан опустил камень в пластиковый пакет для вещдоков.

— Тебе не кажется странным, — спросил он, — что убийца оставил орудие преступления? Унес бы камень, и мы еще долго соображали бы, каким образом нанесена рана.

Беркович отметил это «мы». Хану не обязательно было соображать, как да что, но он любил думать, а старший инспектор любил минуты, когда они думали вдвоем — Рон обладал редкой способностью если не подсказывать верные решения, то наводить Берковича на мысли, которые в иных обстоятельствах могли не прийти в голову.

— А тебе не кажется странным, — вопросом на вопрос ответил Беркович, — что преступник, кто бы он ни был, не мог покинуть комнату, но тем не менее его тут нет?

— Ключ в двери?

— Не только. Посмотри на окно. Внешние жалюзи заперты. И рама тоже на защелке. Других возможностей уйти не вижу — разве что сквозь стену.

— Третий этаж, — задумчиво произнес экс-

перт.

— Да хоть первый. Может быть…

— Что? Ты подумал, мог ли Натан сам себя ударить? Не мог. Тем более с такой силой, чтобы сломать позвонок. Нет, Борис, самоубийство исключи.

— Оставь пока камень, — попросил Беркович. — Покажу домашним, может, они видели его раньше. Кто-то долго работал, чтобы придать камню форму.

— Дикая форма, — пробормотал Хан. — Похож на Фредди Крюгера, не находишь? Эти ноги-лезвия… Кто-то думал об убийстве, когда вытачивал камень… Хорошо, показывай, только не вынимай из пакета. Потом принесешь в лабораторию.

— Будешь у себя или в Абу-Кабире[2]?

— До пяти у себя, потом поеду в Абу-Кабир, результат вскрытия нужен тебе сегодня?

— Конечно.

Закрыв за Роном дверь, Беркович обошел комнату, пристально вглядываясь, — сотрудники Хана поработали хорошо, судя по следам порошка для снятия отпечатков. Не забыли ни про жалюзи, ни про рамы. Естественно, ручку двери тоже

---

[2] Примечания: 2

Абу-Кабир — тюрьма в Израиле, где расположена патолого-анатомическая лаборатория

не оставили без внимания.

Он вышел из кабинета. Камень в прозрачном пакете показался ему тяжелее, чем должен был быть, — чисто эмоциональное впечатление. Беркович спрятал предполагаемое орудие убийства в сумку. Там еще лежал пакет с завтраком, Наташа приготовила бутерброды с мягким сыром, и Беркович представил себе, что сейчас хозяйка на кухне включит чайник, поставит на стол тонкие фаянсовые чашки с зеленым ободком…

Откуда взялась эта мысль? Беркович понимал, что чаем его угощать не будут. Женщина только что потеряла мужа, а дочь вообще не в курсе, она еще не вернулась из школы. Разговор предстоит тяжелый, если вообще хозяйка сможет говорить.

Тяжело вздохнув, старший инспектор открыл дверь в кухню.

* * *

Женщина стояла к нему спиной и тщательно мыла в раковине посуду. Руки двигались медленно, вода брызгала на цветастое ситцевое платье, короткое, насколько позволяли приличия. Движение рук завораживало: женщина, похоже, не посуду мыла, чтобы занять себя и не думать о страшном, а совершала важный ритуал, шаман-

ский обряд, способный если не вернуть мужа к жизни, то хотя бы изгнать из квартиры дурные мысли, дурные намерения и возможные дурные поступки.

Беркович осторожно прикрыл за собой дверь, оставив в коридоре Кармона, очень хотевшего послушать, как старший инспектор будет говорить с вдовой, которая, возможно, станет единственной подозреваемой, потому что… да просто потому, что, кроме нее и мужа, никого в квартире не было.

Беркович кашлянул. Женщина опустила в раковину тарелку, осторожно, медленно опустила, будто драгоценность, так же медленно сначала вытерла руки висевшим над краном вафельным полотенцем, аккуратно повесила полотенце на крючок и только потом — медленно, будто каждое движение давалось ей тяжело, — обернулась.

— Извините, — с неожиданным для себя стеснением в голосе проговорил Беркович. Проговорил, а не сказал — слова почему-то с трудом складывались из звуков. — Мое имя Борис Беркович, я старший инспектор полиции.

— Вы говорите по-русски, — с радостью, которую она не старалась скрыть, произнесла женщина. — Я боялась, что придется давать по-

казания на иврите. Я знаю язык, умею общаться, но если нужно, чтобы было понятно каждое…

Фраза утомила ее, и женщина замолчала на полуслове, взглядом показала Берковичу на табурет у кухонного стола, покрытого кремового цвета клеенкой. Подождала, пока старший инспектор положит на стол сумку (Беркович едва удержался от искушения достать бутерброды и перевести разговор в иную, более человечную, что ли, плоскость), сядет на табурет и прислонится к стене, будто откинется на спинку стула. Только после этого хозяйка все так же медленно опустилась на табурет напротив Берковича, положила на стол руки (пальцы едва заметно дрожали) и подняла на старшего инспектора взгляд, в котором читался единственный вопрос, требовавший немедленного ответа: «За что?»

Глаза были голубыми, Беркович никогда не видел таких ярких голубых глаз — будто открылось перед ним окно в небо, и он понял, что затруднений с этой женщиной не будет, говорить с ней можно прямо, обо всем и ничего не скрывая. Даже то, что, вообще-то, составляло тайну следствия. Если у следствия когда-нибудь появятся тайны.

— Давно в стране? — задал Беркович самый банальный из всех банальных вопросов, назна-

чение которого было в том, чтобы сломать лед. Но сейчас льда не было, и вопрос приобрел тот единственный смысл, какой и должен был иметь. Никаких подтекстов. Все мы когда-то сюда приехали, кто раньше, кто позже. Если она задаст этот вопрос ему, он сразу ответит, и между ними возникнет полное понимание — как опознание «своего».

— Четырнадцать лет, — глаза смотрели не отрываясь, впечатление было таким, будто в голубом глубоком небе появилась маленькая тучка, которая начнет разрастаться и разродится грозой или дождем, если не произнести волшебное слово… какое?

— А я — восемнадцать, — сообщил Беркович. Блокнот с бланками протокола допроса свидетелей лежал в сумке, нужно было его достать, положить на стол и ручку вытащить из кармана, спросить, как положено, имя, номер удостоверения личности…

— Знаете, — сказал Беркович, — когда мы приехали с мамой и отцом… отец умер через год, а мама живет в Петах-Тикве, и у меня редко получается ее навестить… Да, так я хочу сказать, что тогда и не думал, что стану полицейским.

— Нравится? — спросила она. Тем же тоном

она задала бы тот же вопрос, если бы Беркович представился инспектором Министерства просвещения.

— Да.

Женщина кивнула. Что она хотела сказать? Что полицейские — тоже люди? Или что нравиться может любая работа, если делать ее хорошо, а хорошо делать свое дело можно лишь тогда, когда работа нравится, и в этом заколдованном круге нет никакого противоречия?

— Моя фамилия Беркович, — повторил старший инспектор, так и не сумев отвести взгляда. Ему казалось, что теперь он до конца разговора привязан к ее глазам, к тучке на голубом небе, к молниям, которые обязательно сверкнут, когда он спросит о главном. — А вас зовут…

— Рина, — голос прозвучал удивленно, будто женщина то ли впервые называла свое имя вслух, то ли не понимала, как мог следователь не знать ее имени, ведь он наверняка справился у полицейского, стоявшего за дверью, а тот уже задавал этот вопрос.

— Рина Альтерман? — уточнил Беркович.

Ответа он не услышал, да и что она могла ответить на вопрос, который посчитала риторическим?

— Натан… — сказала она. — Я не понимаю…

Грозовые тучи в ее глазах скрыли голубизну неба. Сейчас начнется ливень, и разговаривать станет невозможно.

— Вы работаете… — Беркович сделал паузу.

— В магазине, — тучи продолжали скапливаться, застилая небо, но уже не так быстро. — Кассирша.

— Сегодня… — Пусть продолжает фразу, пусть будет вынуждена реагировать на его слова, пусть говорит что угодно, лишь бы не молчала.

— Во второй смене, — голос звучал ровно, безжизненно, Рина говорила «на автомате», мысли ее были далеко, там, куда Беркович не хотел ее пускать, но и удержать ее у него больше не было возможности.

— У вас дочь. Она в школе?

— В школе, — повторила Рина и сразу поправилась: — Нет, у них экскурсия в Музей искусств, и они выключили телефоны, я ей сразу позвонила, но у нее автоответчик. Наверно, сейчас… Можно?

— Конечно, — сказал Беркович.

Ей лучше знать, что сказать дочери.

Телефон в руке женщины дрожал, будто живой.

— Лея, — а голос звучал твердо, — ты можешь вернуться домой прямо сейчас? Это важно.

Беркович не слышал, что ответила девочка, но плечи у Рины опустились, на мгновение она прижала мобильник к щеке, а потом сказала:

— Хорошо. Приезжай сразу, как только вернетесь в школу. Нигде не задерживайся.

Рина положила аппарат на стол.

— Я ничего не сказала. Она… у нее…

Голос прервался. Конечно, у девочки замечательное настроение, она даже не уловила паники в словах матери. «Приеду, мама, все нормально».

— Ваш муж, — осторожно, будто ступив на минное поле, спросил Беркович, — часто запирался в кабинете?

Рина долго молчала, то ли не поняв вопроса, то ли выбирая ответ, который не показался бы следователю странным.

— Да, — она положила на стол руки и смотрела на ладони, будто читала невидимую книгу. — Натан не работает, со старой работы уволили, а новую он не нашел. По утрам… понимаете… он пишет книгу.

О, да. Наверно, роман о приключениях «русского» еврея в Израиле. Как казалось Берковичу, это была самая популярная тема у мужчин, поче-

му-то решивших, что обладают литературными способностями. Впрочем, даже те, кто точно знал, что никакими способностями не обладает, все равно, когда приходило время и звучал в душе трубный глас, садились к компьютеру и сочиняли роман о том, как некий Сёма Лифшиц сошел с трапа самолета, надеясь обрести в Израиле не только новую родину, но и новое счастье, которого ему не хватало дома. Герои эмигрантских романов все равно были дома там, а не здесь.

— Он пишет книгу о поэзии Бродского, — с извиняющейся улыбкой проговорила Рина, сбив Берковича с мысли.

Он не нашелся, что спросить, сидел и смотрел, ждал пояснений.

— У мужа потрясающая память, — Рина говорила о нем, как о живом, и это пока было правильно, душа покойного, наверно, все еще находилась где-то здесь и, возможно, слушала разговор, не способная вмешаться.

Беркович тряхнул головой — почему он подумал о душе? Никогда подобные мысли не приходили ему в голову, тем более в квартире, где произошло убийство, а убийцей, не исключено, была эта женщина — просто из-за отсутствия других подозреваемых.

— …Не только на стихи, — продолжала Рина. Она говорила сдержанно, рассказывала хорошему человеку, пришедшему в гости, о любимом муже. — Он может запомнить целые страницы текста. Думал, это поможет в изучении иврита, но память у него странная… Язык не пошел, не знаем почему…

Она неожиданно поняла, что память мужу больше не понадобится, книга о Бродском останется недописанной, и вообще обычная жизнь кончилась, а завтра… что будет завтра?

— Этот камень… — мягко произнес Беркович, подводя наконец подозреваемую к самому важному вопросу. — Вы видели его раньше?

Рина покачала головой.

— Нет. Очень странный камень. Мне ваш… — она запнулась, не зная, как назвать Хана, — коллега показал его… Нет, не видела. Там… — ее голос зазвенел, — там была кровь!

— Вы постучали, и муж не ответил, — Беркович поспешил задать следующий вопрос. — Вы говорите, он запирался, когда писал книгу, не хотел, чтобы ему мешали. Когда обычно он заканчивал работу? Или вы звали его в какое-то определенное время?

— Нет, он сам. Обычно часов в десять. Нужно

было выйти за покупками. Если я была на работе, оставляла список. А если дома, как сегодня, то говорила, что нужно купить.

— Он запирался в комнате и тогда, когда оставался дома один?

— Нет… Не знаю, — в голосе Рины прозвучала растерянность. — Нет, наверно. Если никто не мог ему помешать, то зачем…

— Сегодня он не вышел в десять, как обычно?

— Да. И я постучала, потому что…

Она запнулась. Она не могла сама себе объяснить, почему стала стучать, мешая мужу работать. Да, был уже одиннадцатый час, а обычно он в десять появлялся в дверях, бодрый и довольный. Могла бы подождать, он, бывало, задерживался, если нужно было дописать фразу, или новая мысль приходила в голову. Но она постучала. Интуиция? Что-то ее заставило?

— Он не ответил, и я позвонила ему на мобильный, так мы всегда делали, не кричать же через дверь.

На звонок Натан не ответил — в это время он, видимо, был уже мертв.

— Вы говорите, — Беркович старательно подбирал слова, ему не хотелось показывать, что он обратил внимание на противоречия в ее расска-

зе, — Натан работал над книгой. Однако, когда вы вошли в комнату, он…

Рина вздрогнула и сделала рукой отстраняющий жест. Она не хотела вспоминать, как вошла и увидела…

— Натан лежал на диване, — Беркович говорил монотонно, без эмоций, — такое впечатление, что он спал, когда…

— Спал, — повторила Рина. — Да. Он рано просыпался, часов в шесть, завтракал и садился работать. Отрывался, чтобы отправить Лею в школу. Часов в десять заканчивал работать, у него не получалось писать с вдохновением больше трех часов. Говорил, в голове будто что-то затухает. Тогда он выключал компьютер и ложился… не спал, просто лежал, отдыхал. Это сильное напряжение, когда сочиняешь… мне кажется.

Она будто извинялась за то, что муж отдыхал, когда большинство людей только начинали рабочий день.

Из коридора послышались голоса — кто-то вошел в квартиру. Рина побледнела. Вернулась из школы дочь Альтерманов, Лея, ничего еще не знавшая о случившемся.

На пороге возникла хрупкая, но высокая для своего возраста девочка с черными волосами до

плеч. Взгляд как у матери, пристально-изучающий, хотя глаза не голубые — карие. Видимо, как у отца.

— Мама… Что случилось?

Беркович тихо вышел в коридор, где Кармон подпирал стену, и закрыл дверь на кухню. Вообще-то не следовало оставлять мать с дочерью наедине — если Рина причастна к убийству, то сумеет сейчас проинструктировать Лею, как себя вести и что говорить. Но если преступление было обдумано заранее, то дочь, возможно, в курсе?

В кухне было тихо, минут через пять Беркович вошел и обнаружил мать с дочерью сидевшими за столом друг напротив друга, перед каждой стояла чашка крепкого чая, и на тарелочке лежали печенья. При его появлении обе замолчали, но о чем-то они говорили перед тем, как он вошел, — спокойно, без истерики, будто не мужа и отца только что потеряли, а постороннего дядю, о котором сейчас и судачили.

Третья чашка тоже была на столе, и рядом горстка печенья на отдельной тарелочке — для него. Беркович сел, изучающе посмотрел на девочку. Ему показалось, что спокойствие ее было показным — для него или для матери? Хотела Лея поддержать мать или убедить полицейского,

что она не ребенок? Была в этом некая фальшь, нарочитость, интерпретировать которую он пока не мог, разве что предположить (безосновательно, только потому, что так ему показалось): обе что-то знают о трагедии, и обе ничего не скажут.

Что ж, будем исходить из этого.

— Мама сказала тебе, что произошло? — участливо спросил Беркович. Риторический вопрос, но его следовало задать.

Лея опустила в чашку печенье, оно сразу намокло. Кусочек отвалился, упал в чай, пошел ко дну, и Лея, отложив остатки печенья на блюдечко, принялась ложкой размешивать жидкость, пить которую было уже невозможно.

— Мама сказала, что папу убили. Это неправда? Ведь правда, что это неправда?

Беркович посмотрел на Рину — мать была в шоке: остановившийся взгляд, дрожащие пальцы, крепко сжатые губы.

— К сожалению… — пробормотал Беркович, не очень представляя, как разговаривать с девочкой. — Я хотел бы задать тебе несколько вопросов, в присутствии мамы, конечно. Но если ты плохо себя чувствуешь…

— Я нормально себя чувствую, — сухо отозвалась Лея. — Спрашивайте.

Что-то Рина пыталась сказать дочери взглядом, но Лея опустила голову, положила в рот печенье и старалась не смотреть ни на мать, ни на полицейского.

— Ты говорила с папой перед школой?

— Да. Папа меня разбудил. Он всегда меня будит. Он рано встает.

— О чем вы говорили?

— Не помню. Про музей. Чтобы я посмотрела… не помню.

— Папа звонил тебе в школу?

— Нет. Он никогда не звонит до двенадцати.

Беркович поднялся, отодвинул на середину стола свою чашку. Зачем? Надо было что-то сделать, что-то подвинуть, будто движение стало словом, будто, подвинув чашку, он обратился к Лее с ей одной понятным вопросом. Она подняла на него взгляд — глубокий, как пропасть, в которую падаешь без надежды достичь дна.

Он пошел к двери и услышал голос Рины:

— Нам что-то надо сделать? Прийти в полицию?

Беркович обернулся.

— Пока ничего. Чуть позже за вами заедут и отвезут в Абу-Кабир… В общем, вам объяснят. Здесь побудет сержант. Там, внизу, репортеры.

Если у вас силы…

— Нет!

— Я скажу сержанту, он никого не впустит, не беспокойтесь.

* * *

Вечером в Тель-Авиве стало прохладнее — не в том смысле, какой обычно придают этому слову. Температура воздуха не изменилась, но дышать стало легче: потянуло ветерком с востока, то ли из Иорданской долины, то ли издалека, не из Иордании даже, а из Аравийской пустыни. Сухой ветер казался более прохладным, чем оседавший влагой на коже ветер с моря, дувший весь день и не позволявший Берковичу обдумать впечатления от работы «на объекте». Кондиционер в его кабинете гнал теплый воздух, техник, вызванный еще утром, сообщил, что будет завтра, обычное израильское разгильдяйство. Если совещание у генерала назначено на три часа пополудни, а началось в половине четвертого, это вполне терпимая задержка.

О сегодняшнем убийстве речи на совещании не было, обсуждали инцидент у мечети Хасана в Яффо, где кто-то намалевал на стене минарета «Смерть арабам!» и подписался глупо и

бессмысленно: «Еврейский террорист». Берковича полагал, что это ребячья выходка, мозгов у дураков-мальчишек меньше, чем желания действовать, а действие для них не результат обдуманного решения, но проявление спонтанной воли, дарованной Творцом всем и каждому, в том числе и тем, кто не умеет своей волей пользоваться согласно инструкции, которая тоже дана была Господом и начертана на скрижалях.

Стоя в пробке на улице Жаботинского, Берковича вспоминал разговор с Риной и Леей, а потом беседу с Ханом, умевшим рассуждать порой более здраво, чем это получалось у старшего инспектора, довольно часто оказывавшегося (как он сам считал) во власти излишне романтического представления о преступной среде и потому время от времени делавшего выводы, не то чтобы не имевшие отношения к реальности, нет, расследования у Берковича обычно оканчивались арестом подозреваемого, который потом в суде получал свое — за последние годы у старшего инспектора почти не было осечек, — дело было вовсе не в этом, а в том, что романтический склад ума приводил Берковича к верным выводам не путем тщательного анализа улик и слов, сказанных на допросах свидетелями, а спонтанно, интуитивно,

и лишь потом он наводил мосты, сопоставлял факты с выводами и обычно убеждался в их правильности. Тем не менее, отдавая дань интуиции, Беркович относился к ней с подозрением, как всякий профессионал, привыкший строить обвинительные заключения на трезвом расчете.

Сейчас интуиция говорила Берковичу, что мать с дочерью никакого отношения к смерти Альтермана не имеют. Но и никто посторонний тоже не мог убить Натана, поскольку… Да, пресловутая загадка запертой комнаты. Никто не мог ни войти, ни выйти, ни находиться там в то время, когда Натан получил удар по шее странным камнем, похожим на помесь уродливой куклы с Фредди Крюгером.

— Обычный камень, — сказал Хан, изучив отколотый маленький кусочек ноги — там, где поверхность была довольно остро отточена. — Гранит с примесью известняка. Если бы не было примеси, камень был бы еще более твердым и легко полируемым. Посмотри на эти едва заметные выщерблины, они возникли, когда поверхность камня полировали на полировальной машине вроде немецкого «Боша».

— Никогда не думал, — признался старший инспектор, — что камень можно так остро нато-

чить. Казалось, что он раскрошится раньше.

— Это так, — согласился Хан, осторожно держа «куклу» за «голову», бесформенную, как помятый пластилиновый шар, но все же с явно видными вмятинами на месте рта и глаз и очевидной выпуклостью там, где, по идее, должен был быть нос. — Все зависит от химического состава породы. Чуть больше известняка, и камень начнет крошиться при полировании, чуть больше гранита, и полировать с помощью обычных методов станет слишком трудно. Как ты думаешь, чем брились наши предки? Такими каменными лезвиями и брились.

— Да? — с сомнением произнес Беркович. — Мне казалось, что они не брились никогда, судя по бородам, изображенным…

— Бороды были у жрецов, — перебил старшего инспектора эксперт. — А посмотри на древнеримские статуи…

— Пожалуй, — протянул Беркович, вспомнив бритые подбородки Цезаря, Цицерона и самого Тита Веспасиана, покорителя Иудеи и разрушителя Второго храма. — Хорошо, убедил. Странная все же игрушка, если кто-то хотел действительно сделать нечто похожее на куклу. Зачем было оттачивать ноги и руки? Для чего вообще такой

уродец? Никакая девочка — а если это кукла, то явно не для мальчишеских игр — не стала бы играть с такой Барби.

— Для чего, — резонно заметил Хан, — это вопрос, на который тебе ответит подозреваемый, если ты найдешь такого. Пока вопрос стоит иначе — как. Как эта кукла оказалась в запертой комнате? Что с ней делал убитый?

— Ты определенно утверждаешь, что нанести себе рану Альтерман не мог?

— Ты меня второй раз об этом спрашиваешь, — сказал Хан с легким раздражением. — Нет, не мог. И ты не ответил на вопрос: откуда взялась кукла?

— То есть? — Беркович нахмурился. — Мне кажется, это очевидно: убийца принес ее с собой. Никто из домашних этого предмета прежде не видел. Хотя… — старший инспектор вспомнил свои ощущения после ответа Леи на этот вопрос. — Возможно, девочка видела куклу раньше, но почему-то скрывает. Я этого не утверждаю, — поспешно добавил он, — просто мне показалось, что ответила она не так быстро, как на прочие вопросы. Субъективное ощущение, и у меня нет оснований…

— Ты собираешься в разговоре с девочкой вер-

нуться к этой теме?

— Конечно. Но это мелочь по сравнению с проблемой запертой комнаты. Как убийца вошел? Как вышел? Почему Рина, жена Альтермана, ничего не видела и не слышала? По ее словам, она была занята на кухне и не обращала внимания на то, что происходило в квартире. Дверь, по ее словам, возможно, хлопала, а возможно, нет. Но даже если дверью хлопали, это не объясняет, как убийца покинул комнату, запертую на ключ изнутри. Послушай, — Берковичу пришла в голову новая мысль, — могло быть так: убийца нанес удар и выбежал из комнаты и из квартиры, а Альтерман, будучи в шоковом состоянии, не сразу потерял сознание, а какое-то время двигался, запер дверь…

— Зачем? — поднял брови Хан.

— Плохо соображал, мысли путались, боль… Могло такое быть?

— Нет, — покачал головой Хан. — Он умер быстро, а сознание потерял сразу. Положение тела и расположение пятен крови свидетельствуют о том, что удар он получил, когда лежал. Если бы Альтерман какое-то время находился в стоячем положении, кровь натекла бы на рубашку и, возможно, на пол. На рубашке крови немного, но

основательно натекло вокруг головы на диване. Из этого следует…

— Я понимаю, что из этого следует, — согласился Беркович. — Кто же запер за убийцей дверь?

— В том числе наружную?

— Нет, наружная дверь в квартиру оставалась не запертой. У Наташи, кстати, тоже есть такая привычка, с которой я время от времени борюсь, но это бесполезно. «Забываю», — говорит.

— Если бы вы с Наташей жили в Бруклине, — заметил Хан, — она не забывала бы запирать дверь. А тут… Иными словами, пока Рина была на кухне, в квартиру мог проникнуть кто угодно. Войти в комнату к Альтерману…

— Если она была не заперта, а, по словам Рины, муж запирал дверь, чтобы ему не мешали.

— Он мог отпереть, впустить гостя, которого знал, запереть за ним дверь…

— Но выпустить не мог, — буркнул Беркович.

— Что-то ты упускаешь из виду, — подвел итог Хан. — Ясно, что в момент убийства комната не была заперта.

— Ясно… — протянул Беркович. — Мне, например, ясно, что Рина не могла убить мужа, хотя она — единственная реальная подозреваемая. Кроме нее, по ее собственному признанию, никого в

квартире не было.

— Не могла? Почему?

— Она любила мужа. И не спрашивай, почему я так утверждаю. Я это просто вижу. И еще: она никогда прежде не видела этого… Фредди Крюгера. О девочке я такого сказать не могу, а Рина не видела. И, опять же, как она вышла из комнаты после убийства, если она убийца? Абсурд. Она не могла даже просочиться в замочную скважину, потому что в ней торчал ключ.

— А пройти сквозь стену?

— Ты вчера смотрел фильм о человеке, проходящем сквозь стену?

— Не я, — отмахнулся Хан. — Жена смотрела по третьему каналу. Ты тоже?

— Наташа. И не досмотрела до конца. У старых фильмов свое очарование, но у всех общий недостаток: они слишком прямолинейны, если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Хорошо понимаю, — кивнул Хан. — Потому и не смотрю старые фильмы, особенно израильские, они настолько дидактичны, что становится неприятно. Хорошо, ты проникся к жене Альтермана… вдове… такой симпатией, что исключил ее из списка подозреваемых.

— Не говори так, Рон! Мое личное ощущение не

играет роли. Естественно, Рина — единственная пока подозреваемая по делу. А список… Какой список? Кроме Рины…

— Держи меня в курсе, хорошо? — Хан дал понять, что время на разговоры у него заканчивается.

— Конечно, — Беркович поднялся, посмотрел на часы: половина шестого. — Поеду домой, Наташа собиралась сегодня приготовить на ужин фаршированные перцы и помидоры.

— Это приглашение? — прищурился Хан.

— А что? — оживился Беркович. — Бери Зайду и приезжайте через пару часов. Я предупрежу Наташу.

— Нет, спасибо, — вздохнул Хан. — Обожаю фаршированные перцы, но мне еще работать. Кроме твоего дела, есть еще Два. Дома буду не раньше одиннадцати, а кто оплатит сверхурочные? Хоть забастовку объявляй.

Это была вечная угроза всего экспертного отдела. Работали эксперты допоздна, но получали обычную ставку, и обращения в Руководящие инстанции не могли пока переломить ситуацию.

Денег всегда не хватало, денег не досчитывались во всех отделах, не только в экспертном. Похоже, вся страна постоянно нуждалась в день-

гах, чтобы правильно наладить работу полиции, школ, вузов, больниц. Вчера бастовали врачи Общей больничной кассы, сегодня грозились объявить забастовку железнодорожники. Хорошо хоть всеобщую забастовку Объединенные профсоюзы назначать не собирались, как в былые времена, когда руководил профсоюзами усатый жук Амир Перец.

* * *

Беркович предупредил Наташу о том, что скоро будет, только заедет кое-куда на минуту, но не задержится, так что к восьми они точно сядут за стол.

— Точно к восьми? — Беркович так и увидел, как жена улыбается и перекладывает телефон из левой руки в правую. Знакомая привычка, которая почему-то приводила Берковича в сладостный восторг: Наташа всегда начинала говорить, держа телефон в левой руке, но, сказав несколько слов и поняв, что разговор на этом не закончится, она перекладывала трубку в правую руку и продолжала более уверенным голосом, будто содержание и смысл сказанного зависели от того, каким ухом она слушает и в какой руке держит аппарат. Как-то Беркович спросил жену,

в чем смысл того, что она делает. Наташа округлила глаза и сказала, что никогда не обращала внимания на эту свою привычку; неужели она действительно так делает, ладно, будет теперь следить… «Нет! — поспешно сказал Беркович. — Это у тебя так мило получается!»

— Постараюсь к восьми, — поняв, что жену не обмануть, а если Наташа успела переложить аппарат в правую руку, то разговор будет долгим, Беркович сказал поспешно: — Извини, я в машине. У меня только короткий разговор со свидетелями.

Короткий, да…

Подъезжая к дому Альтерманов, он увидел перед подъездом полицейскую машину, в которой дремал незнакомый Берковичу патрульный, а чуть поодаль — группу репортеров, дожидавшихся добычи, как кондоры, медленно вертящие головами из стороны в сторону. Увидев вышедшего из машины Берковича, парень-оператор подхватил камеру, а девушка-репортер выхватила из дорожной сумки микрофон. Опустив голову, Беркович быстро проскочил «обстреливаемое пространство» и взбежал на третий этаж. Дверь в квартиру Альтерманов была распахнута, на площадке курили трое мужчин, в гостиной

сидели на диване и придвинутых к нему стульях женщины, разводя свои женские пересуды. Увидев Берковича, все смолкли и принялись разглядывать старшего инспектора, будто он был убийцей, имевшим наглость явиться в дом, который он недавно оставил без кормильца. Рину и Лею Беркович нашел в спальне, они сидели на кровати, обнявшись. Лея плакала, а Рина смотрела перед собой, ничего и никого не видя. Она и на появление Берковича не отреагировала. Старший инспектор осторожно прикрыл дверь, услышав движение в кухне. Там, упершись руками в кухонный столик, стояла женщина лет тридцати пяти, массивная ширококостная блондинка с большой грудью, пышной прической и крупными чертами лица. Родственница?

— Опять полиция? — раздраженно встретила она Берковича. — Послушайте, дорогой, почему хотя бы сегодня не оставить Рину в покое? И еще эти с телевидения. Как кондоры какие-то!

Беркович мимолетно удивился тому, что сравнение с кондорами возникло у него и у этой женщины одновременно, но его раздражали манеры некоторых соотечественников, полагавших, что «со своими», даже если это полицейские, можно разговаривать в более развязном тоне,

нежели с «местными», к которым люди этого сорта обычно относились с легким презрением, но в разговоре всегда были уважительны и даже приторно вежливы.

— Вы кто? — спросил Беркович, оставив обходительный тон на будущее. — У вас есть документы? Покажите, пожалуйста.

Женщина возмущенно пожала плечами, но перечить не стала, достала из большой красной сумки, висевшей на спинке стула (утром на этом стуле сидела Лея, — отметил Беркович), портмоне, извлекла, порывшись, удостоверение личности и бросила на стол с таким видом, будто это был компрометирующий ее документ.

Мария Бронштейн, 1974 года рождения.

— Кем приходитесь семье Альтерман? — сухо спросил Беркович, отодвинув удостоверение на центр стола и достав из сумки бланк протокола.

Тон и бланк подействовали. Мария поджала губы и сказала:

— Жена друга.

— Друга Натана или?.. — уточнил Беркович, не ожидая, что его невинный вопрос вызовет неожиданную бурю.

— Черт возьми! — воскликнула женщина и опустилась на стул напротив (утром на этом

стуле сидел старший инспектор). — Как вам могло прийти в голову, что мой муж мог быть другом Рины? Вы всегда так думаете о людях? О друзьях?

— Как зовут вашего мужа? — спокойно спросил Беркович, гася возможные последствия предыдущего вопроса.

— Григорий. Это имеет значение?

— Григорий, — повторил Беркович и нацарапал несколько! слов на бланке протокола, — и Мария Бронштейн.

— Фамилия мужа — Вайншток, — сухо поправила Мария.

— Давно знакомы с Альтерманами?

— Лет шесть. — Мария пришла наконец в более или менее равновесное состояние. Она больше не видела в полицейском! врага — скорее, удивительное существо, сумевшее в нелегких условиях абсорбции освоиться настолько, что стало частью государственной системы. К таким людям следовало относиться если не с уважением, которое они еще должны были заслужить, то с той обходительной вежливостью, с какой обычно «понаехавшие» относятся к местным или, как правильнее сказать, «аборигенам».

— Как вы узнали о трагедии?

— Рина позвонила.

— Во сколько? — Берковичу было важно знать, когда Рина начала обзванивать друзей и знакомых — до его прихода или после.

— Не помню. Часов в двенадцать, наверно.

Значит, после.

— Ваш муж на работе?

— Мой муж в зарубежной командировке, — с некоторой долей издевки сказала Мария.

— Вот как? Кто он по специальности?

— Физик, работает в тельавивском университете.

— Цель командировки?

«Это имеет значение?» — спросила Мария высоко поднятыми бровями. Беркович молча ждал.

— Конференция в Гамбурге.

— Когда вернется?

— Послезавтра, в пятницу, перед началом субботы.

Придется и Вайнштоку задать несколько вопросов, хотя он точно не мог иметь к смерти Натана никакого отношения. Хотя… Надо проверить — что, если Вайншток вчера, скажем, вернулся в Тель-Авив, а сегодня опять вылетел в Гамбург? Маловероятно, конечно, настоящий убийца вряд ли станет поступать так опрометчиво…

Беркович вытащил из сумки пакет с «вещдоком» и положил на стол. Он еще не сказал ни слова, а Мария резко наклонилась вперед, хотела взять пакет, но Беркович аккуратно отвел ее руки, покачал головой, и женщина принялась всматриваться в острые грани, пытаясь, видимо, разглядеть на них следы крови. Конечно, Рина рассказала подруге, чем был убит ее муж. Орудие убийства — как интересно! Но Беркович уже понял — Мария никогда прежде этого предмета не видела.

— Что это? — спросила она, разыгрывая неведение.

— Этим предметом был убит Натан. Видите острые грани?

— Кошмар какой… — Мария была искренне шокирована, Берковичу даже показалось, что она вот-вот вскочит и побежит в туалет, лицо ее сначала покраснело, а потом стало белым.

— Вам знаком этот предмет?

Мария покачала головой.

— Никогда не видела, — сказала она хрипло. — Это… какая-то пародия… дикая.

— Пародия?

— Похоже на куклу, верно? Голова, руки, ноги… уродливое все… Зачем было руки-ноги оттачи-

вать так, будто…

Она не придумала слова для сравнения и замолчала.

— Вы с мужем часто бывали в гостях у Альтерманов? — спросил он, демонстративно отодвинув лист протокола.

— С мужем? — Мария едва заметно пожала плечами. — С мужем — нет, не часто.

— А без мужа?

«Черт возьми, — сказал ее взгляд, — вам-то какое до этого дело?»

— Вообще не приходила, — сказала Мария |так тихо, что Берковичу пришлось наклониться над столом, чтобы расслышать каждое слово. — Гриша и Натан — приятели, им было о чем говорить. А я…

Она помедлила, раздумывая, о чем стоит говорить полицейскому. Решила, что можно сказать, все равно докопается, если ему приспичит.

— Муж приходил обычно без меня.

«Когда Натана не было дома?» — мелькнула у Берковича мысль, и, похоже, Мария поняла, что следователь может из ее слов сделать неправильный вывод, потому что тут же добавила:

— У Гриши свои дела с Натаном. То есть не дела — интересы. Даже не интересы, я бы сказала —

увлечения. Мужские дела, в общем. Они о науке рассуждали. Вы знаете, что дома… в Ростове, я хочу сказать… Натан работал в биотехнологической лаборатории, а здесь…

А здесь он перебивался случайными заработками, чаще всего по-черному. И что было причиной того, что «в люди» Альтерман не выбрался? Незнание языка? Неумение налаживать контакты? Отсутствие пробивных способностей? Просто невезение? Могло быть все, что угодно, и все вместе. Берковичу в свое время повезло — как немногим. Приехал он в Израиль с родителями, которым не удалось здесь проработать и дня. Отец был «там» старшим инженером на фабрике, мать — бухгалтером, и куда они могли устроиться, не зная языка, который к тому же не очень старались выучить, ссылаясь на возраст и отсутствие лингвистических способностей? Может, потому отец так быстро ушел… Беркович не любил вспоминать первые годы, когда он и сам думал, что приехали зря, все чужое, и в школе у него поначалу были проблемы, хотя язык-то как раз пошел у него легко, но не языком же единым жив человек.

— Вашему мужу все-таки удалось устроиться в университете.

Это был не вопрос, а простая констатация, но Мария возмутилась:

— Устроиться! Гриша — талантливый ученый, у него там было около ста публикаций, о чем вы говорите! А здесь он, как приехали, послал свои автобиографии во все университеты и колледжи, получил шесть приглашений на семинары, везде блестяще выступил, его Технион переманивал, но в Тель-Авиве предложили лучшие условия, сначала, правда, была стипендия от Министерства науки, а потом удалось выбить гранты.

Мария противоречила сама себе. Если Вайншток так нужен был сразу в двух вузах, зачем было добиваться стипендии? Впрочем, Беркович плохо знал университетскую систему — скорее всего, даже желая иметь у себя талантливого ученого, университет не мог оплачивать его деятельность. О борьбе ученых-репатриантов за свои права Беркович слышал, и демонстрации, которые устраивал «Союз ученых-репатриантов», видел по телевизору, удивляясь, почему среди приехавших научных работников так мало молодых — все выглядели пенсионерами.

Беркович спрятал в сумку «орудие преступления» и, не сказав больше ни слова, покинул кухню. Дверь из спальни была открыта, Лея и

Рина вышли в коридор, обнялись и стояли, раскачиваясь, как матросы на палубе корабля в бурю.

— Вы получили документы? — спросил Беркович.

— Да, — сказала Рина. — Похороны завтра в два, на кладбище Гиват-Шауль. Натан… нам не отдали… сказали, что оттуда…

— Да, — кивнул Беркович, — таковы правила.

Подумал: «Вам же хлопот меньше, все сделает Хевра кадиша[3]».

Рина, похоже, хотела спросить «Вы придете?», но прикусила язык, а Лея посмотрела на старшего инспектора с вызовом и добавила:

— Вы уже знаете, кто убил папу?

Беркович покачал головой и почему-то спросил:

— Лея, ты любишь играть в куклы?

Конечно, какая девочка не играет в куклы. Почему он спросил?

— Не очень, — призналась Лея. — Больше любила… и сейчас тоже… смотреть телевизор. Мультики. То есть раньше мультики, а сейчас…

Она не стала продолжать. Какое дело полицейскому офицеру до фильмов, которые ей нравятся,

---

[3] Примечания: 3
Похоронная организация

и какие мультики нравились, когда она была маленькой?

— Советские? — вырвалось у Берковича. — «Чебурашка», «Ежик в тумане», «Винни-Пух»…

Он называл свои любимые. Беркович помнил каждый кадр и пожалел, что лет десять не пересматривал эти замечательные ленты. Арик, которому уже исполнилось четыре, российские и советские анимации смотреть не желал и тащился от бессмысленных телепузиков.

— «Чебурашка»? — повторила Лея медленно, то ли пробуя слово на вкус, то ли пытаясь вспомнить или понять, о чем идет речь. — Нет, японские. Черепашки-ниндзя.

— У тебя есть куклы? — удивляясь собственной настойчивости, спросил Беркович и только тогда понял, почему задавал именно эти вопросы. Что, если среди кукол Леи окажется похожая на недоделанную болванку?

И что, если окажется?

— Были, — сказала Лея, глядя на мать, а не на Берковича. Рина погладила дочь по голове и ответила на незаданный вопрос старшего инспектора. Она, в отличие от Леи, быстрее понимала логику полицейского.

— Хотите посмотреть? Старые куклы мы не так

давно сложили в коробку и вынесли на балкон, в квартире не так уж много места. Оставили Две самые любимые — деревянного Буратино и толстую тряпичную Тому, они обе в гостиной на полке под телевизором.

Буратино и Тому Беркович уже видел. Буратино выглядел как новый, только краска местами стерлась, а Тома, напротив, готова была отправиться в мусорный бак — помятая, со свалявшимися волосами, глаза навыкате, нос оторван.

— Покажите, если не трудно.

На балконе стояла стиральная машина, на раскладной сушилке было развешано уже высохшее белье. Картонная коробка находилась в углу, на ней — пакет с рулонами туалетной бумаги. Рина отставила пакет в сторону, Лея открыла коробку, Беркович заглянул внутрь. Мог и не смотреть: действительно, семь старых кукол, обычное девчачье богатство, которое с тяжелым сердцем отправляют доживать на балкон вместо того, чтобы сразу снести к мусорным бакам.

— Спасибо, — пробормотал Беркович, ощущая, что вторгся в личное пространство — да, имел право, да, как бы в интересах дела, но все равно ни Лея, ни куклы ему этого не простят. Глупая мысль, но она не просто промелькнула,

а зацепилась за какую-то извилину в мозгу и повторялась, пока старший инспектор, произнося стандартные извинения, выходил в коридор и прощался. Из кухни появилась Мария и смотрела на Берковича, уперев в бока толстые руки. Она хотела что-то сказать, возможно, язвительное или грубое, но сдержалась, и Беркович ступил за порог, пообещав присутствовать на похоронах.

* * *

Ужинали в молчании. Наташа, как обещала, приготовила фаршированные перцы и помидоры — мясо было сочным и в меру посоленным, а овощи мягкими, но не разваренными. И подливка замечательная, Беркович макал в нее хлеб, отправлял в рот вкусные куски мяса и овощей, но удовольствия на лице мужа Наташа не заметила, а тут еще Арик умудрился пролить на себя соус, испугался, что его будут ругать, и начал заранее хныкать. Все одно к одному. Наташа поменяла сыну рубашку, заставила доесть мясо, отправила к телевизору смотреть вечернюю сказку на иврите и только после этого вспомнила, что сама не съела ни куска. Есть почему-то расхотелось. Наташа понимала, что у мужа неприятности на службе. Она привыкла к тому, что спрашивать

Борю не только бессмысленно, но и вредно для их отношений: Он раздражался, мог накричать, они расходились по разным углам, обоим было неприятно. Конечно, Боря отходил — понимал, что виноват, но хотел, чтобы и Наташа часть вины брала на себя: почему спрашиваешь, если видишь, что нет настроения отвечать? Приду в себя, сам расскажу. Или не расскажу — в зависимости от того, можно ли делиться с женой обстоятельствами дела или деталями разноса на совещании в отделе.

Все-таки она не выдержала. Когда Беркович разрезал помидор на мелкие кусочки, Наташа положила ладонь на руку мужа и сказала тихо:

— Боря, если тебе есть что сказать…

Фразу она не закончила, Беркович обычно лучше реагировал на не законченные фразы — заканчивал в уме сам, обычно именно так, как нужно было Наташе, и тогда в его сознании ее мысль превращалась в его собственную, а потому и отвечал он вроде бы не ей, а себе самому, что для его подраненного восприятия было в этот момент более приемлемо.

— Ты любишь Карра? — спросил Беркович, отложив нож и вилку.

Наташа не сразу поняла, о чем — или о ком

— речь.

— Карра? — переспросила она с недоумением. — Ах да, Карр. Ты знаешь, что люблю, почему спрашиваешь?

— Потому что с сегодняшнего утра я его терпеть не могу, — мрачно сообщил Беркович. — У него запертые комнаты — как ребусы. Посидел, подумал, догадался. Помнишь, тайну «Глаза Иосифа» я разгадал после второй главы?

Наташа молча ждала продолжения.

— Понимаешь… — Беркович никак не мог подступиться к главному. — Утром погиб человек. Мужчина, сорок два года, женатый, есть дочь одиннадцати лет, через два месяца у нее бат-мицва[4].

Обстоятельно, не пропуская ни одной детали, Беркович рассказал об осмотре места преступления, о том, какое впечатление на него произвели Рина, Лея и, впоследствии, Мария. Описал запертую комнату, странного каменного уродца, которого он хотел бы показать Наташе, но перед уходом домой сдал вещественное доказательство в криминологический отдел.

---

[4] Примечания: 4

Бат-Мицва (букв. «дочь заповеди», ивр.) — возраст, когда девочка достигает совершеннолетия,12 лет. Мальчики отмечают совершеннолетие (бар-мицва — «Сын заповеди») в 13 лет

— Тяжелая штука? — спросила Наташа.

— Килограмма полтора. Камень все-таки.

Наташа покачала головой.

— Ни войти, ни выйти из этой комнаты физически невозможно, — заключил Беркович. — Все мыслимые варианты я продумал, они не проходят.

— У Карра, — напомнила Наташа один из популярных способов, — описано, как преступник снаружи поворачивал ключ, вставленный в дверь изнутри…

— С помощью сильного магнита, — кивнул Беркович. — Чепуха. Таким сильным может быть только электромагнит, а преступники не носят с собой силовых установок, слишком громоздко. В квартире Альтерманов, естественно, ничего подобного нет. Кстати, открыть или закрыть защелки на окнах, если добраться до них снаружи, тоже невозможно. К тому же окна прикрыты шторами. Внизу, под окнами, нет никаких следов, хотя там находится клумба, которую рано утром успели полить, так что, если бы кто-нибудь ступил ногой, след обязательно остался бы. В общем, Наташа, мы обсудили с Роном варианты и пришли к выводу…

— …Что в дело вмешалась нечистая сила, — с

сарказмом закончила Наташа.

— Конечно, нет! Мы пришли к выводу, что убийца оказался умнее нас, вот и все. Он придумал что-то такое, что нам в голову не пришло.

— Не слишком ли сложный способ, чтобы убить не очень приметного… я не ошибаюсь?.. нового репатрианта? Ты подозреваешь жену?

— А кого еще? — сокрушенно спросил Беркович. — После того как дочка ушла в школу, она была в квартире одна. Кроме Натана, естественно. С раннего утра муж, как обычно, заперся в кабинете, чтобы, опять же как обычно, писать свою книгу.

— Ты ее видел? — перебила Наташа. — Я имею в виду книгу, которую он якобы писал?

— Почему якобы? Рон забрал компьютер, и его сотрудники обнаружили немало текстовых файлов, среди которых и тот, что Рина назвала книгой о Бродском. Но меня больше заинтересовал другой текст: что-то вроде мемуаров. Как это часто бывает, рассуждения о жизни, об Израиле, об абсорбции… обычная репатриантская писанина.

— Ты прочитал?

— Не вчитывался, времени не было. К убийству это вряд ли относится. Написано, как недели две

назад Натан с женой и дочкой были на концерте Малинина, которого, по его словам, Натан терпеть не мог. Но жена Малинина обожает, вот они и пошли. Натан больше смотрел по сторонам. Увидел в зале двух депутатов Кнессета, трех телеведущих с Девятого канала, одну актрису из театра «Гешер», которую помнил по спектаклю «Скупой»…

— Хорошая память? — отметила Наташа.

— Прекрасная.

— Ты думаешь, он писал до того самого момента…

— Нет. Похоже, он, как бы это точнее сказать… выработал свой дневной ресурс, он не так уж много писал по утрам. Выключил компьютер и прилег на диван отдохнуть. Успел заснуть или нет — не знаю. Как бы то ни было, кто-то подошел с каменным уродцем в руке и ударил Альтермана по шее. Камень лежал в метре от тела. Тот, кто нанес удар, бросил орудие убийства и…

— Получается, что Натан… так его звали?.. Он должен был видеть убийцу?

— Лежал он лицом к стене, мог и не видеть, но маловероятно.

— Может, он сам убийцу и впустил?

— Каким образом? Снаружи была жена.

— Она могла возиться на кухне, когда пришел гость.

— Кухня напротив двери в кабинет. Жена… вдова уверяет, что обязательно увидела бы, если бы муж вышел кому-то открыть дверь, впустил бы в квартиру, вошел с гостем в комнату… И стука в дверь она не слышала. Тем более услышала бы, если бы гость позвонил.

— Она могла быть занята.

— Видишь ли, мы… я имею в виду сержанта Кармона и следователя Кашениля… мы опросили соседей и жителей дома напротив. Перед домом Альтермана не останавливалась утром ни одна машина. Ни один посторонний человек в подъезд не входил и не выходил. Свидетелей немало.

— И что в результате? — заинтересованно спросила Наташа.

— Ничего. Невидимый убийца. Неизвестно откуда взявшийся камень, похожий на человека-уродца. Отточенные грани — непонятно зачем.

— Непонятно зачем… — протянула Наташа. — А зачем его убили — понятно?

— Непонятно, — согласился Беркович. — Еще более непонятно, чем способ убийства. Не было у него врагов, если судить по словам тех, с кем я говорил. Тихий, спокойный человек. Никогда из

квартиры не было слышно криков, с женой он не ругался. Рина подтверждает — жили нормально, не то чтобы любили друг друга, то есть любили когда-то, когда поженились, но потом, как это обычно бывает…

— У нас, например, — вставила Наташа.

— Пожалуйста, — поморщился Беркович. — Не надо обобщать.

— Ты сказал: «как обычно».

— Беру слова обратно — не «как обычно», а как иногда бывает в некоторых семьях, любовь постепенно сменяется уважением, отношения становятся более спокойными, терпимыми. Они понимали друг друга, так мне кажется, иначе Рина не относилась бы с таким уважением, я бы даже сказал — пиететом, к тому, что муж писал книгу, которую она, кстати, не читала, потому что он никому не показывал. Говорил: «Закончу, тогда…». Обычная история графомана. Не знаю, хорош ли текст с литературной точки зрения, но мне показалось, что написано вяло. Не было у Рины мотива убивать мужа. Тем более таким изощренным способом. Она неглупая женщина, и даже если были у нее какие-то пока не известные причины для убийства, зачем ей мистика, если все равно она — единственная подозреваемая и

сама это понимает?

— Понимает? — усомнилась Наташа.

— Безусловно, — твердо сказал Беркович. — Она переживает гибель мужа, она в растерянности, не представляет, как жить дальше. Но понимает, что подозревать мне некого, кроме нее.

— Почему же ты…

— Не задержал ее? Что я могу ей сейчас предъявить? Улик никаких. Мотивов — нуль. Да, была дома. Ничего не видела, не слышала, ничего не знает. У меня есть что-то против ее слов? Ничего. Сбежать она не может, у нее дочь. Из страны ее, естественно, не выпустят. Прятаться где-нибудь в Израиле? Глупо. К тому же побег будет косвенным признанием вины.

— Испугаться и сбежать может и невинный человек, — заметила Наташа.

— Господи! — схватился за голову Беркович. — Ты начиталась детективов? Невинному человеку придет в голову что угодно, только не побег! Невинный человек чаще всего уверен, что полиция найдет его в два счета. Это преступник воображает, что он умнее всех.

— Паника?

— А вот паники у нее не было, — задумчиво произнес Беркович. — Был шок, страх за дочь,

страх перед будущим… как жить дальше… но никакой паники.

— Ты хочешь сказать…

— Она знает больше, чем говорит? Конечно. Все всегда знают больше, чем говорят. Правда, многие сами не догадываются, что знают больше. Память — отвратительная вещь. Человек не знает, что помнит. Помнит обычно гораздо больше, чем сам об этом догадывается. Знаешь, что самое трудное при допросах? Заставить вспомнить что-то конкретное. Мелочь, от которой зависит ход расследования. Я спрашивал Рину, когда она в последний раз видела мужа, когда обратила внимание на то, что дверь заперта, проверяла ли, заперта ли входная дверь, — очевидные вопросы, ответы на них лежат на поверхности памяти, и отвечала она быстро, не задумываясь, она действительно все это помнила и говорила правду. То есть то, что, как ей казалось, видела на самом деле. И потому загадка запертой комнаты выглядит не имеющей решения. Но поскольку это невозможно, значит, в ее памяти есть что-то еще, чего я не касался по незнанию, а она не касалась потому, что или не придала значения, не обратила внимания сразу, а потом ее наблюдение затерялось в мешке памяти, или, наоборот, пре-

красно помнит нужную деталь, но уверена, что к делу она отношения не имеет. Рина не хочет эту деталь скрыть намеренно, но в мозгу стоит блок: «это совсем другое, это только помешает следствию, если я скажу». Или что-то в таком духе. И я понятия не имею, что это может быть.

— Что будешь делать? — участливо спросила Наташа.

— Сейчас — спать, — решительно сказал Беркович, понимая, что мысли будут вертеться вокруг возникшей в мозгу оси. Постепенно вращение замедлится, мысли застынут, придет сон, но не сразу, очень не сразу.

— Может, мне лечь сегодня в гостиной? — спросил Беркович. — Ты знаешь, я буду ворочаться, а тебе надо выспаться.

— И думать не смей, — Наташа сделала вид, что обиделась. — Если тебе ночью что-то придет в голову, толкай меня и говори сразу, а то опять уснешь и забудешь.

— Обязательно, — Беркович чмокнул жену в щеку, почувствовал, как Наташа потянулась к нему и, крепко обняв, принялся целовать в нос, глаза, губы… Другой мир, другая жизнь, другие слова, мысли, образы, желания…

Ночь семейного счастья.

* * *

На похоронах Альтермана народа было немного. Беркович стоял в стороне, форму не надел и выглядел случайным посетителем кладбища, заинтересовавшимся случайными похоронами случайного человека. Рина выглядела спокойной, но круги под глазами и неестественная бледность говорили, чего ей видимое спокойствие стоило. Она несколько раз обвела взглядом присутствовавших, и по Берковичу ее взгляд скользнул тоже, но она, видимо, искала человека в форме и не признала в молодом мужчине в рубашке «поло» того, кто задавал ей вчера вопросы и обещал прийти на похороны.

Рину поддерживали Лея и Мария, которые сами нуждались в поддержке, обе еле стояли на ногах от усталости. Мужчины, составлявшие миньян[5], были, скорее всего, соседями, а не родственниками. Родственников у семьи Альтерман в Израиле не было. Одного из мужчин, склонивших головы в молитве, Беркович узнал — сосед с первого

[5] Примечания: 5

Миньян — группа из десяти взрослых мужчин (старше 13 лет) необходимая для общественного богослужения. Миньян необходим, чтобы молитва стала молитвой всей общины, а не личной.

этажа, он вчера утром был дома, возился у себя в садике и уверенно утверждал, что с восьми до без четверти десять, когда подъехала патрульная машина, никто из дома не выходил и не входил — никто из чужих, конечно, а так бегали дети, толстая Шуля с четвертого этажа дважды выходила в магазин и возвращалась с полными пакетами.

Тело, завернутое в саван, опустили в могилу, и Рина с Леей бросили по горсти земли. Могильщики взялись за лопаты. Беркович еще раз обвел взглядом присутствовавших — если среди них был убийца, то распознать его не удалось. Да и никогда не удавалось, хотя дважды в практике старшего инспектора были случаи, когда убийца являлся на похороны жертвы.

Выйдя за ограду кладбища, он дождался появления женщин — хотел предложить довезти их до дома, но они сели в серебристую «Мазду», за рулем которой был сосед с первого этажа. Он, видимо, их и привез — Беркович явился на церемонию, когда она уже началась, не хотел, чтобы на него обратили внимание.

— Борис! — услышал он знакомый голос. Из своего красного «Рено» махал Рон. Он-то чего искал на похоронах? Свою работу эксперт вы-

полнил, его сотрудники сделали все анализы и исследования с необычной для них скоростью — Хана очень заинтересовало это убийство.

— Я на машине, — сказал Беркович, подойдя и пожав Рону руку. — Почему я тебя не видел на кладбище?

— Издалека смотрел, — коротко отозвался Хан.

— Появились идеи? — заинтересованно спросил Беркович.

— Нет, — покачал головой эксперт. — Я думал, здесь посмотрю на этих людей, на вдову — и что-то придет в голову.

— Ничего?

— Глупая идея, — Хан помолчал. — Может, Натан нашел этот камень? Странная штука, согласись, ты бы тоже заинтересовался, найдя такое на улице. Принес, никому не показывал, утром хотел рассмотреть лучше…

— И случайно ударил себя по шее? — насмешливо спросил Беркович.

— Нет, конечно, — сердито сказал Хан.

— Ясно, — вздохнул Беркович. — Ты на работу? Поезжай, я за тобой.

Он оглянулся. «Мазда» умчалась, на кладбище не осталось никого, кроме могильщиков, собравшихся под навесом, где недавно раввин читал

кадиш[6] по усопшему. «Господь Бог наш, Бог единый…»

«Богу все известно, — подумал Беркович, — но это единственный свидетель, который никогда не даст показаний».

* * *

На третий день после убийства Беркович знал о семье Альтерман больше, чем кто-либо другой в Израиле, и, скорее всего, во всем мире. В расследовании он не продвинулся ни на шаг. Комиссар Хутиэли, у которого Беркович проходил стажировку после офицерских курсов, большой любитель давать советы (правда, Беркович сам попросил его оценить ситуацию), сказал после долгого раздумья:

— Жена знает больше, чем говорит, это понятно. Задержи ее на двадцать четыре часа, пусть посидит полдня в камере, а потом допроси. Уверяю тебя, расскажет много интересного.

Беркович молчал, смотрел в окно. Да, проверенный метод, обычный метод, плохой метод.

— А можно сначала, — продолжал рассуждать комиссар, — вызвать ее на допрос в местное от-

---

[6] Примечания: 6
Заупокойная молитва

деление полиции, чтобы она далеко не ехала. Посиди там с ней — официальная обстановка на женщин этого типа обычно действует отрезвляюще.

— Какого типа? — не удержался от вопроса Беркович.

Хутиэли внимательно посмотрел на бывшего подчиненного.

— Если я правильно тебя понял, — сказал он задумчиво, — Рина женщина скорее эмоциональная, чем рассудочная. Убить с заранее обдуманным намерением не смогла бы — слишком сложная конструкция. Значит, возможен сообщник. Мужчина.

— Никто из посторонних в дом утром не входил и не выходил, — вяло возразил Беркович.

— Следовательно, — с энтузиазмом принял возражение Хутиэли, — это кто-то из живущих в доме. Возможно, у Рины связь с кем-то из соседей. Обычное дело. Сколько там квартир в блоке?

— Десять, включая квартиру Альтерманов. Мужчин, с кем хотя бы теоретически у Рины могла быть связь, двое — Реувен Мильштейн с первого этажа и Гай Финкель с четвертого.

— Вот видишь! Минимум двое, которых надо проверить!

Беркович покачал головой.

— Реувен — молодой парень двадцати двух лет. Зачем ему Рина? У него есть девушка, они собираются пожениться. Кстати, он дал показания, что никто из чужих в дом не входил и не выходил. На кладбище Рина с Леей ездили на его машине. Если Мильштейн сообщник, его показания нелогичны. А второй — Финкель — с Риной в очень плохих отношениях. Их квартира над квартирой Альтерманов, трубы в доме плохие, это старый дом постройки сороковых еще годов, трубы давно менять надо. Финкели постоянно заливают Альтерманов, Рина скандалит с Гаем, тот обещает трубы починить, но только латает дыры, а они появляются опять.

— Рина скандалит с Гаем, — многозначительно заметил Хутиэли. — Неплохое прикрытие нежных отношений, тебе не кажется? Кстати, почему скандалит Рина, а не Натан?

— У Рины это лучше получается, — хмыкнул Беркович. — Натан был человеком тихим, голос не повышал, даже когда его выводили из себя. Так все соседи говорят, и Рина тоже, и Мария.

— Мария?

— Подруга. Сейчас она у них, Рине с дочерью трудно быть одним.

— Все-таки ты защищаешь вдову, — сказал Хутиэли. — Единственная подозреваемая, и ты, я вижу, не веришь в ее виновность.

— Не верю, — пробормотал Беркович, стараясь придать не столько голосу, сколько собственным мыслям, больше уверенности, которой не испытывал.

— Вернемся к Финкелю, — деловито произнес Хутиэли. — Женат?

— Конечно. И вряд ли он что бы то ни было себе позволял. Его жена сопернице глаза выцарапала бы, если бы у Гая с Риной что-то было.

— Могла и убить?

— Не Натана же! Рину убила бы, возможно. Мужа — скорее всего. Но все это чепуха, — прервал самого себя Беркович. — Ничего у Финкеля с Риной не было, а в то утро он рано уехал на работу, часов в семь, он работает в автомастерской на улице Каплан.

— Надо проверить.

— Проверил, конечно. Он приехал на работу в половине восьмого и до двух часов возился с «Хондой», которая за день до этого попала в аварию.

— Куда ни кинь… — пробормотал Хутиэли, исчерпав возможности, которые он считал верными в выборе реальных версий убийства. Он

был убежден, что убийства всегда просты, как бутерброды, которые он ел на завтрак и считал, что более простой и полезной пищи человечество не придумало. Опыт работы в полиции это убеждение подпитывал — за много лет Хутиэли не приходилось сталкиваться с убийцами, способными разработать и осуществить тщательно продуманный план, такой, чтобы следователь не разгадал если не сразу, то на второй день. Самый распространенный в Израиле тип убийств — преступления на почве семейных разборок: муж застал жену с любовником, муж жену бьет, она ему в отместку проламывает череп чем-нибудь, что попадется под руку. Или, наоборот, что случается не так уж редко: жена лупит мужа, если ей что-то не нравится, и муж, доведенный до отчаянья, хватается за кухонный нож. Запертая комната? Такие изысканные преступления происходят только на страницах детективных романов, которые комиссар читал в юности, но перестал, когда сам начал заниматься расследованием преступлений. Книжные убийства не имели ничего общего с реальными, чтение только отвлекало и уводило мысли в ненужную сторону.

Что-то Беркович, видимо, не разглядел в квар-

тире. Хутиэли был уверен, что младший коллега совершил непростительную ошибку в расследовании — скорее всего, при осмотре места преступления.

— Кукла с ножами вместо конечностей, — задумчиво говорил в это время Беркович, отвлекая комиссара от размышлений, — самое странное, что я видел в жизни. В этом убийстве две очень странные вещи: запертая комната и каменная уродина. Отдаленно похожа на куклу. Почему камень заточен? Как это сделано? Кстати, Рон уверяет, что затачивали или лазерным способом, или алмазом. Как кукла попала к Альтерману? Когда он ее принес домой, что собирался с ней делать? Рина ничего не смогла сказать по этому поводу, она впервые увидела куклу, когда я ей показал — в этом у меня, вообще-то, нет сомнений. И дочь, и Мария, подруга, тоже эту штуку прежде не видели. Правда…

— Да? — переспросил Хутиэли, потому что Беркович замолчал на полуслове и начал непроизвольно раскачиваться на стуле, что делал всякий раз, когда сосредоточенно о чем-то думал и не контролировал свои действия. В такие минуты старший инспектор позволял своему телу делать то, что подсказывали глубинные инстинк-

ты, и тело само решало, как ему проводить время в ожидании, пока хозяин вернется из мира, где не существовало ничего материального, а духовные предметы, явления и события складывались в длинные цепи рассуждений, рассыпались на элементы, которые Беркович про себя называл «молекулами мысли», соединялись, кристаллизовывались, распадались… Тело его в это время могло раскачиваться на стуле, могло бродить по комнате из угла в угол, могло затаиться в углу дивана, а как-то Наташа обнаружила мужа на лестничной площадке — он сидел на верхней ступеньке лестницы, прислонившись к перилам, и невидящим взглядом смотрел на брошенный кем-то окурок.

— Да? — повторил Хутиэли громче — он был знаком с привычками своего бывшего подчиненного.

— Они обе, так мне показалось, не то чтобы все-таки узнали куклу, — заговорил Беркович, продолжая фразу с того места, на котором остановился, — но какие-то ассоциации у каждой этот камень вызвал.

— Так спросил бы! — раздраженно отозвался Хутиэли.

— Бессмысленно, — покачал головой Берко-

вич. — Они все равно или не вспомнили бы, или не ответили. Спрошу, когда случай представится. Когда пойму, что они… или кто-то один… готовы ответить.

— Эта твоя психология! — воздел очи горе комиссар. — Ты упускаешь время и разводишь церемонии там, где надо действовать жестко.

Беркович промолчал.

— Обыск в квартире проводили? — спросил Хутиэли. — В протоколе я этого не вижу.

— Нет, — сказал Беркович. — Осмотр был, как обычно. Для обыска нужен ордер, и нужно точно знать, что искать.

— Любой подозрительный предмет!

— Подозрительным может показаться что угодно, — возразил Беркович. — Тряпка на кухне, лежащая на столе, где ей вроде бы не место. Это подозрительный предмет? В него Натан мог завернуть камень, найдя его, например, на улице. Ну и что? В спальне на прикроватной тумбочке газета «Едиот ахронот», спортивное приложение за прошлый четверг. Подозрительно? Обычно Натан читал русские газеты, почему принес ивритскую? И где остальные части номера?

— Вот-вот! — с удовлетворением сказал Хутиэли. — Масса подозрительного в квартире, а ты

говоришь…

— Все это я помню, — поморщился Беркович, — и все это не имеет к убийству никакого отношения. Правда… — он опять замолчал и принялся раскачиваться на стуле. На этот раз Хутиэли терпеливо ждал, зная за старшим инспектором еще одну особенность, замеченную еще тогда, когда Беркович был неопытным стажером: он мог не обратить внимания на что-то при осмотре места преступления, не придать значения, но память у него была цепкая, запоминал он любую мелочь и потом, может, много дней спустя, собрав и обработав массу улик, он вспоминал о мелочи, которую упустил, и вкладывал этот элемент в мозаику. Потому старший инспектор и специализировался на преступлениях, которые не поддавались немедленному раскрытию, а Хутиэли занимался «семейными убийствами» и был уверен, что они составляют большинство преступлений в стране. Берковичу доставались иные случаи — может, действительно, отдаленно напоминавшие то, о чем Хутиэли читал в детективных романах и не думал, что такое может случиться в обыденной жизни.

— Правда, — продолжал Беркович, — на балкончике лежит коробка, в которой Лея, дочь

Альтерманов, держит кукол, которых никак не соберется выбросить. Вы знаете, как это бывает… Куклы с оторванными конечностями, заляпанные засохшей кашей…

— Да-да, — нетерпеливо сказал Хутиэли. — Ты видел там что-то похожее на каменную уродину?

— Нет, — с сожалением констатировал Беркович. — Камней там не было точно. В общем, не знаю, — резюмировал он, отправив воспоминание не на свалку памяти, а в специальное место, предназначенное для хранения увиденного, но не понятого. Место, откуда воспоминание можно было извлечь и сравнить…

С чем?

— После похорон, — заключил Беркович, — не самое удобное время для разговоров. Завтра утром подъеду к Альтерманам. Мать и дочь наверняка будут дома — шива[7]. Скорее всего, застану Марию, а может, еще кого-нибудь, кто сможет что-то вспомнить.

— Кого-нибудь, что-то, — поморщился Хутиэли. — Борис, я тебя не узнаю. Обычно ты действуешь решительнее. Я все-таки посоветовал бы

---

[7] Примечания: 7

Шива — основной период траура, семь дней после похорон. В это время скорбящие не выходят из дома и полностью погружаются в траур.

вызвать вдову в участок и жестко поговорить.

Беркович покачал головой и встал. Стул со стуком опустился на четыре ножки, как лошадь, которую всадник оставил наконец в покое.

— Если узнать, как у Альтермана оказался камень, — произнес Беркович с не свойственным для него пафосом, — мы разгадаем и загадку запертой комнаты.

— Наверно, — вяло отозвался комиссар, придвигая к себе стопку бумаг. — Если бы ты…

Не договорив фразу, Хутиэли махнул рукой и углубился в чтение.

* * *

Свернув на улицу Сиркин со стороны Арлозорова, Беркович сразу увидел машину Второго канала телевидения, припаркованную на общественной стоянке в сотне метров от дома Альтерманов. Чертыхнувшись про себя, старший инспектор проехал мимо. Машина телевизионщиков была пуста — репортеры заняли места перед входом в дом, ожидая хоть какой-нибудь информации.

Беркович свернул за угол и припарковался возле супермаркета рядом с оставленной кем-то пустой тележкой для продуктов. В квартиру

Альтерманов он хотел попасть, не привлекая внимания репортеров. Другого входа в дом, однако, не было (а если бы и был, там тоже стоял бы сейчас репортер с камерой), и Беркович быстро прошел мимо поднявшихся со скамейки при его появлении девушки-тележурналиста и седого мужчины-оператора, державшего на плече камеру с таким видом, будто это была вцепившаяся в него всеми когтями пантера. Девушка что-то говорила, пыталась поднести микрофон к лицу Берковича, он и отмахиваться не стал, закрыл за собой дверь, отрезав себя от общественности и от положительного имиджа полиции, о которой в вечерних новостях непременно будет сказано, что расследование страшного убийства зашло в тупик, и полиция, как всегда, не способна сказать ничего утешительного.

Пусть говорят что угодно. Если думать еще и о репортерах, работать станет невозможно. Остановившись перед распахнутой дверью в квартиру Альтерманов, Беркович мимолетно подумал о том, что Наташа тоже посмотрит вечернюю сводку в ожидании информации об «убийстве с помощью каменной куклы», и ей будет неприятно видеть, как ее муж, прикрывая лицо, прошмыгивает (ужасное слово, но, к сожа-

лению, правильное) мимо телевизионщиков, не сказав им (и телезрителям) ни слова и тем самым расписавшись в собственной беспомощности.

В гостиной было шестеро: кроме Рины, Леи и Марии, на диване сидели и молча смотрели в пространство уже знакомые Берковичу соседки: Веред с первого этажа, Эстер со второго и Алона с четвертого. Женщины были очень разные и по комплекции и по возрасту (Веред — миловидная, молодая, худенькая, Эстер — пожилая и толстая, как бочонок, Алона, сидевшая между ними, — неопределенного возраста и с неопределенными чертами лица, которые трудно запомнить и еще труднее опознать, если, не приведи Господь, придется это делать), но сейчас почему-то выглядели похожими, как родные сестры. Что-то в них было одинаковое, но с первого взгляда Беркович не понял, что именно, и потому смутился, а посмотрев на черное от горя лицо Рины (через час после смерти мужа она выглядела лучше), Беркович решил, что говорить сейчас с этой женщиной — жестоко и неуместно. Поздоровавшись, он собрался ретироваться и прийти в другой раз, не сегодня. Может, действительно, подождать, пока родные погибшего отсидят шиву.

Рина подняла руку и молча показала Беркови-

чу на короткий коридорчик, в торце которого была дверь в спальню. На двери в кабинет была наклеена бумажная полоска, хотя искать там было нечего — все, что могло помочь расследованию, было изъято и изучено, а пломбу Беркович налепил исключительно для того, чтобы сохранить основное вещественное доказательство — запертые изнутри окна. Он подумал, что после разговора с Риной надо будет еще раз произвести осмотр (вдруг все-таки упустил важное?) и разрешить прибраться — хоть какая-то деятельность.

Рина подошла, глядя в пол и сцепив ладони под грудью.

— Вы хотели поговорить, — не спросила, а констатировала она.

Из гостиной в коридорчик заглянули Лея и Мария, Рина дернула плечом, и они исчезли, но Беркович знал: обе прислушиваются к каждому звуку. Молчали и соседки, было слышно, как на кухне капала вода из неплотно прикрученного крана, и каждое его слово, даже произнесенное шепотом, будет, конечно, услышано и оценено по критериям, которых он не знал.

— Если можно, — сказал он, не понижая голоса и облегчая задачу Лее с Марией. — Я понимаю, что сейчас не время…

Рина открыла дверь в спальню и пропустила Берковича вперед. Он здесь был, конечно, видел широкую кровать, застеленную цветастым покрывалом, две тумбочки по обе стороны (ничего в них интересного он не обнаружил, да и не искал толком — не имел на то ни ордера, ни морального права), шкаф, в котором, он знал, была только одежда и белье на полках. Рина присела на край кровати, взглядом пригласила и Берковича. Он сел так, чтобы видеть одновременно и Рину, и ее отражение в зеркале платяного шкафа.

— Кто это сделал? — спросила Рина. Это был единственный вопрос, имевший смысл, и это был единственный вопрос, на который Беркович не только не знал ответа, но и не представлял, как подступиться к решению.

— Не знаю, — пробормотал он, чувствуя, что не сможет сейчас задавать вопросы. Впервые за время работы в полиции у него возникло ощущение, что все, здесь произошедшее, было оценено неправильно, каждое слово имело другой, не понятый им смысл, и проблема заключалась не в запертой комнате, а в словах, запертых от его понимания, — специально или неумышленно, но в словах, смысл которых был вроде бы ясен, а на самом деле спрятан, скрыт.

— Но кто-то же… — голос Рины прервался, она поднесла ладони ко рту, пытаясь не дать воли слезам. Все эти дни она только и думала о том, кто это сделал, понял Беркович. Она не спала ночами, пытаясь представить, кто это мог быть, как он попал в квартиру и вышел незамеченным. Возможно, она проделала в голове куда большую работу, чем это сумела сделать вся полиция, и Рину не о частностях нужно спрашивать, а о том, к какому выводу она пришла, — и признать этот вывод правильным.

— Вы думали об этом, — тихо сказал он, пытаясь заглянуть Рине в глаза. — Вы все время об этом думаете.

Она справилась наконец со своим голосом, со своим волнением, поняла, что следователь ей доверяет и пришел не для того, чтобы мучить вопросами, смысла в которых не было.

— Все время… — Голос шелестел в тишине спальни, как шелестят сухие листья, влекомые по асфальту расшалившимся ветром. — Эта ужасная каменная… Кто мог ее вырезать?.. Я думала… Я не сумасшедшая, уверяю вас… Наверно, это глупо, но…

Он ждал, пока будут сказаны все вводные слова, словесный орнамент, обойтись без которого

невозможно. Верные слова обычно тонут в мусоре, их трудно извлечь, иногда — невозможно.

— Я думаю, — сказала она наконец то, что вынашивала эти дни и что не сказала бы никому, в том числе дочери и подруге, а ему сейчас скажет в порыве доверия. — Я думаю, — повторила она, — что эта каменная… она сама… Никого не было дома, никого, клянусь вам. И этой… куклы… не было тоже. Потом она пришла… Ей ничего не стоило сделать то, что не смог бы человек… и она…

Слово ей не давалось, и Беркович положил ладонь Рине на колени — попросил это слово не произносить, он его и так понял.

Убила. Каменная кукла сама проникла в дом и убила Натана, — вот что хотела сказать Рина, полагая, что старший инспектор не сочтет ее сумасшедшей.

Беркович молчал. Он мог сказать «возможно, вы правы» и расписаться в собственном бессилии, в том, что он готов принять мистическое, сверхъестественное объяснение вместо того, чтобы искать объяснение реальное. Реального, а не потустороннего убийцу. Он мог сказать «нет, это невозможно, такое бывает только у Стивена Кинга и в голливудских блокбастерах» — и навсегда утратить приобретенный было душевный или

хотя бы формальный контакт с этой женщиной. Сказав «такого быть не может», он нанесет ей травму — возможно, заставит вернуться на землю из искусственного сооружения, куда она себя поместила, как поступают многие, не сумевшие смириться с реальностью, строят воздушный замок и скрываются в нем за дверью из облаков. Заставив ее вернуться, он потеряет свидетеля, без показаний которого дело не сдвинется с мертвой точки.

Беркович поймал себя на мысли, что не думает о Рине, как о подозреваемой. Хотя никаких дополнительных улик по делу за эти дни не поступило, что-то изменилось в нем самом, о чем-то он все время размышлял, не отдавая себе отчета — и внутри своей конструкции переместил Рину из одной позиции в другую, более для нее подходящую. Старший инспектор понимал, что само по себе такое перемещение произойти не могло — значит, в своей подсознательной работе он учел некую деталь, на которую не хотел или не мог обратить внимание.

Молчание длилось и длилось, Рина сначала смотрела в пол, избегая взгляда сидевшего рядом мужчины, но ей стало невыносимо молчание, созданное, она это понимала, ее безрассудными

(и это она понимала тоже) словами. Она повернулась к Берковичу, подняла взгляд и заставила старшего инспектора посмотреть ей в глаза. Он должен был дать ответ на ее слова — если не вслух, то любым иным способом.

— У вас на балконе, — стесненным голосом, злясь на самого себя за вынужденную слабость, произнес Беркович, — коробка со старыми куклами. Я хотел бы посмотреть еще раз…

— Конечно, — механически произнесла Рина. — Вы думаете… — голос упал до шепота, а шепот стих до неслышного вздоха.

— Я просто хотел посмотреть, — мягко произнес Беркович.

Рина встала, поправила платье, прилипшее к бедрам (Беркович отвел взгляд), и пошла из комнаты, не подав ему знака следовать за ней. Он и не последовал. Подождал, пока Рина выйдет из спальни, оставив дверь открытой, услышал, как она где-то рядом говорила шепотом то ли с дочерью, то ли с Марией, и, оставшись один, сделал то, что неожиданно подсказала интуиция, а точнее, его память. В день убийства он осматривал и эту комнату, и не только он, Хан и три его сотрудника-криминалиста обошли квартиру и отметили расположение каждого предмета мебели. Но все

же… Что-то они могли упустить, или что-то могло появиться в квартире потом, после их ухода.

Например, в ящике под платяным шкафом — конечно, он и туда заглядывал, приоткрыл, увидел лежавшую вповалку обувь и закрыл, не ожидая сюрпризов. Сейчас…

Беркович наклонился — это можно было сделать, сидя на кровати, — и выдвинул ящик до упора. Обувь, да. Пара стоптанных тапочек, пара женских туфель на низком каблуке, пара мужских со сбитыми задниками. Два свернутых, подобно змеям, ремня. У дальней стенки ящика — то, что он предполагал увидеть. Предполагал? Это он сейчас так подумал. Не предполагал, конечно. Даже не думал о такой возможности. Просто что-то ему подсказало…

Три каменных уродца. Довольно большие, сантиметров по десять. Один был без головы, второй без рук, третий без ног. У тех, что с головами, не было носов и ушей, просто шары, но, странно — именно шары, ими можно было играть в бильярд.

Беркович наклонился еще ниже, разглядывая находку. Серый камень, никаких острых граней, кстати, все закругленное, даже руки-ноги были больше похожи на сардельки, чем на че-

ловеческие конечности. Убить такими куклами — Беркович сразу об этом подумал и представил — было, наверно, можно, но скорее получилось бы поставить шишку, если крепко садануть по затылку. Это действительно камень или окаменевшая глина, из которой уродцы были когда-то вылеплены?

Чьи это были куклы? Если Леи, то почему лежали в таком неудобном месте? Если их сюда положила Рина — зачем? Может, это сделал Натан — но и тогда поступок выглядел странным.

Услышав движение в коридоре, Беркович задвинул ящик.

— Я здесь, — предваряя вопрос, сообщил он, выходя из спальни. — Простите, задумался.

Объяснение было нелепым, но Рине и не нужно было объяснение. Полиция всегда бесцеремонна. Может, следователю захотелось посмотреть на себя в зеркало. Хорош. Только не стоило разглядывать себя в доме, где умер человек. Зеркало следовало бы, наверно, занавесить, но Рина не знала, и спрашивать не хотела — у евреев занавешивают ли зеркала, или это христианский обычай?

Открыв дверь на балкон, Рина прошла вперед, за ней последовала Лея, Беркович вошел послед-

ним — для Марии, оставшейся в коридоре, места не хватило.

Коробка бесприютно стояла у стены. Мать и дочь молча смотрели, как старший инспектор вытаскивал старых кукол одну за другой, осматривал их и откладывал ближе к распростертой, будто ширококрылая птица, сушилке, на которой висели давно пересохшие рубашки, майки, шорты и лифчики. В коробке не оказалось ни одной приличной вещи, с которой хотелось бы поиграть — Беркович поймал себя на мысли, что искал именно это: игрушку, пусть старую, выброшенную за ненадобностью, но с которой хотелось бы поиграть ему лично, он в детстве не то чтобы недоиграл, игрушек и у него было достаточно, но тогда он почему-то предпочитал простые деревяшки красивым металлическим машинам, из деревяшек можно было что-то смастерить самому, а машины только сломать, восстановлению они после этого не подлежали, их и в коробку складывать было бессмысленно — только выбрасывать, что мама делала не без сожаления, всякий раз пеняя сыну за то, что он опять испортил дорогую вещь, за которую отец выложил немалую сумму из своей не крезовской зарплаты. Пеняла, но все равно при очередном

походе в магазин отец выкладывал сумму, истинной величины которой Боря-маленький еще не понимал, и покупал сыну красный пожарный автомобиль с многочисленными кнопочками, ручками и выдвижной лестницей.

Куклы, куклы… Тряпичные и пластиковые уродцы, одни в платьях, другие нагишом. Несколько платьев, трусиков и туфелек лежали на дне коробки. Молчаливые Барби, Кены, Джессики смотрели на него то ли укоризненно, то ли с надеждой — то ли стеснялись своего кукольного бесстыдства, то ли, наоборот, ожидали второго прихода в детскую жизнь — может, пришлый дядя опять наденет на их худые плечи эти тряпочки, и они оживут, и станут опять принцессами, Золушками, девушками на выданье?

Интересно. Ни кукольных шкафчиков, ни плите кукольной посудой, ни пуфиков… что еще полагалось иметь в спальне и на кухне порядочной девчачьей кукле?

Должно быть, вопрос этот, заданный самому себе, каким-то образом повис и в воздухе? Рина наклонилась, взяла из руки Берковича голую длинноногую безрукую Барби и сказала:

— Был еще мешок со всякой всячиной — шкафы, столики, посуда. Выбросили в прошлом месяце.

Натан и выбросил.

Голос Рины дрогнул.

— Вам интересно это… — она помедлила, — девчачье царство?

Беркович смутился. Он такими же словами назвал про себя содержимое коробки, и ему стало неприятно, что думал он, оказывается, так же, как Рина, а Лея была с матерью не согласна и выражала свое несогласие тем, что отвернулась и разглядывала висевший на стене над сушилкой термометр, где жидкость, показывавшая температуру, ползла по стеклянной трубочке вдоль крепостной стены, изображавшей старый Иерусалим.

Беркович аккуратно сложил «девчачье царство» в коробку в том же порядке, в каком вынимал, поднялся с колен, отряхнул брюки от невидимой пыли или, возможно, от чего-то другого, присутствовавшего в воздухе, и сказал:

— В прошлый раз я был не очень внимателен.

Рина кивнула — ответ был не лучше любого другого. Лея сказала:

— Можно, я отнесу это вниз? Не хочу…

Голос ее замер, но Беркович понял, что имела в виду девочка.

— Пока не надо, — сказал он мягко. — Пусть…

Он тоже не закончил фразу. Лея его поняла и вышла в коридор, откуда сразу втиснулась на балкон Мария и озвучила мысль, которую Беркович не собирался произносить вслух:

— Думаете, инспектор, тот человек отыскал камень в коробке?

Как черную кошку в черной комнате, в которой отродясь не водилось черных кошек.

— Я ничего не думаю. — Беркович ограничился стандартной фразой, которую произносят полицейские, не желая отвечать на вопрос. — Просто собираю информацию.

Мария кивнула, давая понять, что стандартность фразы не отменяет необходимости понять ее так, как нужно, а не так, как хочется.

Есть ли связь между каменными кукольными болванками в ящике платяного шкафа и Фредди Крюгером? Наверняка. Какая? Что общего между каменными уродцами и куклами в коробке?

— Прошу прощения за беспокойство, — сказал Беркович, выходя в коридор.

Рина молча посторонилась, а Мария не удержалась от саркастического замечания:

— С куклами играть, инспектор, у вас лучше получается, чем искать убийцу.

* * *

Марию он дожидался, сидя в автомобиле на стоянке. Он не знал, когда она выйдет и выйдет ли сегодня вообще — может, собралась провести у Альтерманов все дни до окончания шивы? Но в магазин за продуктами кто-то выйдет — и, скорее всего, Мария.

Подожду до четырех, решил Беркович, потом надо вернуться в управление, разобраться с делами, скопившимися за последние дни. Мелочь, рутина, но всякая бумажка и запись в компьютере требовали внимательного к себе отношения. А думать сейчас Беркович мог только об одном деле. Хутиэли был прав: подавляющая часть преступлений — бытовуха, и когда происходит что-то малопонятное, разобраться не то что трудно, порой невозможно. Не потому, что убивают в запертой комнате или так изощренно, что преступник не оставляет следов. Разобраться порой невозможно именно из-за того, что все лежит на поверхности. Свидетелей огромное количество, пятьдесят человек видели в минувшее воскресенье драку у кинотеатра «Самсон», пятьдесят человек дали показания о том, что некто Эли Барнеа упал на асфальт с ножом в груди. Почти

пятьдесят человек почти одновременно вызвали «скорую», и в результате спасать беднягу через три минуты приехали шесть машин с разных подстанций. Не спасли. Но ни один из пятидесяти свидетелей не смог сказать, кто нанес Барнеа смертельный удар. Все видели всё, и никто не видел ничего. Рукоятка ножа рифленая, отпечатков, пригодных для опознания, нет. Молекулярный анализ показал, что нож побывал в руках по меньшей мере шести человек, и это ничего не значило. Нож был обычный, кухонный, компания перед тем, как отправиться в кино, проводила время на природе, жарили и ели шашлык, мясо резали тем самым ножом… Простое дело, подозреваемых масса, доказательств никаких.

Мария вышла из подъезда минут за десять до четырех. Она везла тележку на колесиках, шла, не поднимая головы, печальная и не замечавшая препятствий — споткнулась о невысокий бордюр и едва не упала. Беркович инстинктивно протянул руку, чтобы помочь Марии сохранить равновесие, и она, будто почувствовав, подняла взгляд.

Беркович вышел из машины и забрал тележку из рук Марии.

— Положу в багажник, хорошо? — сказал он. —

На тротуаре она будет мешать прохожим.

Мария кивнула.

— Простите, что я так, — начал Беркович, возвращаясь на водительское место. — Садитесь и закройте, пожалуйста, дверцу.

— Поедем в полицию? — настороженным голосом осведомилась Мария. Она приготовилась к официальному допросу и говорила отчужденно, глядя не на Берковича, а прямо перед собой.

— Нет, — сказал Беркович. — Просто хотел с вами поговорить. Не для протокола. Если окажется нужно, оформить показания мы всегда успеем.

Слово «показания» резануло слух, он не хотел официальных слов, вырвалось.

— Извините, — сказал он и подумал, что слишком часто извиняться тоже не стоит.

— Я ничего не понимаю, — с тоской сказала Мария. — Я не о том, что вы называете закрытой комнатой. И не о камне. С этим вы разберетесь.

— О чем тогда? — мягко спросил Беркович, понимая, что сейчас может получить ответ на вопрос, который ему не пришло в голову задать.

— О Сергее! — выпалила Мария, будто хотела избавиться от звучания этого имени. Лицо женщины прояснилось, губы сложились в извиняющуюся улыбку: мол, простите, сказала

лишнее, не должна была, но и молчать тоже не могла.

Беркович ждал — любое слово могло убить возникшее состояние доверия.

В молчании прошла минута — мир съежился до объема салона, снаружи что-то происходило, но Беркович видел лишь лицо Марии, ставшее открытым, как книга, которая хочет, чтобы ее прочитали, и ты пытаешься, но пока не произнесено кодовое слово, книга представляется набором непонятных значков. Сергей? Если это код, то нужна подсказка.

— Гольц, — назвала Мария второе кодовое слово, полагая, видимо, что вместе с фамилией Беркович поймет, о ком речь. Полиция, как Мария, видимо, считала, знает все обо всех, тем более — о знакомых семьи Альтерман, к которым, вероятно, принадлежал не известный Берковичу Сергей Гольц. Старший инспектор — из показаний соседей — знал, кто обычно приходил к Альтерманам. Опрос сначала провел Кармон, и его сведениям, учитывая дотошность сержанта, можно было доверять. Беркович и сам в день убийства прошел по квартирам, интересуясь каждым жильцом и всеми, кого жильцы видели приходившими к Альтерманам. Гостей оказалось

немного, Альтерманы не были общительны. Приезжали время от времени дальние родственники из Арада, но в последний месяц их не было.

Приходили школьные подруги Леи — только девочки, мальчиков никто не видел. Но и подруги не появлялись ни в утро убийства, ни за день до него.

Альтерманы не часто выходили из дома, и соседи не могли знать, куда они отправлялись. Обычно втроем, но бывало, Натан и Рина уходили, оставляя Лею с подругами или одну. Чаше уходила Лея — к подругам, наверно, куда еще? В последнее время Рина работала, Натан занимался покупками. Имя Гольца никто не упомянул.

— Сергей, — сказала наконец Мария, — влюблен в Рину еще со школы.

Она опять надолго замолчала. Ожидала наводящих вопросов? Морально готовилась, запирала внутри сознания ящички памяти, чтобы они ненароком не раскрылись?

Поняв, что вопросов ей не дождаться, Мария справилась с внутренним напряжением и заговорила быстро, взахлеб, глотая окончания слов. Некоторые фразы представлялись Берковичу бессмысленными, он лишь запоминал их, чтобы потом поставить на нужное место в рассказе или

дать правильную интерпретацию.

— Они еще со школы… Вообще-то Сергей был у Рины первый, до Натана… Я сказала, что это было еще в России? В Харькове они жили. Когда Рина вышла за Натана, Сергей очень… Они потом несколько лет не виделись, а потом… Когда у Рины было сорокалетие, он ей прислал букет роз, и Натан устроил скандал. Они не разошлись… ну что из-за роз, но все-таки… Вообще Натан был как большой ребенок. И думал, что все такие — как дети, которые если врут, то по глазам видно. А у Рины… Вы смотрели ей в глаза? Рина замечательная женщина, но по ее взгляду вы никогда не догадаетесь, о чем она думает. Ничего не хочу сказать… Они так встречались, что Натану и в голову не приходило. Одно время Рина мне все рассказывала… Ничего серьезного. То есть… Серьезно, конечно. То есть не знаю. Для Гольца серьезно, это точно. А Рина просто играла, ей давно стало скучно с мужем. Она мне сама говорила. О Сереже редко, но тоже… Они и у нас дома как-то встречались. Каюсь, способствовала… А могла отказать? Муж часто в командировках, он большой ученый, позапрошлой зимой читал лекции в Колумбийском университете. А мне что стоит поехать в гости к родителям, они живут в Холоне,

недалеко… Но домой к Рине Сергей не приходил никогда. В то утро тоже, если вы думаете… Что я хочу сказать? Не люблю Сергея! Из-за него Натан стал такой…

Какой? Фраза осталась оборванной.

«Не люблю Сергея!» Мария выпалила это с неожиданной (или, наоборот, ожидаемой?) злостью. Берковичу показалось, что, говоря о Гольце, Мария хотела сказать что-то о Натане. «Из-за него Натан стал такой…» Какой?

Беркович сделал рукой движение, будто хотел успокоить рассерженную кошку, погладить по шерстке, и Мария то ли восприняла это буквально, вытянулась, запрокинула голову, то ли ей стало неудобно в согбенной позе. Как бы то ни было, возглас ее, который мог поставить точку в рассказе, смикшировался, угас, и Мария, обретя прежнюю свободу самовыражения, смогла продолжить.

— Не люблю — не то слово… Бывают такие люди — вроде приятные на внешность, обходительные… некоторые от таких млеют. Вот и Рина… А глаза у него как лазер. Как лазер, — почему-то это сравнение показалось Марии таким важным, что она повторила его трижды, — да, как лазер. Но в то утро он не мог… Он был на работе, я звонила,

говорила с ним.

Мария, оказывается, занималась частным сыском?

— Сергей Гольц, — сказал Беркович голосом достаточно официальным, чтобы Мария поняла: имя записано в памяти старшего инспектора, теперь он сам займется этим человеком. — Никто из соседей не упоминал о нем.

— Еще бы, — с горечью произнесла Мария. — Сергей никогда не приходил к Рине домой.

— На сорокалетие подарил розы, — напомнил Беркович.

— Они в ресторане справляли. Может, Рина его пригласила, не предупредив Натана? Маловероятно… Скорее сам пришел. Испортил Натану вечер.

— Но в среду, — сухо сказал Беркович, — он к Альтерманам не приходил и, по вашему мнению, у него алиби.

— Железное, — мрачно сообщила Мария. — Я позвонила ему сразу, как только Рина сказала, что Натан…

Она захлебнулась словом, как глотком кипятка, и прижала руки к щекам.

— Как, по-вашему, Мария, — спросил Беркович, дождавшись, когда женщина успокоится, —

Гольц достаточно умен, чтобы придумать трюк с запертой комнатой и каменной куклой?

— Он очень умный человек, — убежденно сказала Мария. — Системный программист, работает в министерстве, на такую должность не всякого берут.

Беркович хотел сказать, что системных, да и всяких других программистов сейчас столько, что не стоит судить об их уме по занимаемой должности.

Гольц должен был понимать, что рано или поздно полиция выйдет на него, разберется в мотивах и он станет основным подозреваемым. Алиби — обязательно. Для страховки — запертая комната, с которой полицейские будут возиться до прихода Мессии.

— Я так понимаю, — сказал Беркович, — что Гольц не женат и мог бы жениться на Рине, будь она свободной?

— Был женат, — кивнула Мария. — Когда Рина вышла за Натана, он — в отместку, видимо, — женился на своей сослуживице. Роза ее звали. Серая мышка.

— В Израиле или еще там? — уточнил Беркович.

— В Харькове. И развелся через год… может,

чуть позже.

— Можете сообщить адрес Гольца? Телефон?

Мария назвала нужные числа, старший инспектор записал их в память мобильника.

— Больше я действительно ничего не знаю, — жалобно произнесла Мария и просительно посмотрела на Берковича.

— Спасибо за то, что сказали, — Беркович открыл ей дверцу, и Мария выбралась на тротуар. Старший инспектор вышел, открыл багажник, достал сумку на колесиках, и Мария вцепилась в ручку, будто кто-то хотел отнять у нее собственность. — Если бы вы сказали это раньше, — добавил Беркович укоризненно, — нам было бы легче подтвердить алиби Гольца.

Он подумал, что Мария не собиралась облегчать ему задачу — Гольца она, по всему видно, терпеть не могла, но предоставляла в распоряжение любовников свою квартиру. Кстати, зачем нужно было Гольцу встречаться с Риной у Марии, если он не был женат и мог привести женщину к себе?

И опять Мария догадалась, о чем подумал старший инспектор.

— Сергей, — сказала она, — снимает квартиру в очень престижном районе, вы видите по адресу.

Там привратник, камеры наблюдения.

— Если вспомните что-нибудь еще, звоните, хорошо?

Мария неопределенно пожала плечами.

— Да! Может, вы видели… В спальне Альтерманов, в платяном шкафу…

Беркович внимательно следил за выражением ее лица.

— В глубине выдвижного ящика лежат три куклы. То ли глиняные, то ли каменные…

Показалось ему или Мария побледнела?

— Куклы? — удивилась она вполне естественным голосом, в котором только настороженное ухо Берковича могло уловить оттенок неуверенности. — Вы хотите сказать… такие, как…

— Нет, — успокоил женщину Беркович. — Просто уродцы. Но это странно. Я хотел спросить, видели ли вы…

— Не видела, — быстрее, пожалуй, чем следовало, произнесла Мария.

— Нет так нет, — пробормотал Беркович.

* * *

Подтвердить алиби Гольца оказалось легко. Вернувшись в управление, Беркович сделал несколько звонков, получил запрошенный из

Министерства транспорта файл и убедился в том, что в утро убийства Гольц приехал на работу без десяти девять и до обеда не отлучался. Ему несколько раз звонили на телефон в офисе, и он сам брал трубку. Звонил, в том числе, заместитель министра господин Шамгар, что тот охотно подтвердил, вспомнив, что в начале двенадцатого лично поблагодарил Гольца за прекрасно сделанную работу.

Железные алиби обычно вызывают подозрение у сыщиков в детективных романах, но в реальности на такие свидетельства можно положиться. Беркович помнил только два случая, когда преступники подстраивали себе алиби, чтобы улизнуть от полиции, но оба раза делали это так неумело, что обнаружить обман не составило труда.

К себе Гольц Рину не приводил. Кармон переговорил с привратником и его сменщиком, оба утверждали, что мужчина из сто тридцать второй квартиры вел уединенный образ жизни, к нему не часто заглядывали гости, о женщинах и речи нет. По мнению одного из привратников, Гольц был геем, мужчины обычно оставались у него на ночь, причем один особенно часто: молодой высокий шатен, из ашкеназов.

Дотошный Кармон отправился в министерство и легко (по его словам) выяснил, Что высоким шатеном был Антон Пралин, программист, работавший в одном отделе с Гольцем. При легком (по словам Кармона) намеке на гомосексуальные отношения Пралин вскипел и хотел запустить в полицейского пластиковым стулом, но сдержался и сухо заявил, что не обязан отвечать.

Гольц на заданные ему вопросы ответил охотно, в том числе рассказал о том, как провел время до полудня в среду (рассказ полностью совпал с тем, что было уже известно). Да, был когда-то влюблен в Рину, подарил ей цветы на сорокалетие, несколько раз встречались дома у Вайнштоков. Да, был секс, о чем он жалеет, потому что понял: любовь прошла, эта женщина для него теперь ничего не значит, он не видел Рину с зимы и вообще скоро женится на Линор Арпани, которая…

«Ну и тип, — подумал Беркович, читая обстоятельный протокол, составленный Кармоном и подписанный Гольцем. — Этот трус, может, и умен, как Сократ, но вряд ли способен любить по-настоящему и тем более убить соперника».

Положив бумаги в папку, думал он уже не о Гольце, который, скорее всего, не имел отноше-

ния к убийству, а о том, действительно или это ему только показалось, Мария слегка изменилась в лице, когда он упомянул уродцев в ящике платяного шкафа.

Куклы-уродцы. Они напоминали… Беркович сразу об этом подумал, но мысль отогнал, не дав оформиться. Предположить такое в современном Израиле… Разумные люди, образованные, начитанные. Не может быть, чтобы… Впрочем, почему нет?

Уродцы напомнили ему об африканском обряде вуду.

Вздохнув и пожав плечами — произведя внешние действия, как бы говорившие «просто для самообразования, не на самом же деле», — Беркович отстучал на клавиатуре нужные для поиска в интернете слова и принялся читать появившийся на экране текст, поглядывая на дверь, чтобы, если кто-то войдет, закрыть «окно».

«Название «вуду», — читал Беркович, — в переводе с одного из наречий Западной Африки означает «божество»… Магия вуду — продукт работорговли… При проведении обрядов вуду используются амулеты, талисманы, статуи богов, очень схожие с католическими… Амулеты, талисманы — спасение от зла… Все ритуалы вуду

включают специфическую музыку и танцы…»

Беркович представил, как Натан, Рина, Лея и, возможно, Мария танцуют вокруг стола в гостиной, а на столе лежат каменные талисманы-куклы. Можно ли в ритуалах вуду обойтись без шаманских плясок? Времена меняются, современные обряды — ведь увлекаются этой религией и городские жители — происходят не так, как прежде?

«Местом проведения обряда может быть любое жилище, — читал он. — Начинается обряд зажжением черных свечей…»

Свечей в квартире Альтерманов не было. Ни черных, ни белых, в том числе субботних, какие обычно можно найти в любом доме, даже если хозяин — воинствующий атеист. Осматривая квартиру, о свечах Беркович не думал, а сейчас вспомнил: не было. Ну и ладно. Это еще ни о чем не говорит.

«…Барабанщики выстукивают ритм, поется песня, обращенная к Богу…»

Глупости. Если бы из квартиры Альтерманов был слышен барабанный бой (барабанов в квартире, естественно, не было тоже), соседи непременно об этом упомянули бы. И о песне.

«Существует множество различных обрядов

вуду…»

С этого и надо было начинать.

«…Самой распространенной является любовная магия, используемая для приворота любимого человека, но чаще — для мести покинувшему, поскольку месть бывает слаще, чем возвращение бывшего любимого…»

Да-да. Делают куклу, символизирующую того, кому надо отомстить, протыкают ее «сердце» иглой… Дюма, «Графиня де Монсоро», кажется. Но у Дюма точно не вуду — что он знал об африканских обрядах, да и персонажи его романа были католиками… или гугенотами? Неважно.

Ага, вот. Действительно, куклы.

«Кукла вуду — искусственный вольт другого объекта. Если вы не можете добраться до самого объекта, то используете промежуточный объект, тесно связанный с первоначальным… Способ изготовления не важен, но нужно помнить, что чем лучше вы умеете отождествлять предмет с человеком, тем меньше может быть похожа на человека сама кукла, достаточно приблизительного сходства…»

С этим, можно сказать, все в порядке — куклы, если и были на кого-то похожи, то так приблизительно, что угадать нужные черты мог только

сам изготовитель.

«При изготовлении куклы используют элементы нужного объекта — кровь, волосы, ногти, их располагают в соответствующих частях куклы…»

Уже «теплее».

«…В магии вуду все имеет значение. Важен размер изготовляемой куклы, материалы из которых она делается, цвета… Кроме протыкания иглой, кукол могут сжигать или топить в воде или закапывать в землю…»

А хранить в ящике платяного шкафа? Возможно, сейчас, в городских условиях, кукол не в землю закапывают, а прячут в ящик, как в могильный склеп?

Сомнительно все это, но, если сопоставить с запертой комнатой, смертью Альтермана от такой куклы и с ощущением, что Рина, Мария и, похоже, даже Лея что-то об этих куклах знают… Только ощущение, и к тому же не очень сильное, но если объединить…

Чепуха. Кукла вуду изготовляется, чтобы нанести вред конкретному человеку. Или, наоборот, любовно его приворожить, что, впрочем, можно все равно назвать нанесением вреда — любовь, вызванная искусственно, ни к чему хорошему не приведет: магия так или иначе сойдет через

какое-то время, пелена с глаз спадет, и человек окажется в состоянии зависимости, какой он вовсе не желал и которой сопротивлялся. Кошмарное, наверно, состояние.

Чепуха. Да, сказал себе Беркович, чепуха сто раз. Но куклы… запертая комната… смерть… Чепуха это или нет — кто-то мог в эту чепуху верить! Кто-то мог проткнуть кукле сердце (каменному уродцу?), капнуть на кукольную голову кровью жертвы или прицепить волос…

Это легко проверить. Изъять уродцев, лежавших в шкафу, передать Хану, и его сотрудники все определят в течение часа. С одной куклой — Фредди Крюгером — они уже поработали, и, если она заранее предназначалась, чтобы нанести Альтерману вред, на ней должна была остаться его кровь.

И осталась, когда нож-нога перерезала Натану шейную артерию. Других следов на кукле не было. А кровь…

Ругая себя за бредовое подозрение, Беркович набрал номер телефона и в ту же секунду, будто Хан ждал звонка, услышал его возбужденный голос:

— Слушаю тебя, Борис. Есть что-то новое для исследования?

— Нет, — отозвался старший инспектор. — А

почему у тебя такой голос, будто к вам в лабораторию пришел с инспекцией представитель ведомства Государственного контролера?

Хан хмыкнул:

— Почти. Каплер представил анализ ДНК Поланика, помнишь такого?

Поланик в прошлом месяце изнасиловал тринадцатилетнюю девочку, был пойман по показаниям свидетелей, признаваться не желал, вся надежда расследования, которое вел комиссар Хутиэли, была на анализ ДНК, и вот…

— Помню, конечно. Так что анализ?

— Ну… — голос Хана стал скучным, он уже выплеснул эмоции и говорил теперь, как человек, не ожидавший от исследования ничего иного. — ДНК Каплера идентично пробам, взятым из-под ногтей девочки, нет никаких сомнений, но твой бывший шеф только что сказал, что этот идиот все равно упирается.

— Ты же знаешь, Рон, они просто не понимают, что такое наука…

— Да, — Рон перешел на деловой тон. — Так что ты хотел узнать, Борис?

— Фредди Крюгер, убивший Альтермана. Насколько я помню, на кукле не было никаких следов, кроме крови покойного?

— Не задавай нелепых вопросов, Борис, — рассердился Хан. — Результат анализа у тебя. Если хочешь спросить о чем-то другом, спрашивай.

— Нет, я о крови. Допустим, на кукле была кровь, оставленная некоторое время назад — день, два, неделю, — и кровь, попавшая на лезвие в момент убийства. Ты можешь отличить одну от другой?

Молчание продолжалось, пожалуй, чуть дольше, чем должно было, если бы ответ был Хану ясен.

— Хм… — пробормотал он наконец. — Если речь идет о двух разных участках лезвия, то никаких проблем — я тебе сказал бы не только, что это кровь разного времени, но назвал бы и сроки с определенной точностью. Но если недавняя кровь смешалась с оставленной ранее, это усложняет процедуру. Не то чтобы разделить было невозможно, но я не ставил перед своими людьми такой задачи. А это нужно? — добавил он. — Есть идея?

— Идея… — хмыкнул Беркович. — Сумасшедшая идея, и я не хотел бы раньше времени…

— Понял, — Хан что-то сказал в сторону — кому-то из сотрудников — и добавил в трубку: — Я отдал распоряжение, как ты слышал…

— Я не слышал.

— Результат получишь завтра не раньше полудня.

— А если…

— Если бы ты сказал, зачем тебе это надо, и твоя идея меня заинтересовала бы…

— Завтра так завтра, — поспешно сказал Беркович.

* * *

Недовольный собой, погодой (третий день стояла душная жара — хамсин[8]), женой (Наташа затеяла уборку, и любимый диван оказался выдвинут на середину комнаты — ни посидеть нормально, ни подумать), начальством (Хутиэли намекал, что пора отчитаться о проведенных розыскных мероприятиях), Беркович ехал на работу, но вместо того, чтобы на Карлебах свернуть направо, к управлению, он сделал левый поворот и направился к дому Альтерманов, не имея, впрочем, в голове ни одной стоящей мысли, которую можно было бы преподнести Рине вместе с просьбой позволить еще раз осмотреть квартиру.

---

[8] Примечания: 8

Хамсин — изнуряющий жаркий ветер обычно южного или восточного направления из Африки или Аравийских пустынь.

Поставив машину, как и в прошлый раз, на стоянке около соседнего дома, Беркович с раздражением обнаружил у подъезда давешнюю девицу-репортера, беседовавшую с толстой, похожей на кегельный шар, Эстер. Рассказать она репортерам ничего не могла по той простой причине, что, работая санитаркой в «Ихилове», вернулась в тот день со смены часов в одиннадцать утра, когда у дома уже скопились полицейские машины и толпа любопытных. Тем не менее Эстер что-то увлеченно рассказывала девушке, а та возбужденно кивала и держала диктофон на довольно далеком расстоянии, поскольку громкий голос Эстер слышен был и на противоположной стороне улицы.

— …всегда были странные, — вещала она. — По-моему, они христиане, я видела, зимой притащили домой елку, а в суккот[9] даже не заглядывали ко мне в сукку хотя бы с праздником поздравить…

Беркович проскользнул в дом прежде, чем девушка-репортер успела перевести свое сосредоточенное внимание с Эстер на полицейского.

---

[9] Примечания: 9

Суккот — еврейский осенний праздник кущей, когда по традиции нужно проводить время в шалаше (сукке), вспоминая о блуждании предков по Синайской пустыне.

«Господи, — думал он, быстро поднимаясь по лестнице, — почему некоторые непременно хотят, чтобы все жили и вели себя так же, как они?» Сам он тоже ни разу не сидел в сукке — ни с соседями, ни на работе, где во дворе управления возводили осенью огромный шалаш, в котором генерал принимал и угощал сотрудников. Дома у Берковичей была синтетическая елка, на которую Арик лично вешал игрушки, радуясь празднику, как радовался и ханукальному[10] волчку (в его коробке их накопилось не меньше двух десятков — светящихся, играющих музыку и даже прыгающих в танце), и пуримским[11] карнавальным костюмам, которые выбирал для себя сам и тщательно следил за эклектикой: цеплял на себя трехствольное ружье пришельца, зубастую маску вампира и царскую корону.

Из-за двери слышны были громкие женские голоса: похоже, Рина о чем-то спорила с дочерью, но слов не разобрать, Беркович и не пытался, по-

---

[10] Примечания: 10

Ханука — еврейский праздник, посвященный очищению Храма и возобновлению храмовой службы после разгрома греко-сирийских войск в 165 году до н. э..

[11] Примечания: 11

Пурим — еврейский праздник, символизирующий победу над Аманом, любимцем персидского царя Ахашвероша, намеревавшимся истребить евреев, проживавших в Персидской империи в 5 веке до н. э.

нимая, что одно неверно понятое слово приведет к неправильной интерпретации разговора, а это меньше всего сейчас нужно.

Голоса стихли, Беркович услышал шаги, кто-то разглядывал его в глазок, дверь открылась ровно настолько, чтобы он мог протиснуться в квартиру, что Беркович и сделал под пристальным взглядом Леи, одетой в короткий домашний халатик и вьетнамки. Голова у девочки была повязана темной косынкой, глаза смотрели настороженно.

— Здравствуй, Лея, — сказал старший инспектор и добавил фразу, которую не собирался произносить — по крайней мере, не в начале разговора. — Вот, пришел узнать, не нужно ли вам с мамой чего-нибудь… ну, не знаю…

Он смутился и начал еще больше на себя злиться, отчего следующая фраза оказалась никак не связана ни с предыдущей, ни вообще с чем бы то ни было, что могло интересовать Лею:

— Передавали, когда я ехал: под Иерусалимом опять горит лес.

Кому здесь интересен горящий в Иудейских горах лес? Но Лея, к недоумению, но и к радости Берковича, оживилась:

— Я видела настоящий пожарный самолет! Так

и подумала: где-то сильный пожар!

И сразу, без перехода:

— Я позову маму, ладно?

Рина вышла из спальни, поправляя прическу. На женщине было длинное, до пят, закрытое черное платье.

— Здравствуйте, Рина. — Смущение прошло, Беркович точно знал, как вести разговор, но маска, надетая перед тем, как он вошел в квартиру, еще какое-то время оставалась на лице, и Рина ответила резче, чем, видимо, собиралась, когда услышала, что дочь разговаривает с полицейским:

— Вы пришли сказать, что нашли убийцу моего мужа?

Беркович окончательно согнал с лица не нужное сейчас выражение и произнес деловым тоном, будто речь шла о запятой в протоколе, которую нужно было завизировать, прежде чем сдать дело в архив:

— Я хотел бы отдать на экспертизу три предмета, похожие на кукол. Они лежат в нижнем ящике платяного шкафа в вашей с… — он намеренно сделал паузу, не договаривая, с кем недавно делила спальню Рина, — в вашей спальне.

Беркович смотрел не на Рину, а на Лею, ее ре-

акция интересовала его больше, чем реакция матери, чье лицо он тоже видел и замечал малейшие изменения. Мать и дочь переглянулись, Рина недоуменно спросила взглядом: «Какие куклы? Ты спрятала там свои?» Лея отвела взгляд, не отвечая.

Рина молча повернулась и пошла в спальню, Беркович последовал за ней. Лея осталась стоять посреди гостиной, не пытаясь ни препятствовать, ни что-то объяснить, хотя, похоже, именно она могла ответить на еще не заданные вопросы старшего инспектора.

В спальне Рина тяжело опустилась на край кровати перед шкафом, потянула на себя довольно тяжелый ящик. Беркович обратил внимание: раньше обувь была набросана, как попало, сейчас туфли лежали рядами, аккуратно, пара к паре, летние к летним, пара зимних отдельно, в полиэтиленовом мешочке. Рина провела по туфлям ладонью, будто стирая пыль, коснулась наполовину оторванной пряжки на зеленых босоножках, тихо сказала:

— Вот. Не понимаю, о чем вы говорите.

— В глубине, — подсказал Беркович. Ящик Рина выдвинула едва ли наполовину.

Она потянула. Ящик, однако, застрял и не хотел

выдвигаться. Беркович сделал рефлекторное движение, пытаясь помочь, но Рина запустила в ящик руку по локоть, что-то нащупала, видимо, такое, чего там быть, по ее мнению, не могло, лицо ее пошло пятнами.

— Позвольте, — сказал Беркович.

— Я сама, — сквозь зубы проговорила Рина и резко дернула. Ящик выпал из шкафа, от неожиданности Рина едва не опрокинулась навзничь, Беркович ее поддержал, и ящик придержал, чтобы тот не грохнулся на пол всей тяжестью. Три куклы были на месте. Возможно, занимаясь уборкой, Рина не выдвигала ящик до конца. Лея могла это знать…

— Что это? — спросила Рина с неподдельным удивлением.

— Куклы, — сказал Беркович. — Каменные или из засохшей глины. Прошу вас, не трогайте.

— У Леи таких не было, — удивление Рины перешло в возмущение, она вскинулась и посмотрела на Берковича уничтожающим взглядом: так мог бы смотреть человек, в кармане у которого обнаружили пакет с героином, а он точно знал, что наркотика у него не было, и значит, его только что подбросили полицейские, чтобы обвинить невиновного.

— Возможно, — мягко сказал Беркович, — это куклы не Леи?

— Не мои же!

Рина смотрела на уродцев, хотела все же взять их, потрогать, протягивала руки и отдергивала под взглядом Берковича.

— Вы давно не заглядывали в глубину ящика?

— Года два, — голос у Рины звучал обиженно — она будто хотела сказать, что раньше в глубине ящика лежало что-то, принадлежавшее мужу, к чему она не хотела иметь отношения. Не куклы, конечно.

— Но обувь вы недавно приводили в порядок.

— Да. — Рина решила, видимо, что после смерти мужа нет причин скрывать маленькие семейные тайны. — Натан хранил здесь свои старые тетради. Много тетрадей, таких, знаете, толстых, девяносто шесть страниц, они назывались общими.

Натан положил тетради в пакеты, тяжелые, ящик всегда было трудно выдвигать, но он не позволял эти пакеты даже трогать, не говоря о том, чтобы выбросить.

— Вы видели, что там было написано?

— Никогда! — воскликнула Рина с возмущением: ей действительно было очень досадно,

что столько лет она не открывала, не смотрела, не читала, уважала желание мужа сохранить в неприкосновенности тайны юности. Значит, не так давно Натан в отсутствие жены вытащил из ящика тетради и вместо них положил трех уродцев.

— То есть… — Рина не отрывала от кукол настороженного взгляда. — Я хочу сказать… Как-то давно, мы только поженились, это было еще в Харькове… Тетради лежали в сундучке, сверху зимние одеяла, а снизу… Они там лежали еще до меня. Когда я пришла к Натану жить, убирала квартиру, у него был холостяцкий беспорядок, добралась до тетрадей, открыла одну, а он увидел, выхватил и стал кричать, чтобы я не трогала, это не интересно… Взял большой полиэтиленовый пакет, вложил тетради, заклеил пакет скотчем и даже расписался фломастером, чтобы увидеть, если кто-то попытается вскрыть. Это меня страшно обидело, мы поругались, а потом я решила — ну и ладно, у каждого есть что-то личное, чем он не обязан делиться даже с женой. Помните, в «Лоэнгрине»: «Ты все сомненья бросишь, ты никогда не спросишь…»

— Скорее как в замке Синей бороды, — пробормотал Беркович. «Лоэнгрина» он не слышал,

содержание знал плохо и не представлял, по какому поводу и кем были сказаны процитированные Риной слова.

— Нет! — Рина неожиданно улыбнулась. — При чем здесь Синяя борода? У Натана была одна жена — я. Он никогда не…

Она всхлипнула и отвернулась, чтобы Берковичне увидел навернувшиеся на глаза слезы.

— Вы сказали, что успели прочитать…

— Очень немного, просто взгляд бросила.

— И?

— Ерунда. Я никогда не понимала, зачем Натану это прятать и вообще хранить. Какой-то рассказ о пришельцах. В детстве я писала стихи, очень этого стеснялась и умерла бы, если бы кто-нибудь нашел мою тетрадь. Я прятала ее под матрацем, и мама наверняка видела, когда убирала, но мне это в голову не приходило. через пару лет перечитала, поняла, какая это слезливая чушь, и выбросила. Наверно, каждый в детстве балуется… То есть не баловство, конечно, душа требует, но все равно… От таких вещей надо избавляться, когда взрослеешь, иначе этот груз напоминает о себе всю жизнь и тянет в прошлое. Я решила тогда, что эти тетради для Натана — память о детстве. Может, Натан и дневник вел,

хотя мальчики обычно не склонны… Но он был необычным. В десятом классе сшил себе… сам!., космический скафандр. Я видела фотографию, где-то она в альбоме, хотите посмотреть?

Может, этим вопросом Рина пыталась отвлечь внимание Берковича от кукол?

— Обязательно покажите, — сказал Берковича. — Чуть позже. Когда вы видели тетради мужа в последний раз?

— Года два я не выдвигала ящик до упора, — сказала Рина. — Да и раньше нечасто. Тетради лежали, помню. Года два, верно. Потом — нет. Что-то там заедало, как сегодня. Я подумала, что Натан сделал это специально, чтобы я не могла открыть. И я не стала.

— Покажем Лее? — помолчав, спросил Берковича. — Может, она знает о куклах?

Рина подняла на старшего инспектора измученный взгляд, в котором легко было прочитать: «Думаете, между этими уродцами и тем, кто убил Натана, есть связь?» Беркович кивнул. Стараясь не касаться выдвинутого ящика, Рина прошла к двери, приоткрыла и позвала дочь тихим голосом, который невозможно было услышать из гостиной.

Беркович присел на стул у окна. На спинке

висела синяя летняя майка, трудно было понять, мужская или женская, скорее всего, майка Натана — вряд ли в дни траура Рина стала бы надевать такую.

Лея вошла в комнату и от двери увидела выдвинутый ящик. Беркович следил за ее реакцией и был удовлетворен. Глаза девочки широко раскрылись, но не удивление промелькнуло в них, а досада, недовольство, она не сумела сдержать эмоции, не ожидала, что полицейский станет заглядывать в чужие ящики.

— Лея… — начала Рина, но Беркович перебил ее, сказав совсем не то, что собиралась сказать мать:

— Лея, когда ты открывала этот ящик?

Соображать, какой ответ будет разумным, у Леи не было времени, и она сказала то, что Беркович ожидал услышать, — правду:

— Вчера.

— Лея! — На сильные эмоции у Рины сейчас не хватало энергии, но то, что дочь в ее отсутствие рылась в ящике, где никогда не было детской обуви, вызвало возмущение. Куда еще Лея заглядывала? Как неприятно узнавать о детях такое… да еще в присутствии полицейского инспектора… что он подумает?

— Вчера, — удовлетворенно произнес Беркович. — Эти три куклы были на месте?

— Да, — кивнула Лея.

— Ты брала их в руки?

— Нет.

— Куклы тебе знакомы?

— Да.

— Это твои куклы?

Легкая заминка, которую невозможно было не заметить.

— Нет. То есть… Они ничьи… То есть…

— Что значит «ничьи»? — не выдержала Рина. — Никто, кроме тебя, в куклы не играет. Положил их сюда папа, не ты же сама! Тут лежали его тетради, где они сейчас?

Вопрос она задала, в принципе, правильный, но не своевременный, и Беркович перехватил инициативу:

— Продолжай, Лея, — мягко сказал он. — Ты сказала «то есть…».

— Ну… не знаю, как объяснить.

— Не нужно объяснять, Лея. Просто расскажи об этих куклах. Если они ничьи, как ты говоришь, то, значит…

— Папа не знал, как они оказались дома.

— В каком смысле? — опять вскинулась Рина, и

Беркович вынужден был вмешаться:

— Рина, пожалуйста, позвольте мне поговорить с Леей. Хорошо? В вашем присутствии.

Рина опустилась на кровать, ногой попыталась задвинуть ящик, но он не поддавался, и она оставила усилия, сидела, хотя и молча, но мысленно громогласно выражая свое возмущение. Рина говорила плечами, пальцами, расправлявшими оборки на платье, стиснутыми зубами, даже прической, которую она легким движением руки привела в необратимо разрушенное состояние.

Лея осталась стоять, упираясь коленом в угол кровати. На мать она не смотрела — от матери у нее была тайна, всплывшая сейчас на свет. Девочке было, с одной стороны, неприятно, с другой — она была рада, что тайна наконец раскроется и не нужно будет отворачиваться от мамы, отвечая на ее не всегда приятные вопросы.

— Расскажи об этих куклах, — попросил Беркович.

— Слева Марина, — Лея показала пальцем на безногую куклу. — Она пришла зимой, я не помню точно число.

— Рассказывай, как помнишь, — улыбнулся Беркович.

— Зимой, — повторила Лея. — В феврале, ка-

жется. В самом начале. Она лежала на полу в гостиной.

— Что значит… — начала Рина, но Беркович сделал ей знак молчать, и она плотно сжала губы, решив, что разберется с дочерью после ухода полицейского.

— Я пришла из школы, а она лежала. Папа был дома, и я спросила у него, откуда кукла.

— Ты взяла ее в руки?

— Нет, она мне показалась какой-то… может, грязной, может, просто чужой… не знаю.

— Ты спросила у папы…

— Он тоже очень удивился, стал рассматривать, вертел в руках.

— Не сказал, что надо спросить у мамы, может, она знает?

— Нет, — Лея покосилась на мать, смутилась под ее пронзительным взглядом, но продолжала: — Папа сказал: «Ничего не говори маме, пусть это будет нашей тайной».

— Почему он так сказал, как, по-твоему?

— Я подумала, что куклу принес папа, но не поняла, где он ее взял и почему бросил на пол. Думала, спрошу потом, но… в общем, Марина мне не понравилась, и нога оторвана, и вообще она каменная… папа сказал, что, типа, пусть она

полежит у него, он потом у мамы спросит…

— Тебе кукла не понравилась, но имя ей ты придумала?

— Ну… Это само получается. Я посмотрела и поняла, что ее зовут Марина. Ну, это как… Посмотришь на котенка и понимаешь, что это Басик, и другое имя ему не подходит.

— Понимаю… — протянул Беркович. — А вторая кукла? Та, что в центре?

Лея протянула руку к ящику, но старший инспектор перехватил ее локоть, и девочка испуганно отпрянула.

— Не нужно, — мягко произнес Беркович. — Просто рассказывай.

— Это Ким.

— Ким, — повторил Беркович. — Как ты отличаешь… — он прикусил язык, встретив недоуменный взгляд Леи. Дурацкий вопрос, только мужчина мог его задать. Как она отличала куклу-мальчика от куклы-девочки? Посмотрела и поняла, разве не ясно?

Он молчал, ждал продолжения. Рина молчала тоже, но совсем иначе. Беркович видел по движениям ее глаз, по тому, как пальцы беспокойно перебирали край покрывала — она сейчас задавала дочери трудные вопросы и сама от ее имени

отвечала, ждала, когда полицейский уйдет, чтобы спросить вслух, и надеялась получить ответы, какие сейчас придумывала в уме.

— Ким пришел в мае, — сказала Лея.

— Пришел? — не удержался от вопроса Беркович.

— Ну… Я увидела его в руках у папы. Пришла из школы, спросила, что поесть, и увидела Кима. Он как неваляшка, у него тяжелые ноги, а голова и туловище маленькие. Папа поставил Кима на ладонь, и он не падал, и папа сказал, что он пришел сам. «Как сам?» — «Ты же видишь, — сказал папа, — она умеет стоять». Он говорил «она», я ведь не сказала еще, что это Ким. «И ходить?» — «Не думаю, — сказал папа и объяснил: — Она стояла посреди коридора, вот здесь».

Лея поднялась, встала в дверях и показала Берковичу пальцем на место в коридоре, где Натан обнаружил стоявшую в раздумье куклу по имени Ким.

— У тебя есть какие-нибудь идеи… предположения… кто мог принести куклу и оставить ее в коридоре?

— Папа, конечно, — без тени сомнения сказала Лея. — Где-то нашел, скорее всего, а может, сам сделал, он не говорил, я не спрашивала, папа

любил делать мне сюрпризы. Я просто взяла у него Кима и понесла к себе.

— Как кукла оказалась в этом ящике?

— Вообще-то, он мне не понравился. Поставила Кима на стол, села заниматься. Он смотрел на меня…

— Смотрел? — переспросил Беркович. Глаз у куклы не было, нос на маленькой головке только угадывался, а вместо рта была глубоко процарапанная линия почти от уха до уха. Уши тоже было скорее обозначены небольшими выпуклостями. Кима можно было принять за инопланетянина, но мысль об уродце-пришельце в голову не приходила. Это был человек — наверно, страдающий, и страдание странным образом отразилось на его внешности. Беркович попытался представить себя на месте Леи: он сидит за столом, занимается математикой (что изучают в пятом классе?), а эта… этот… смотрит, не отводя взгляда, которого нет.

— Смотрел, — повторила Лея. — Неприятно смотрел. Мне стало… как бы сказать…

— Я понимаю, — пробормотал Беркович.

— Ты отдала ее папе, а он спрятал в ящик, — сказала Рина, одной фразой положив конец дискуссии о кукле по имени Ким.

— Да, — кивнула девочка.

— А третья кукла — та, что справа? У нее тоже есть имя?

— Нет, — хихикнула Лея, обрадовавшись ошибке полицейского. Он хоть и выглядит умным, но в некоторых вещах ничего не понимает.

— Нет? — удивился Беркович. — Но ты сама только что…

— Я сказала, что посмотришь на вещь и понимаешь, как ее назвать. А это… Я посмотрела и поняла, что никогда ни за что не назову это по имени.

— Но она, — сказал Беркович, — вроде бы больше, как бы сказать… Я имею в виду: у этой куклы ноги-руки на месте, туловище вполне человеческое, голова, немного приплюснутая, но с носом и ушами. И глаза круглые. И рот вполне…

— Нет, — отрезала Лея. — Она… мертвая. Вы не видите? У мертвых не бывает имени.

Беркович пристальнее всмотрелся в лежавшую немного в стороне от остальных куклу. Как можно сказать о неживом предмете — мертвая? Беркович понимал, что имела в виду Лея, но при всем своем усердии не видел в кукле признаков мертвечины. Жизни в кукле тоже не было, но жизни не было и в Марине с Кимом.

— Хорошо, — кашлянул Беркович. — Безымянная, значит. Когда она появилась?

Лея помедлила.

— Недели три назад. Мама, когда у меня была контрольная по истории?

— Пятого, — механически ответила Рина, глядя не на дочь, а в пространство. Что-то она мысленно сопоставляла, о чем-то пыталась догадаться.

— Да. — Лея виновато посмотрела на Беркович: мол, видите, мама лучше меня помнит о моих школьных делах. — Пятого. Значит, это было четвертого, в субботу. Я с утра готовилась с Сарой, вернулась часов в одиннадцать, мама сказала быть к обеду, бросила тетради на стол…

— В гостиной? — уточнил Беркович.

— Нет, в своей комнате. Он… она… лежала на полу. И смотрела на меня. Я сначала испугалась… наверно, вскрикнула, папа заглянул и спросил: «Что-то случилось, доченька?» Я показала пальцем. Мне было неприятно ее трогать, не знаю почему. Папа долго смотрел, потом протянул руку, я сказала: «Не надо!» — но он не послушался, взял ее двумя пальцами, а она довольно тяжелая, и сказал: «Выброшу эту гадость». И вышел.

— А где была я? — поинтересовалась Рина, но сразу добавила: — Вспомнила. Перед твоей кон-

трольной? У меня разболелась голова, духота, и вообще день был тяжелый, я прилегла. Слышала, как ты вернулась, но не было сил встать. Подумала: папа тебя накормит… и провалилась в сон.

Выслушав мать, Лея продолжила свой рассказ с того слова, на котором остановилась.

— Папа вышел, я еще посидела, а потом пошла его искать. Он был на кухне, наливал чай. Я подумала, что он выбросил куклу в мусорное ведро. Спросила: «Это ты ее принес?» — «Будешь обедать?» — сказал он, и больше мы об этой штуке не говорили, и больше я ее не видела. Утром, когда уходила в школу, посмотрела в мусорное ведро… Там ее не было. Наверно, мама, когда на работу уходила, вынесла мусор.

— Да, — сказала Рина. — Я всегда выношу пакет с мусором, когда в первой смене. Если во второй — выносит… выносил Натан.

— Вы видели эту… э-э… куклу? — поинтересовался Беркович.

— Нет, — коротко отозвалась Рина.

Беркович поднялся, и в комнате стало отчаянно не хватать места. А когда он наклонился к ящику, чтобы сложить уродцев в принесенный с собой пакет, Рине пришлось отодвинуться, а Лее встать и перенести стул ближе к двери.

— Вы не будете возражать, — обратился Беркович к Рине, — если я их одолжу? Верну, не беспокойтесь.

— Я не беспокоюсь, — Рина дернула плечом. — И не нужно возвращать. Когда будут не нужны, выбросьте. Лея, тебе нужна эта гадость?

Лея покачала головой, опустив глаза. Беркович подумал, что девочка хотела бы подержать в руках хотя бы одну из кукол, он даже мог сказать — какую, но Лея молчала, и старший инспектор произнес:

— Значит, вы считаете, — он обращался по-прежнему к Рине, хотя реакция Леи интересовала его гораздо больше, — что, всех трех кукол принес или изготовил…

— Нет!

— Нет — что?

— Не изготовил, — сказала Рина. — Я уверена, что Натан, видимо, где-то их находил. Во дворе, скорее всего. Не стал бы он тащить эту гадость издалека. А сам сделать не мог. Как? Вы же видите — это камень!

Лея промолчала, хотя — Беркович знал — ей было что сказать. С мамой она была не согласна. В чем? Она тоже не думала, что папа сам изготовил кукол. Она видела, как он удивлялся. Видела…

Что она видела еще?

— Хорошо, — сказал Беркович. — Если они вам не нужны… В любом случае вы сможете затребовать их обратно. Когда захотите.

Чтобы пропустить старшего инспектора, Лее пришлось выйти в коридор вместе со стулом. Рина осталась сидеть на кровати перед выдвинутым ящиком.

— Ты можешь, — деловым тоном произнес Беркович, открывая входную дверь, — вспомнить людей, которые были у вас в гостях в те дни, когда появлялись куклы? Не торопись, это не срочно, я хочу, чтобы ты хорошо подумала и вспомнила.

— Это… — Лея помедлила. — Это важно? Я хочу сказать… Папу тоже кукла… Выдумаете…

— Что это связано? — Беркович пожал плечами. — Может быть. Куклы похожи на ту… понимаешь?

Лея кивнула.

— И еще. — Беркович задал последний вопрос, уже выйдя на лестничную площадку. — У тебя есть враги? В школе сложные отношения. Человек, которого ты ненавидишь или который ненавидит тебя?

Лея хотела спросить, зачем Берковичу это знать, он видел по ее лицу, что вопрос вертелся

у нее на языке. Но она только покачала головой, сказала коротко: «Нет» и тихо закрыла дверь, Беркович и попрощаться не успел.

* * *

— От психолога они отказались, — сообщил Хутиэли. — Социальная служба предлагала…

— Я знаю, — рассеянно сказал Беркович. — Имеют право, верно?

Социальная служба работала независимо от полиции, но информировала комиссара о результатах своей деятельности. Социальные работники обычно приходили в дома, где кто-то погибал в авто- или авиакатастрофах, терактах, сводил счеты с жизнью. Родственники жертв семейного насилия тоже были в списках у работников социальной службы. И, конечно, родственники жертв убийств — хотя, как Беркович успел заметить за годы службы в полиции, эта категория граждан обычно не очень охотно вступала в контакт с социальными работниками. Одно время он раздумывал над этой странностью, потом решил, что, видимо, для родственников убитого этот человек как бы и не умер еще. Точнее, не умер окончательно, пока есть надежда, что убийцу найдут и посадят за решетку. Он видел несколь-

ко раз, как после оглашения приговора убийце близкие родственники жертвы будто «слетали с катушек», чего с ними не происходило во время расследования и судебного разбирательства, длившегося порой долгие месяцы, когда можно было уже и в себя прийти, и свыкнуться с мыслью, что сына, мужа, жены или кто там становился жертвой убийцы, давно нет на свете. Однако катарсис наступал, когда судья заканчивал читать текст приговора. Будто только теперь до матери или жены жертвы доходило: все, конец. Если раньше им что-то в этой жизни напоминало о присутствии любимого человека — следователь, адвокаты, судьи, — то теперь все кончено, и дух покойного навечно покинул земные пределы…

Беркович понимал необходимость психологической поддержки, но очень не любил ситуации, когда социальные работники навязывали помощь там, где нужно было тихо постоять в стороне или вообще не вмешиваться, не пытаться ускорить «работу» времени, которое одно только и могло примирить мать, отца или жену погибшего с реальностью, в которой его больше нет и никогда не будет.

— Рина Альтерман — сильная женщина, — сказал Беркович, пытаясь сгладить неловкость,

возникшую, когда он прервал комиссара на полуслове. — К тому же у нее есть подруга, которая сможет если не утешить ее, то хотя бы поддержать.

— Я вообще считаю, что это глупо, — неожиданно заявил Хутиэли. — Я имею в виду социальные службы. Если человек один, то, конечно… И даже тогда в одиночку справиться с горем легче, чем с посторонним человеком, который изображает участие.

— Я думал, что вы… — удивился Беркович, и комиссар перебил его:

— …Ты думал, я стану говорить, что Рина поступила неправильно, спустив социальную работницу с лестницы?

— А она… — еще больше удивился Беркович. Он мог представить, как Рина устало качает головой и говорит: «Спасибо, я в вашей помощи не нуждаюсь», но чтобы… Может, комиссар преувеличивает?

— Именно спустила с лестницы! Социальная работница — Эти Кирман — подала жалобу.

— И вы собираетесь…

— Нет, конечно. Просто имей это в виду, Борис.

Разговор происходил в кабинете комиссара, куда старший инспектор заглянул, вернувшись

от Альтерманов, чтобы узнать новости. В сумке у него лежали три предмета, условно названные куклами, и Беркович торопился передать их в криминалистическую лабораторию, где его дожидался Рон, недовольный тем, что опять не может уйти с работы вовремя. Сказать комиссару о куклах сейчас или… Конечно, «или» — не делиться же с Хутиэли нелепой идеей о ритуале вуду, ради совершения которого куклы были изготовлены. Кем? Матерью? Дочкой? Самим Натаном?

— Подозреваемых по-прежнему нет? — вскользь поинтересовался Хутиэли, когда Беркович уже выходил из кабинета.

— Нет, — покачал головой старший инспектор и закрыл за собой дверь, отсекая дальнейшие расспросы.

* * *

— Во-первых, — сказал Рон, рассматривая разложенных на столе кукол. Когда он включил подсветку снизу и мощные верхние лампы, куклы перестали быть узнаваемы. Тени придают предмету живой вид, делают предмет элементом нашего мира. Недаром человек, лишенный тени, лишается части себя, как в пьесе Шварца, которую Беркович читал и перечитывал много

лет назад, вживаясь в образ мечтательного и в то же время рассудительного Христиана-Теодора и всем своим существом отвергая неприятный образ Теодора-Христиана.

— Во-первых, — повторил Рон, выпрямившись и повернувшись к Берковичу, стоявшему у него за плечом, — на этих штуках никогда не было одежды. Обычно куклы…

— Да-да, — быстро сказал Беркович. — Я понимаю. Что еще?

Хан почесал переносицу.

— Все три изготовлены из камня. Вес разный. В порядке увеличения: триста двадцать три грамма, пятьсот двенадцать и третья — семьсот шестьдесят один грамм.

Марина, Ким и кукла без имени.

— Фредди Крюгер, — сообщил Хан, — тяжелее других. Килограмм и четыреста восемьдесят шесть граммов.

— Мне нужно знать, — сказал Беркович, — есть ли на куклах…

— Отпечатки пальцев, — подхватил Хан. — А также какие-либо следы вроде отрезков человеческих волос, пятнышек крови, микроскопических кусочков кожи… В общем, кто и, желательно, когда брал этих кукол в руки. Верно?

— В принципе, — с досадой отозвался Беркович. Помедлив, он решил, что Хану можно сказать о своем подозрении. Даже если эксперт сочтет его странным, он, в отличие от комиссара, не станет высказывать свое мнение прежде, чем сделает анализ. Хан любил странные предположения, они разнообразили рутинную, по сути, процедуру криминологической экспертизы.

— В принципе? — повторил Хан, еще раз потерев переносицу и подняв на Берковича вопросительный взгляд.

— Возможно, на теле одной из кукол, а может, всех есть затертая надпись. Имя, например.

— Не проблема. В рентгене увижу. Что еще? След укола иглой в области сердца, а?

Показалось Берковичу или Хан действительно ему подмигнул?

— И это тоже, — кивнул старший инспектор.

— Знаешь, — задумчиво сказал Хан, — это первое, о чем я подумал, увидев твоих уродцев. Магия вуду? Это то, о чем ты хотел, но не решался спросить?

— Я думал, ты…

— Борис, сколько лет мы с тобой знакомы?

— Ну… восемь.

— Девять с половиной, — поправил Хан. — И

ты до сих пор считаешь, что есть предположения или версии, которые я не стану с тобой обсуждать только потому, что они выглядят дикими или неуместными?

Беркович облегченно вздохнул.

— Если ты прав и я что-то подобное обнаружу, — задумчиво продолжал Хан, — то получается, что Натана убил кто-то из домашних? Дочь? Жена? Кто-то из них, по идее, мог положить кукол в ящик и, следовательно, применить магический обряд. Имя, которое ты предполагаешь обнаружить, это имя Натана?

— Давай не будем пока строить предположения, — Беркович предпочел быть осторожным и не умножать сущностей сверх необходимого. — Не представляю, как девочка одиннадцати лет вытачивает каменного уродца, тычет в него иглой… Откуда ей вообще знать о подобных ритуалах? По словам Леи, куклы оказались в квартире сами по себе.

Пересказывая Хану рассказ девочки, Беркович внимательно следил за реакцией друга, но лицо эксперта оставалось бесстрастным. Когда Беркович закончил, Хан спросил только:

— Ты ей веришь?

Беркович пожал плечами.

— Обе они чего-то недоговаривают. Намеренной лжи не чувствую, хотя могу ошибаться. Может, чего-то сами не понимают, интерпретируют по-своему, им кажется, что говорят правду, а на самом деле… Ты знаешь, как это бывает со свидетелями.

— Да, — хмыкнул Хан.

— Но в любом случае, — продолжал Беркович, — обе если и говорят правду, то не всю.

— Хорошо. Уродцами мы займемся. Не гарантирую, что получится быстро, у меня еще три экспертизы по вчерашним двум ограблениям и изнасилованию, майор Гафнер тоже давит… Постараюсь быстрее.

— Сегодня?

— Сегодня вряд ли, — с сомнением сказал Хан, — но, может, и сегодня. Мне самому очень интересно. Обряд вуду, подумать только. Однако, — в голосе Хана зазвучала ирония, — даже если такой обряд был совершен, это не объясняет убийства в запертой комнате. Если, конечно, ты не веришь в то, что кукла после обряда вуду может ожить и убить человека. Тогда…

— Тогда, — подхватил Беркович, — место мне не в полиции, а среди экстрасенсов, прорицателей, магов и прочей безумной публики. Конечно, Рон,

я не верю, что с убийством связан какой бы то ни было магический обряд. Возможно, нам морочат голову. Возможно, сами искренне верят в магию. Но убил Натана человек. И когда он замахнулся каменным Фредди Крюгером, комната была открыта. Загадка, да. Но я разберусь… Надеюсь, что разберусь, — добавил Беркович, встретив скептический взгляд друга. — С твоей помощью. Магия ни при чем, но, возможно, на какой-то из кукол написано и затерто имя убийцы?

— Убийцы, а не жертвы?

— Может быть, — продолжал рассуждать Беркович, — жертвой должен был стать некто, чье имя другой некто написал на кукле. Жертва узнала об этом и опередила события…

— Фантастика, — буркнул Хан. — Хватит теоретизировать. Жди звонка.

* * *

Чтобы занять мысли, Беркович решил разобраться наконец с грудой бумаг, оставшихся после курса повышения квалификации. Курс оказался не очень информативным, но несколько практических деталей Беркович для себя извлек, тогда же запомнил их накрепко и в своей работе уже не раз использовал. А раздаточные материа-

лы, полученные в большой синей папке, ни разу не раскрыл — точнее, раскрыть-то раскрыл в первый же день, получив папку вместе с бейджиком и ключом от номера в Эйлатском отеле, но, бегло проглядев оглавление, понял, что это конспект будущих лекций, и спрятал папку в кейс, где она и пролежала всю неделю, пока шли занятия. А потом заняла свое место в ящике стола.

Читал Беркович внимательно, отдельные места перечитывал, ничего нового, как и ожидал, по сравнению с уже услышанным, понятым и использованным на практике не нашел, мысли начали рассеиваться, и старший инспектор с нетерпением поглядывал на телефон. Когда аппарат наконец зазвонил. Беркович был так уверен, что звонит Хан, что сказал, не слушая собеседника:

— Получилось что-нибудь?

— Гхм… — кашлянули в трубке, и Беркович обругал себя — никогда прежде он не допустил бы такого прокола. — Э… Прошу прощения… Мне бы хотелось поговорить со старшим инспектором Борисом Берковичем.

Говорили по-русски и без акцента. Голос незнакомый, приятный.

— Беркович у телефона. Назовите, пожалуйста,

свое имя и цель звонка.

Стандартные слова, но человек на другом конце линии, похоже, испугался.

— Простите. — В голосе послышалось смущение и, как показалось старшему инспектору, признаки паники. — Видимо, я не вовремя.

Если сейчас сказать не то слово, которое собеседник хочет услышать, он положит трубку. Номер записан в памяти аппарата, и не составит труда вычислить звонившего, но доверие будет утрачено.

— Вы говорите со старшим инспектором Берковичем, и я готов вас выслушать.

— Вы расследуете смерть Натана Альтермана, — уточнил собеседник, и Беркович обратил внимание на то, что сказано было «смерть», а не «убийство».

— Да.

Собеседник молчал, и Беркович спросил, покосившись на дисплей, где должен был высветиться номер телефона:

— Вы хотите что-то сообщить?

На дисплее значилось: «Номер не идентифицирован».

— Я хотел бы с вами поговорить, если это возможно, — нерешительно сказал собесед-

ник. — Мы могли бы встретиться? Я не хотел бы в полиции…

Сплошные сослагательные наклонения.

— Хорошо, — сказал Беркович. — Вас устроит в шесть вечера в кафе «Эстудо», что на Карлибах? Не знаю, далеко ли вам…

— Устроит, — быстро сказал собеседник и, похоже, собрался положить трубку.

— Как я вас узнаю? — заторопился Беркович. — Вы не представились.

— Да? — растерянно произнес голос. — Мне казалось… Прошу прощения. Григорий Вайншток.

Он не добавил «доктор», но степень была как бы вложена в звучание фамилии. Так, сказав «Юсупов», вы слышите и непроизнесенное «граф», а, произнеся «Бен-Гурион», мысленно добавляете «премьер-министр».

На часах было 17.32, Наташа ждала мужа к семи и, если он вернется домой в половине восьмого, не станет очень сердиться. Вряд ли разговор займет больше получаса.

По дороге, остановившись на красный, Беркович позвонил Хану. Не для того, чтобы спросить, получены ли результаты, а исключительно чтобы справиться о здоровье Дорит, старшей дочери. Что-то с ней вчера было… температура?.,

неважно, что-то было, а сегодня Беркович даже не поинтересовался.

— Ты телепат? — сказал Хан. — Я как раз взял в руки телефон и собрался набрать твой номер.

— Что-нибудь удалось? — Беркович сразу забыл о Дорит и не вспомнил о ней, пока разговор не окончился.

— Пока предварительно. Первое — никаких имен, нацарапанных, выжженных или иным способом нанесенных, а потом затертых, на этих штуках нет. Не хочу называть эти предметы куклами, предпочитаю нейтральное… Дальше. Отпечатки пальцев имеются, очень четкие, трех типов. На куклах А и Б — пальцы Натана Альтермана и его дочери, на кукле В — кроме этих двух, еще пальцы неизвестного.

— Неизвестного? С чьими отпечатками ты сравнивал?

— Боря, — укоризненно произнес Хан. — Что с тобой сегодня? Разумеется, в первую очередь с членами семьи, потом подключил Марию Вайншток, Гольца с его приятелем, а когда ничего не совпало, прокачал весь банк данных.

— Пожалуй, — сказал Беркович после секундного раздумья, — я тебе завтра представлю для сравнения еще один вид отпечатков.

— Еще один подозреваемый?

— Нет. Но на всякий случай… Муж Марии.

— Физик? Или химик?

— Физик.

— Хорошо, пришли оттиски, сравню.

— А другие…

— Следы использования магии вуду? — голос Хана зазвучал насмешливо. — Не выявил. Возможно, есть микроскопические следы, пот, скажем, мелкие обрывки кожи, это я тебе скажу завтра, но ничего явного — ни проколов, ни волос, ни следов краски…

— Спасибо, Рон, — вздохнул Беркович.

Чего он, собственно, ждал? Разве не такого заключения?

Войдя с прожженной солнцем улицы в прохладный, вызвавший мгновенный озноб, зал кафе, Беркович сразу опознал Вайнштока, хотя никогда его прежде не видел, а на семейной фотографии, которую ему показывала Мария, Григорий выглядел совсем не так, как сейчас. На фото был молодой, худощавый пышноволосый красавец, а за столиком у окна сидел, пристально всматриваясь в каждого входившего, погрузневший мужчина средних лет с большими залысинами и поседевшими висками. Разве что взгляд был

тем же — острый пытливый, все замечавший взгляд ученого. Впрочем, может это было лишь первое впечатление — естественно, Вайншток был сейчас настороже, и взгляд его выражал не любопытство научного работника, а подозрительность человека, чью жену могли заподозрить в убийстве.

Взгляды встретились, и Вайншток повел Берковича к своему столику, как авиадиспетчер ведет на посадку самолет, направляя на него узкий луч радара.

— Доктор Вайншток? — спросил Беркович, подойдя и протянув руку.

— Старший инспектор Беркович? — вопросом на вопрос ответил физик, пожав Берковичу ладонь с такой силой, будто боялся: если пожатие окажется слишком слабым, полицейский подумает, что он слабак и не способен защитить ни жену, ни самого себя.

Перед Вайнштоком стоял высокий бокал с зеленоватым (яблочным?) соком. Беркович сел напротив и, обернувшись к стойке, взглядом подозвал официантку.

— Черный кофе, большую чашку, — сделал заказ Беркович и покачал головой, отвечая на вопрос: «Что-нибудь еще?»

Вайншток отпил из бокала и сказал:

— Надеюсь, старший инспектор, вы не верите в мистику, магию, потусторонние силы, полтергейст и прочую эзотерическую чепуху?

Беркович смутился — конечно, ни во что такое он не верил, разве что в магию вуду, в которую не верил тоже, просто думал, что преступник мог использовать… кстати, почему Вайншток, ничего, естественно, не зная о соображениях старшего инспектора, начал разговор с эзотерики?

— А вы?

Вайншток улыбнулся и допил сок.

— Нет, — сказал он твердо и поставил бокал на стол с таким стуком, будто хотел твердость голоса и мысли подтвердить твердостью удара стекла о пластик. — Маша мне всю голову задурила своей мистикой, и мне показалось: она так уверенно говорит, потому что полиция тоже придает этой чепухе какое-то значение. Понимаю, этого быть не может, но хотел уточнить для полной ясности.

— Естественно, я не верю в мистику, — Беркович пожал плечами и откинулся на спинку стула, позволяя официантке поставить на стол дымящуюся чашку кофе и блюдечко, на котором лежали пакетики с сахаром и сахарином.

— Э-э… — подал голос Вайншток, — мне тоже, пожалуйста, — и объяснил, когда девушка, кивнув, отошла от столика: — Вообще-то я не любитель кофе, да и чай почти не пью, предпочитаю воду или, в крайнем случае, сок. Но… как бы это сказать… давно обратил внимание: разговор получается лучше, если собеседники пьют один и тот же напиток. Это, конечно…

— Мистика, в которую мы оба не верим, — подхватил Беркович.

— Конечно, — задумчиво произнес Вайншток, — этому есть простое естественнонаучное объяснение. Психология. Скажем, одинаковые напитки сближают собеседников социально. Или… Неважно, — прервал он себя, получил свой кофе, высыпал в чашку три пакетика сахара и сказал: — Детская привычка. Чай я тоже… — Он запнулся и, отставив чашку, перешел наконец к сути: — По словам Рины, в то утро никого не было в квартире, кроме нее. Она вам это сказала?

Беркович кивнул.

— Тогда подозревать вы можете только Рину, но это глупо, нелепо и бессмысленно!

Беркович отпил из своей чашки — кофе оказался превосходным, не хватало только ломтика лимона, но здесь почему-то лимон не подавали.

Однажды Беркович посетовал на это хозяину заведения, Моше Каплинскому, тот пообещал: «Конечно, непременно», но лимон в ассортименте так и не появился.

— Вообще-то я не имею права обсуждать со свидетелями детали расследования.

Фраза прозвучала излишне официально и отдавала литературщиной, что заметил и Вайншток, усмехнувшись кончиками губ.

— Я свидетель? — удивился он. — Меня и в стране не было, Когда…

Будто только сейчас вспомнив, что произошло «тогда», Вайншток помрачнел, сжал губы и некоторое время смотрел поверх головы Берковича, собирая растрепавшиеся мысли.

— В качестве свидетелей, — пояснил Беркович, — проходят все, кто может что-то сказать по поводу преступления. Не обязательно быть на месте… вы понимаете.

— Да, — кивнул Вайншток.

— Вы хотели что-то сообщить? Я бы все равно с вами встретился, поскольку вы муж Марии, а Мария — подруга Рины.

— Да, — повторил Вайншток. — Просто я не знаю, с чего начать — обезоруживающе признался он.

— С чего угодно, — подбодрил его Беркович. — Если будет надо, я задам наводящие вопросы.

— Да… — третий раз протянул Вайншток. — Я не собираюсь вторгаться в вашу епархию. Подозреваемые, улики… Только хочу сказать, что врагов у Натана не было, и так поступить с ним не мог никто.

— Но кто-то поступил именно так, — мягко произнес Беркович.

— Никто так поступить не мог, — упрямо повторил Вайншток. — Обратите внимание, старший инспектор. Никто не мог сделать это физически. И никто не хотел Натану зла, так что психология говорит о том же. Значит… — он сделал многозначительную паузу и посмотрел на Берковича тревожным взглядом: понял ли полицейский то, что он хотел сказать?

— Мистику мы тоже отвергаем, — сказал Беркович. — Следовательно…

Вайншток вздохнул, придвинул к себе чашку с начавшим остывать кофе и большими глотками опустошил ее, наверняка не почувствовав ни вкуса, ни аромата. Надо было сказать наконец, и он сказал:

— Если все возможные объяснения оказываются ложными, то остается принять единственное,

каким бы невероятным оно ни казалось.

— Вообще-то, — заметил Беркович, — фраза у Конан Дойля звучит не совсем так, но, возможно, я читал другой перевод.

— Какая разница! Вы поняли, что я хочу сказать, старший инспектор?

— Надеюсь. Все же скажите, чтобы я не гадал, правильно ли я вас понял.

— В комнате Натан был один, — Вайншток заговорил медленно, будто гипнотизер, старающийся внушить визави мысль, которую тот принимать не хочет. — Комната была заперта изнутри. Никто не мог войти и выйти. Только Натан и модель.

— Кукла, — вставил Беркович.

— Кукла? — повторил Вайншток и подумав, согласился. — В этом что-то есть. Я говорю: модель… неважно. Если исключить все прочие возможности, остается принять, что Натана убила модель существа, которое при большом желании можно, пожалуй, назвать человеком.

— Сама? — деловито спросил Беркович.

— Что? — растерялся Вайншток. — А… Да. Конечно. А что, есть другие варианты?

— Вы говорите, что не сторонник мистики, — осуждающе сказал Беркович. — По-вашему, эту….

модель… кто-то запрограммировал, чтобы она…

Вайншток воздел очи горе.

— Запрограммировал? Кто? Как? Зачем? Это… извините… глупость! Никогда не слышал ничего более нелепого!

— Тогда, — не сумев сдержать насмешки, сказал Беркович, — кукла… модель… сама…

— Я о том и говорю! Сама, конечно!

Беркович внимательно смотрел на Вайнштока, пытаясь понять, шутит он, пытается ли внушить мысль, в бредовости которой сам не сомневается, или действительно…

— Вы сказали: «модель», — заметил старший инспектор. — Значит, предполагаете, что эта штука действовала по определенной программе, как, скажем, радиоуправляемая модель самолета. Или модель робота…

— Вот что получается, — сказал Вайншток, — когда обсуждаешь проблему в не определенных заранее терминах. С физической точки зрения модель — это упрощенное по сравнению с реальностью описание объекта или явления. Кукла — тоже модель своего рода, но содержит больше свободных параметров, имеет утилитарное назначение, чего нет у модели, и потому моделирование человека с помощью кукол физически

не является корректным, хотя, с точки зрения психологии, особенно детской, кукла, конечно, предпочтительнее. Но все-таки…

— Продолжайте, — сказал Беркович минуту спустя, потому что Вайншток замолчал, не закончив фразу, задумчиво вертела в руках пустую чашку и внимательно рассматривал кофейную гущу на ее донышке.

— Я довольно часто бывал у Альтерманов, — казалось, Вайншток мысленно перебирает слова, прежде чем произнести вслух; каждое слово в его речи было отделено от другого маленькой, но различимой на слух паузой. — Когда бывал, то общался с Леей и Натаном — с Риной почти не общался, нам не о чем было разговаривать. А Лея… Очень умный и развитый не по годам ребенок. Когда мы с Натаном беседовали о звездах, квантах, тяготении, расширении Вселенной, темной материи — обо всем понемногу, — Лея внимательно прислушивалась. К чему это я? Она любознательная… если вы понимаете, что я хочу сказать.

Беркович понял, что хотел сказать Вайншток, но спросил не о том.

— Вы говорили и о физических моделях?

— О моделях? — До Вайнштока будто не сразу

дошел вопрос, и он удивленно посмотрел на Берковича, сохранявшего на лице невозмутимое выражение. — Наверно, и о моделях говорили тоже. Но я хотел сказать совсем не…

Он опять надолго замолчал, и минуту спустя Беркович решил спросить в лоб, чтобы вывести физика из состояния ступора, в которое тот понемногу погружался — из-за того, видимо, что хотел что-то сказать, не находил нужных слов, боялся, что неправильные слова произведут на старшего инспектора действие, которого Вайншток хотел избежать…

— Выдумаете, что эти модели… куклы… могла сделать Лея?

Вайншток вяло махнул рукой — Беркович ожидал более сильной реакции.

— Старший инспектор, — тихо произнес физик, — вы прекрасно понимаете, что это не так.

— Тогда о чем вы? — нетерпеливо спросил Беркович, бросив взгляд на часы — разговор продолжался уже полчаса, и смысл его оставался пока непонятным.

— Лея умная и впечатлительная девочка, — продолжал Вайншток. — Но склад ума у нее гуманитарный. Она и мои рассказы о физическом мире воспринимала чисто эмоционально, пони-

маете? Не разумом, а чувствами.

Пауза.

— Извините, — не выдержал Беркович. — Вы просили о встрече, и я подумал, вы можете сообщить что-то о смерти Натана Альтермана.

— Хорошо, — неожиданно твердым голосом сказал Вайншток. — Конкретно. Несколько месяцев назад… Если быть точным, то второго ноября прошлого года, Лея обнаружила у себя в спальне, на покрывале, горку сухого песка. Довольно большую, граммов на триста. Конечно, никто не взвешивал, но… примерно. Был скандал. Рина не поверила Лее, что это не она принесла песок. Натан смел песок в совок и выбросил в мусорное ведро, Он не был большим любителем доискиваться до причин, знаете ли. История с песком на том, надо полагать, закончилась. Или началась, как угодно.

— Вы думаете… — медленно сказал Беркович, надеясь, что Вайншток прервет его умозаключения, чтобы высказать свои. Он не ошибся, физик покачал головой и не дал старшему инспектору договорить:

— Не надо предполагать, что я думаю, — сказал он. — Вижу, вы так и не поняли логики.

Беркович промолчал. Он понял логику, но

хотел, чтобы Вайншток произнес вслух слова, которые до сих пор проговаривал мысленно.

— Запертая комната, — сказал Вайншток. — Горка песка появилась в спальне Леи, когда комната была заперта. Я выпытал это у Натана совершенно определенно. Лея была в ванной, взрослые в гостиной смотрели телевизор. Дверь в спальню была закрыта. Перед тем как пойти в ванную, Лея взяла из своего шкафа полотенце и одежду, Рина ей помогала, они были в комнате вдвоем, и если бы на кровати был песок, обе не могли этого не заметить, вы согласны?

Беркович молчал.

— Пока девочка мылась, из ванной был слышен шум воды, в коридор она не выходила, дверь в ее спальню была закрыта. Потом Лея вышла, прошла сначала на балкон, повесила сушить полотенце, а затем вошла в спальню. Через секунду Натан услышал громкий возглас: «Это что такое?» Они с Риной пошли посмотреть и увидели горку. Аккуратная, по словам Натана, горка, сухой белый песок, теплый на ощупь. В отличие от жены, он сохранил здравый рассудок и первым делом проверил окно. Закрыто изнутри комнаты на щеколду. Снаружи ни открыть, ни закрыть невозможно. Дальше вы уже слышали.

— Понятно, — мрачно проговорил Беркович. — Все в этой квартире происходит само по себе. Горка песка. Куклы или, как вы говорите, модели. И наконец, убийство. Никто не мог этого сделать, но это сделано. И вы не сторонник мистики. Не сторонник магии, в частности, магии вуду.

— Вуду? — поднял брови Вайншток. — Вы это серьезно?

— Куклы, — пояснил Беркович. — Куклы и смерть Альтермана.

— Не продолжайте, — хмуро сказал Вайншток. — Большей глупости я не слышал в своей жизни. Вуду, надо же! Вы обнаружили на моделях следы уколов, обрывки кожи, волос, угрожающие надписи?

— Экспертиза еще не закончилась, — уклончиво сказал Беркович.

— Экспертиза не закончилась! — в голосе Вайншток звучала насмешка. Он был о старшем инспекторе лучшего мнения. Физик презрительно поморщился и смерил Берковича взглядом, в котором ясно читалась оценка умственного состояния визави.

— Вы сказали, — напомнил Беркович, — что если все версии оказываются…

— Да, сказал! Но мистику мы отбросили, верно?

Что общего у этих явлений: горка песка, модели, смерть Натана?

— Запертая комната, — сказал Беркович. — По вашему мнению, эти, как вы их называете, модели тоже появились в запертой комнате? Но ведь одну Натан нашел в коридоре, который не мог быть заперт.

— Какая разница? Никто в квартиру не входил, никто не выходил.

— Согласен. Однако в проблеме запертой комнаты решение всегда одно и то же: или комната в момент события не была заперта, или событие произошло не на том месте, куда его поместили потом. И главный вопрос: кому это нужно? Кто-то должен все это сделать. Зачем? Горка песка — нелепость. Кто что и кому хотел этим сказать? Если связать горку песка, кукол и гибель Натана, получается, что песок был первым предупреждением, куклы — подтверждением угрозы, и наконец, кто-то нанес последний удар.

— Буйная у вас фантазия, старший инспектор, — с уважением произнес Вайншток. Уважение, впрочем, было перемешано с долей недоумения и иронии. — К тому же она не приближает к решению проблемы запертых комнат. Не одной, заметьте, а минимум пяти, если считать и горку

песка.

— Да, — помрачнел Беркович. — И мне кажется, Григорий, у вас есть объяснение. Вы меня пытаетесь к нему подвести, даже горку песка зачем-то придумали.

— Придумал! — вскинулся Вайншток.

— Я долго с ними разговаривал, и не один раз, — задумчиво говорил Беркович. — И с Риной, и с Леей — в присутствии матери, конечно. И с вашей женой. Никто ни разу ни намеком ни о каком песке…

— Они не придали значения, — с досадой произнес Вайншток. — Или не связали горку песка с моделями. Вы действительно думаете, что про песок я сочинил? Зачем? Смысл?

Беркович пожал плечами.

— Так сами спросите! — все больше распалялся Вайншток. Взмахнув рукой, он едва не смахнул со стола блюдце с пакетиками сахара, успев подхватить на самом краю столешницы. — И у Маши спросите, она вспомнит.

— Может быть, — продолжал Беркович, будто не слыша собеседника, — никто не упомянул о горке песка, потому что они знали, чья это шутка? Вы в тот день не были за границей?

— Нет! — Вайншток уже не сдерживался,

полицейский его разозлил, все полицейские — недалекие люди, запертая комната для них не загадка, которую интересно разгадывать, а причина ненужной головной боли.

— Нет! — повторил Вайншток тише, заметив, что в их сторону посматривают посетители. Беркович, казалось, не обращал внимания на волнение физика, разглядывая висевший на стене постер: репродукцию с картины то ли Моне, то ли Ренуара — в импрессионистах старший инспектор не разбирался, как в ботанике, мог спутать ирис с орхидеей, а обычную сосну с ливанским кедром. Разницу в интонациях между двумя произнесенными «нет» Беркович почувствовал сразу. Хорошо. Сейчас Вайншток скажет то, чего говорить не собирался.

— Я не был в тот день за границей, — все еще кипя внутри, сдержанно произнес Вайншток. — Спросите у Маши. Напоминаю дату: второе ноября прошлого года. Никто, кстати, не подумал тогда, что это классическая загадка запертой комнаты. И сейчас не вспомнили, потому что… Женщины! Я ничего не имею против женской логики, старший инспектор, часто именно женская способность соединять несоединимое помогает понять природу какого-нибудь зага-

дочного явления. Знаете, что я скажу: в любой экспериментальной физической лаборатории обязательно должен быть сотрудник-женщина. Не потому, что женщины аккуратны и терпеливы, хотя и это тоже. А потому, что интуитивно они могут в ходе эксперимента создать ситуацию, до которой невозможно додуматься логически и которая поэтому проходит мимо внимания экспериментаторов. Я могу привести немало примеров женской интуиции, ничего общего не имеющей с научной интуицией мужчин. Это интуиции разной природы, старший инспектор. Мужская научная интуиция соединяет неожиданным образом известные факты, результаты расчетов и экспериментальные данные. Женская интуиция другая — кроме тех ингредиентов, что я перечислил, она включает бытовые детали, на которые мужчина не обращает внимания, мелкие психологические элементы, даже погоду или то, как соседка вывешивала белье на балконе. Женская интуиция не ограничена поставленной задачей, и потому, когда женщина говорит: «Послушай, это ведь может быть так» — и вам это кажется нелепым, потому что не лезет ни в какие ворота и ничего не объясняет, — все равно нужно прислушаться к ее словам и попытаться понять

то, чего она не поняла сама. Но часто женская интуиция уводит правду с ее пути — именно потому, что учитывает слишком много факторов. Вы меня не слушаете, старший инспектор?

Беркович пожал плечами.

— Вы решили, что я слишком много говорю не по делу? — усмехнулся Вайншток. — Уверяю вас, это не так. Знаете, что сказала Маша, когда мы обсуждали появление горки песка? Сейчас она не помнит, наверно. Она сказала: «Это знак, Гриша. Это им такой знак был». Знаки, зодиаки, мистика… Я сделал вид, что согласился, я всегда так делаю, чтобы не обижать Машу.

Вайншток неожиданно поднялся и направился к стойке, доставая из кармана бумажник. Обернулся на ходу:

— Я заплачу, старший инспектор. Я вас пригласил, так что…

Беркович подождал, пока Вайншток расплатится и вернется за сумкой, висевшей на спинке стула. Сказал, поднявшись:

— Вы меня пригласили, да. Но что-то от меня утаили.

Вайншток забросил сумку на плечо, поднял на Берковича недоуменный взгляд.

— Утаил? — искренне удивился он. — Я расска-

зал то, о чем вы не знали. Объяснил, что у вас загадка не одной запертой комнаты, а по меньшей мере пяти.

— Вы знаете, кто убил Натана, — спокойно произнес Беркович. — Но этого вы не сказали.

— Я знаю, кто убил Натана, — повторил Вайншток медленно, будто пробуя каждое слово на вкус. Задумался на мгновение. — Пожалуй, — сказал он наконец.

— Назовите имя, — предложил Беркович. — Скрывая от следствия информацию, вы…

Уже начав говорить, он понял, что взял неверный тон. Почти победив, последними словами свел на нет весь разговор. Беркович запнулся на полуслове, увидев окаменевшее лицо Вайнштока.

— Я не скрываю от следствия информацию, — сухо произнес Вайншток. — Видите ли, старший инспектор, загадку одной запертой комнаты бывает невозможно решить, как невозможно решить одно уравнение с несколькими неизвестными. Но в данном случае система уравнений почти полная, а решение единственное.

— И вы его знаете.

Вайншток посторонился, пропуская вошедшую в кафе компанию молодых людей. Беркович поте-

рял с ним визуальный контакт, а секунду спустя понял, что продолжать разговор бессмысленно. Вайншток направился к выходу, не заметив, что оставил собеседника посреди кафе. Спина Вайнштока на мгновение вписалась в дверной проем и исчезла в сумраке наступившего вечера. Догонять его Беркович не собирался. Он понимал, что Вайншток сказал все, что хотел, большего от него не добиться. Действительно ли он знал имя убийцы? Разгадал загадку запертых комнат? Конечно, его можно вызвать в управление, провести допрос под диктофон, поставить вопросы ребром, и он назовет чье-нибудь имя. Рины? Собственной жены? Гольца? Совсем не то хотел сказать этот странный человек, утверждавший, ко всему прочему, что женская интуиция позволяет постичь истину, в то время как мужская от истины уводит. Или наоборот? Беркович внимательно слушал монолог, память у него была хорошей, но смысл речи о роли интуиции он не понял.

* * *

Домой Беркович приехал, когда Наташа читала Арику книгу о приключениях Пиноккио. Книга была на иврите, Пиноккио носил на голове нашлепку, похожую на кипу, а нос его был,

как показалось Берковичу, выточен не старым Джепетто, а самой природой — нормальный ашкеназский нос, который суют не в свое дело.

— Ужин на кухне, — сказала Наташа, не прерывая чтения, а сын не вскочил, как обычно при появлении отца, не бросился ему на шею, не спросил: «Что ты мне принес сегодня?» Он был внутри сказки, которую Беркович тоже любил в детстве, но знал ее героя под другим именем. Буратино неожиданно представился старшему инспектору капиталистическим агентом, проникшим в среду советских пионеров, чтобы выведать их тайны, и в том числе — тайну запертой комнаты, золотой ключ от которой достался герою сказки после многочисленных приключений. Что было в той, из далекого детства, запертой комнате? Беркович усмехнулся странному совпадению — в комнате из «Золотого ключика» тоже находились куклы.

Какая-то мысль мелькнула, как глубоководная рыба, поднявшаяся слишком высоко, не достигшая поверхности и нырнувшая обратно, в темноту и тишину интуитивного мира.

Разогревая в микроволновке шницель с гарниром из жареного картофеля с соусом чили, Беркович подумал, что надо взять лист бумаги и записать…

Поставив тарелку на стол и достав из хлебницы пару кусков хлеба, Беркович отыскал в ящике кухонного стола блокнот, куда Наташа записывала рецепты, оторвал чистый лист, в том же ящике нашлась и авторучка. Минуту спустя на листе появился столбик чисел, на который Беркович смотрел как на стихотворение поэта Бродского: понимая, что в тексте заключен глубокий смысл, но не представляя, в чем этот смысл заключается.

2 ноября — горсть песка.

Начало февраля — Марина.

Середина мая — Ким.

4 июня — кукла без имени.

16 июня — Фредди Крюгер, смерть Натана.

Почему Вайншток поместил горку песка в один ряд с куклами? Только потому, что это произошло в запертой комнате? Что говорил физик о системе уравнений? Загадку одной запертой комнаты решить порой невозможно, а пяти сразу… Где-то Беркович читал: если не решается частная задача, попробуйте решить более общую. Обычно она легче поддается решению. А потом, решив общую задачу, вернитесь к частной.

Убийца и человек (люди), подбросивший три куклы, а прежде горку песка — одна и та же

личность? Разумно предположить именно так — слишком маловероятно, чтобы это были разные люди. Но как ему удалось… Стоп. Оставим пока вопрос о том, как он (она?) это сделал. Вопрос: зачем? Мотив. Месть? Первые куклы — предупреждение? Последняя — исполнение угрозы? Слишком театрально, мелодраматично и просто глупо. В романе Агаты Кристи это уместно, в жизни, в начале двадцать первого века — смешно. То есть было бы смешно, если бы не закончилось трагически.

И почему пять запертых комнат вернее указывают на убийцу, чем одна?

— Ты поел? — спросила Наташа, войдя в кухню и поцеловав мужа в затылок. — Что у тебя на листке? Даже не прикоснулся к тарелке! Ты не голоден? Заходил куда-то после работы?

— Выпил чашку кофе со свидетелем, — пробормотал Беркович. — В кафе, да.

— Кофе со свидетелем — это круто, — рассмеялась Наташа. — Свидетель вместо сахара?

— Скорее вместо горчицы, — вздохнул Беркович. — Да и не свидетель он на самом деле. В день убийства был за границей. По делу ничего не сказал. Но что-то знает.

Наташа пододвинула к мужу тарелку, вложила

в руку вилку.

— И хлеб возьми, — сказала она.

— Арик… — начал Беркович.

— Спит. Он быстро засыпает после сказки, особенно если слышит ее в сто пятидесятый раз. Ты о каком убийстве говоришь? Посоли, если соли мало.

— В самый раз, спасибо. Об убийстве Альтермана, конечно.

— Разве не жена его убила? — удивилась Наташа. — В новостях передавали, что у полиции основная версия: убила жена.

У нее был любовник.

— Да? — Беркович нарезал шницель на кусочки и отправлял их в рот по одному, аккуратно цепляя вилкой. — Может, и имя назвали?

— Нет, — с сожалением сказала Наташа. — Сказали, что в интересах следствия имена не разглашаются.

— Чепуха, — рассердился Беркович. — Надеюсь, не Клугер давал комментарий?

— Нет, от полиции никто не выступал.

— Естественно! Если имена не называют в прессе, должен быть запрет суда. Суд по делу Альтермана не собирался, потому что нет пока ни подозреваемых, ни мотива… ничего. Почти

ничего, — поправил себя Беркович. — А о том, что есть, журналисты знать не могли. Что плохо в нашей прессе: когда информация отсутствует, ее высасывают из пальца.

— Этот листок тебе нужен? — Наташа взяла в руки список и пробежала его глазами, прежде чем Беркович успел сказать… Впрочем, он ничего не собирался говорить и бумагу не собирался прятать. Если сам он ничего не понял, то и Наташа не поймет.

— Второе ноября, горка песка, — прочитала Наташа. — Почему три даты точные, а две приблизительные? Кукол было несколько?

— Приблизительные, — пояснил Беркович, — потому что Лея не помнит точно, когда куклы появились в квартире.

Наташа положила список на стол, села напротив мужа и приготовилась слушать. Отправив в рот последний кусочек и не притронувшись к гарниру, Беркович коротко перечислил события, происходившие в семье Альтерманов.

— Жуть какая, — пробормотала Наташа, не прервав мужа ни разу на протяжении довольно длинного рассказа. — Похоже на истории о черной руке, помнишь, в детстве были такие страшилки? «Из стены появилась черная рука…»

Я бы перепугалась…

— Не думаю, что это было страшно, — покачал головой Беркович. — Ну, кукла… Лея думала, что кукол приносил отец. Натан, видимо, считал, что это дочка так играет. Рина вообще ничего не знала.

— А песок? — спросила Наташа. — Почему в списке песок?

— Потому что тоже появился неизвестно как и неизвестно откуда.

— Как в тесте Айзенка. Даны пять предметов, какой из них лишний? И всегда оказывается, что лишний совсем не тот, о котором думаешь в первую очередь. Боря, у тебя не написано… Песок был сухой?

— Какая разница… — начал Беркович и осекся. — Сухой, да. Об этом Вайншток упомянул дважды. Ты хочешь сказать…

— Второе ноября. День рождения твоей мамы.

— Первый дождь после весны! — воскликнул Беркович. — С грозой!

— И лил до вечера. Помнишь, какая мокрая была дорога, когда мы ехали в Петах-Тикву?

— А песок сухой! — возбуждение от обнаруженного противоречия улеглось. — Не обязательно тот, кто принес песок к Альтерманам, собрал его

тогда же на пляже или на стройке.

— Да, — согласилась Наташа. — Но… Я хочу сказать: не умножай сущностей сверх необходимого.

— Сейчас выясню, — сказал Беркович и, достав мобильник, набрал номер дежурного по управлению. — Добрый вечер, Гиль. Позвони, пожалуйста, в Гидрометслужбу и уточни, какая погода была в Тель-Авиве второго ноября прошлого года. Перезвони мне, хорошо?

— Где сейчас куклы? — спросила Наташа, когда муж положил мобильник на стол.

— У Рона на экспертизе, — рассеянно отозвался Беркович, думая о своем. — Почему ты спрашиваешь?

— Я подумала… — протянула Наташа, — Альтермана убили куклой? И если остальные… Я хочу сказать, если они остались дома, это может быть опасно для Леи и Рины.

— Почему? — удивился Беркович. — Убить этими куклами точно невозможно, разве что шишку на затылке поставить. Уродец, которым убили Альтермана, тяжелее вдвое. Наташа, что за странная мысль пришла тебе в голову?

— Я подумала: вдруг убить хотели на Натана, а Рину? Или девочку?

— Я об этом думал, — покачал головой Беркович. — Чтобы убить человека, есть множество не таких экстравагантных способов.

— А мотив? — продолжала Наташа. — Ты не нашел мотива. Значит, могли хотеть…

Мобильник заерзал по столу и заиграл мелодию из «Волшебной флейты».

Сержант Левин сонным голосом сообщил, что в Гидромете дежурный не сразу сообразил, чего от него хотят, а когда сообразил, не нашел на месте нужного специалиста, пришлось звонить ему домой, а он уже лег спать…

— Так что с погодой? — прервал Беркович обстоятельный доклад. — Так и не выяснил?

— Почему же… — обиженно отозвался Левин. — Погода второго ноября была… вот… дождь с семи до половины десятого, потом низкая облачность без осадков до четырнадцати двадцати, потом дождь с грозой до восемнадцати с четвертью, потом переменная облачность без осадков.

— Спасибо, Гиль, — Беркович обернулся к Наташе. — А песок был сухой. Ну и что? — сам себя спросил Беркович. — Сухой. И какая разница?

— Думаешь — никакой? — спросила Наташа. — Может, это действительно было предупреждение, как сказала Мария? Знак? И тогда имело значение

— сухой песок или мокрый. Зря, что ли, Вайншток прочитал тебе лекцию о женской интуиции?

— Наташа, — сказал Беркович. — Пожалуйста… У меня болит голова. Я устал. Пять запертых комнат, чушь какая! Четыре урода, которые так же похожи на кукол, как я на китайского императора! Никакого мотива! Кто-то должен был придумать! Зачем? Если кому-то мешал Альтерман, к чему такие сложности?

— К тому, — рассудительно сказала Наташа, — что у тебя нет ни мотива, ни подозреваемого. А если бы его убили на улице или в подъезде, ты нашел бы сто свидетелей, раскопал бы кучу информации и вычислил бы убийцу. Атак…

— Пошли спать, — вздохнул Беркович. — Утром займусь связями и знакомствами Натана. Кармон все эти дни опрашивал его знакомых. И Рон обещал закончить исследование кукол.

* * *

С утра парило. День обещал быть не просто жарким, а жарким по-тельавивски — на улицу лучше не высовывать носа, сразу станешь мокрым, как утка.

— В среду у нас утренник, — сказала Берковичу воспитательница Ширли, вручив бумагу с объ-

явлением, что утренник начнется в пять вечера, родителям присутствовать обязательно. Будут вручать аттестаты, потом дети покажут представление, и закончится мероприятие фуршетом, причем все блюда приготовят сами дети. С родителями, конечно. «Передайте, пожалуйста, вашей супруге, что у нее в прошлый раз замечательно получились маффины с малиной, пусть она… обязательно с Ариком, чтобы он тоже принимал участие… это для детей такая гордость…»

Беркович с трудом выдерживал словесный напор. Размышлял он не о маффинах, даже не знал, что это такое, а о том, что в детском саду начинаются летние каникулы, и нужно думать, куда пристроить сына на июль и август. Придется, видимо, опять возить Арика к Ирине Давидовне, сын ее любит, но уже в прошлом году цену она выставила заоблачную, и можно представить, как в этом…

Мобильник Наташи был закрыт — по утрам она выключала телефон, на фирме было горячее время, прием товара. А потом позвонить Беркович не успел — забыл обо всем на свете, кроме странного дела, в котором не было ни мотива, ни подозреваемых, ни возможности для живого человека совершить преступление.

Хан вошел, когда старший инспектор дочитывал отчет Кармона. Тот провел большую работу, как это принято писать в официальных бумагах. Не он один, конечно, — с помощником следователя Артуром Кашенилем. В биографии Альтермана не осталось, пожалуй, белых пятен, и Беркович с некоторым недоумением узнал, что вскоре после репатриации Натан участвовал вместе с ультралевыми в акциях протеста против оккупации Израилем палестинских земель. Был задержан полицией, но отпущен, когда дал показания против тех, с кем выходил на демонстрацию. Факт говорил о многом. Например, о том, что Натан, видимо, легко поддавался влиянию — кто-то же надоумил его принять участие в демонстрациях, к которым Альтерман вряд ли чувствовал врожденную предрасположенность. Будучи задержан, поддался влиянию полицейского следователя и рассказал все, что знал об организаторах левого марша. Настучал, в общем. А потом, видимо, испугался, тоже характерная реакция, и больше в левых «тусовках» не участвовал.

Несколько листов Беркович пробежал по диагонали, предполагая вернуться к ним позже, — это были протоколы официальных допросов Рины, Леи (в присутствии Рины), Марии Вайншток,

Сергея Гольца, Веред Кошман, Эстер Мизрахи и еще семи соседей семьи Альтерман. Кармон и Кашениль задавали стандартные вопросы, ответы тоже разнообразием не отличались, все это Беркович уже знал и сам.

Хан вошел без стука и, не дожидаясь приглашения, сел на пластиковый стул, придвинув его к столу и повернув экран компьютера так, чтобы оба могли видеть.

Эксперт продиктовал код, Беркович ввел число и вызвал файл с «результатами обследования артефактов №№ 30-1, 30-2 и 30-3 по делу об убийстве Натана Альтермана № 6430а». Написано было много, были здесь и фотографии уродцев в разных ракурсах и разных лучах, в том числе рентгеновских.

— Итак, отпечатки пальцев, — сказал Хан, когда Беркович прокрутил текст до конца. — Их очень мало, и все принадлежат семейству Альтерман: Натану, Леи и Рине. Никто, кроме них, не мог принести эти предметы в квартиру. Если бы существовал некий Икс, он оставил бы молекулярный след — частицу пота, кожи, чего угодно. Если бы отпечатки были стерты, мы обнаружили бы следы этого действия. Если бы Икс был в перчатках, мы обнаружили бы частицы латекса или любого

другого материала. И, конечно, обнаружили бы следы магического ритуала, если бы таковой был совершен с помощью этих предметов.

— Когда ты начинаешь говорить официальным языком, — мрачно заметил Беркович, — это означает, что сказать тебе на самом деле нечего.

— Абсолютно нечего, — согласился Хан. — Настолько нечего, что это само по себе становится очень подозрительным, если ты меня понимаешь.

— Не понимаю, — буркнул старший инспектор.

— Любая вещь, — терпеливо произнес эксперт, — грязная по определению. Как ни отмывай, как ни очищай — если, конечно, это делается непрофессионально и в домашних условиях, — следы все равно остаются. Хотя бы несколько «чужих» молекул.

— Да-да, — нетерпеливо сказал Беркович. — Это понятно.

— Если понятно, — пожал плечами Хан, — то чего ты не понимаешь? Одно из двух: или никто, кроме Альтерманов, к куклам не прикасался, или некто приволок в квартиру Альтерманов специальную аппаратуру, с помощью которой уничтожил все свои следы, включая молекуляр-

ные метки, прежде чем оставить кукол там, где они были найдены.

— То же самое, — добавил эксперт, — относится к Фредди Крюгеру. С той разницей, что на этой кукле вообще нет никаких следов, кроме крови Натана.

— А твои? — оживился Беркович. — Ты брал куклу, прятал в пакет, потом доставал, чтобы провести экспертизу… Я тоже брал в руки куклы, а потом тот, кто за ними приходил, чтобы отвезти в лабораторию.

— Борис, — осуждающе сказал Хан, — ты меня сегодня поражаешь. Конечно, эти следы исключены из рассмотрения.

— Понятно, — пробормотал Беркович. — Иными словами — полная гарантия…

— Полную гарантию не даст никто, — назидательно произнес эксперт. — Доверительная вероятность обычная, на уровне чуть больше трех сигма, девяносто девять и восемь десятых процентов. Достаточно для предъявления артефактов в суде.

— В суде над кем? — осведомился Беркович.

— Это твоя проблема.

— Разве? Ты утверждаешь, что никто не мог использовать Фредди Крюгера как орудие пре-

ступления. Кукла сама оказалась в запертой комнате, убила Альтермана…

— Как в дурном голливудском боевике, — подтвердил Хан. — И не думай, что это мне нравится. Если следов нет, очевидно, преступник сумел их уничтожить. Следовательно, он прекрасно представляет себе возможности современной криминологии и, более того, владеет способом уничтожения даже молекулярных меток.

— Три уродца тоже каменные? Мне показалось, что это засохшая глина.

— Камень. Две куклы — песчаник разной плотности, одна — известняк.

— И Фредди Крюгер? — удивился Беркович.

— Нет, Фредди — гранитный, очень твердый.

— Что тверже — известняк или песчаник?

— Известняк.

— Понятно, — пробормотал Беркович, прокрутив на экране текст экспертного отчета и записав несколько чисел в блокнот. — Вижу… Марина — из песчаника, плотность две целых одна десятая, Ким — известняк, плотность две целых шесть десятых. Фредди Крюгер тяжелее других больше чем вдвое.

— Марина? Ким? — переспросил Рон. — Кто это?

— Неважно, — отмахнулся Беркович. — Потом объясню. Я пока сам не понимаю, в чем тут суть. Не хватает мне женской интуиции. Каменные куклы. Обработанный камень. Кто-то его резал, шлифовал…

— Я об этом думал, — кивнул Хан. — Поручил Рами — он у меня специалист по экспертизе каменных артефактов.

— Рами Коэн? И что? — с интересом спросил старший инспектор.

— Предварительное мнение Рами сказал сразу: обработка довольно грубая, некоторые места похожи на недавний слом — у одной из кукол, той, что без левой ноги, эту ногу, похоже, отломали, причем не очень давно. А другая, что без рук, видимо, так была и сделана. И еще… Рами не может определить возраст кукол. Обычно это довольно легко — по степени обработки, по характеру слома, по виду шлифовки… Местами камень выглядит отшлифованным давно, и Рами не берется указать время, а местами — совсем недавно, может, месяц или два назад. Сломы тоже — есть свежие, есть очень давние. Странно, правда?

Беркович молчал, обдумывая пришедшую в голову мысль. Глупая мысль — не умнее, по край-

ней мере, чем идея о магии вуду, но все же…

— Я просмотрел кое-какую литературу, — продолжал эксперт. — Похоже, наш случай — единственный в современной криминалистике.

— Это обнадеживает, — пробормотал Беркович.

Хан внимательно посмотрел на приятеля.

— Что-то должно быть, — сказал он после паузы. — Преступник нас переигрывает. Я не знаю, как он это делает. Ты исключаешь Лею и Рину? Их следы есть на всех куклах.

— Кроме Фредди Крюгера.

— Да, — согласился Хан. — На орудии убийства следов нет вообще.

— Лея неплохо знает природоведение, — задумчиво произнес Беркович. — У нее по этому предмету высокие оценки. Но ты знаешь, на каком уровне изучают природу в пятом классе? Рина — типичный гуманитарий. Невозможно предположить, что одна из них… или они вдвоем… придумали и сумели…

— Значит, — заключил Хан, — был кто-то еще. Мощный ум, прекрасный умелец. Ты допрашивал всех, кто общался с Альтерманами, всех, кто бывал у них дома. Кто из этих людей подходит?

— Никто, — буркнул Беркович.

— Муж Марии Вайншток — физик?

— Ну и что? Теоретик. О таких говорят — руки-крюки. По словам Марии, муж даже тройник починить не мог — отвертка из руки выпадала. Я разговаривал с ним. Что-то он знает, о чем-то умалчивает. Наверняка какая-нибудь чепуха, которой он придает повышенное значение. В конце концов, выясню, конечно, что он не хотел сказать при первой встрече. Вайншток на роль подозреваемого не тянет — его в день убийства и в стране не было.

— Если отбросить все невероятные гипотезы, — с мрачным выражением лица процитировал Хан, — та, что останется, какой бы невозможной она ни выглядела, и будет истинной.

— И ты туда же, — с горечью произнес Беркович. — Вайншток мне уже цитировал Холмса. На самом деле, если отбросить невероятные гипотезы, не останется ни одной, и выбирать не из чего.

Помолчали.

— Что ты собираешься предпринять? — осторожно поинтересовался Хан.

— Завтра, — сказал Беркович, — отчет о расследовании потребует Хутиэли. Через пару дней об отсутствии результата доложат генералу. В

воскресенье, если у меня по-прежнему не будет ни одного подозреваемого, следственную группу заменят — скорее всего, дело передадут Гурвицу, а он…

— А он, — подхватил Хан, — объявит, что, поскольку дома была только Рина, то ее нужно задержать и допрашивать, пока она не даст признательных показаний.

Беркович кивнул.

— И прессе, — сказал он, — передадут релиз, объясняющий убийство, как бытовое. Не первый раз жена убивает мужа.

— Без причины?

— А какой мотив был у Магды Охайон? — пожал плечами Беркович. — Помнишь, в прошлом году? Они с мужем даже не ругались. Временное помешательство.

— В нашем случае не подходит.

— Нет. Убийца, кто бы он ни был, — человек с изощренным умом и богатым воображением. И все подготовил заранее. Задолго до.

Почему Беркович споткнулся на одном из слов, произнося эту фразу? Хан не обратил внимания, а Беркович поймал себя на том, что слово это он с трудом не только произнес, но и подумал о нем с усилием.

— Спасибо, Рон, — сказал старший инспектор, давая приятелю понять, что хотел бы посидеть и подумать. Эксперт поднялся:

— Извини, что не смог тебе помочь. Но что есть, то есть. По-моему… если тебе, конечно, нужно мое мнение…

Беркович рассеянно кивнул, механически перебирая лежавшие на столе листы протоколов.

— Пока ты не найдешь мотив, с места не сдвинешься. Без мотива…

Поняв, что Беркович его не слушает, Хан пожал плечами и пошел к двери.

* * *

— Я ничего не понимаю в физике, — пожаловался Беркович. — Помню законы Ньютона и еще, что сила тока прямо пропорциональна сопротивлению. Или наоборот: сопротивление пропорционально силе тока?

— Погоди, дай дочитать, — сказал сидевший в кресле перед компьютером Рик Сандлер, с которым Беркович служил в одной роте в «Гивати[12]», а потом виделся только на ежегодных резервистских сборах, да и то не всякий раз, по-

[12] Примечания: 12
«Гивати» — одна из бригад израильского спецназа.

тому что, бывало, призывали их в разное время. После армии Сандлер окончил Технион и работал на одном из предприятий компании «Рафаэл», производившей, в частности, системы противоракетной обороны «Железный купол». Встречаясь раз в году, приятели разговаривали, конечно, и о том, чем занимались в гражданской жизни, но редко углублялись в детали: Беркович понимал, что Сандлер не имел права распространяться о подробностях своей деятельности, а Сандлера мало занимали допросы задержанных преступников и изучение мест преступлений — как ему казалось, только этим и были заполнены рабочие дни старших инспекторов полиции.

Дома у Сандлера Беркович прежде не был. Рик жил один в пятикомнатной квартире на улице Эйнштейна, в двух шагах от университета, где Сандлер, оказывается, ко всем прочим своим делам, вел курс электродинамики сплошных сред на физическом факультете. Смутно понимая, что такое «сплошные среды» и чем они отличаются от сплошных вторников, Беркович все же надеялся, что Сандлер сумеет объяснить если не на пальцах, то хотя бы на понятных «чайнику» рисунках, чем занимается доктор Григорий Вайншток и о чем он докладывал на конференции, куда ездил

две недели назад.

— Понятно, — сказал Сандлер, пробежав взглядом на экране компьютера несколько статей Вайнштока, обнаруженных в сетевом архиве препринтов. Остальные три десятка его работ были опубликованы в таких престижных журналах, как «Nature», «Physical Review» и «Review of Modem Physics».

— Что ты мог понять, — не удержался Беркович от язвительного замечания, — если проехался по текстам со скоростью гоночного автомобиля?

— Никогда не сяду за руль, — заявил Сандлер. — Как представлю, что надо неотрывно смотреть на дорогу и, не дай бог, ни на метр в сторону, а еще скорость… Меня охватывает ужас.

— И это говорит один из конструкторов «Купола»!

— Так я сказал, что это, в принципе, понятно, — продолжал Сандлер, сделав вид, что не расслышал реплики Берковича. — Далеко от моих интересов, но понять можно. Кстати, читал об этих вещах в научно-популярной статье. Попалась в интернете. Сейчас отыщу, чтобы ты смог…

— А своими словами?

— Своими словами тоже. Погоди минуту.

Поскольку сбить Сандлера с мысли было невоз-

можно и то, что он начинал делать, он всегда доводил до конца, Берковичу ничего не оставалось, как подождать, пока приятель найдет в Гугле ссылку и перешлет электронной почтой на адрес старшего инспектора, известный Рику еще со времен срочной службы.

— Почему ты думаешь, — насмешливо сказал Беркович, — что за эти годы у меня не изменился адрес?

— Неважно, — отмахнулся Сандлер. — Если у тебя когда-то этот адрес был, моя почтовая программа найдет все твои последующие адреса и разошлет по ним мое письмо.

— В том числе по адресу в полицейском управлении? Он, вообще говоря, секретный.

— Нет, — усмехнулся Сандлер, — ты меня на незаконных действиях не подловишь. Если адрес не значится в доступных базах данных, письмо туда не попадет.

— И на том спасибо. Иначе тобой заинтересовался бы майор Баркан, ас по расследованию компьютерных преступлений.

— Ничего криминального, — обиженно сказал Сандлер. — Что касается исследований твоего Вайнштока…

— Почему моего? — возмутился Беркович. —

У меня против этого человека нет абсолютно ничего.

Сандлер вывел на экран фотографию спиральной галактики и, обернувшись к Берковичу, сказал:

— Красиво? Хочу, чтобы ты проникся, Борис. Меня такие картинки приводят в восторг. Так вот, что касается исследований твоего Вайнштока…

— Он не мой…

— Твоего Вайнштока, — повторил Сандлер, — они еще более красивы. Математика, дорогой мой, красивее этой галактики, красивее самого красивого заката, красивее самого красивого автомобиля… собственно, красота машины возникает исключительно благодаря математике, которую используют конструкторы.

— Рик, — нерешительно произнес Беркович, понимая, что, прервав восторги приятеля, рискует остаться без нужных сведений, — о математике мы можем поговорить потом, ты хотел рассказать о…

— Я и говорю о! — вскричал Рик, взмахом руки отправляя на пол стоявший на компьютерном столике пластиковый стакан. Карандаши и ручки рассыпались, но поднимать их Сандлер не стал и Берковичу не разрешил, ухватив его за рукав

прежде, чем тот успел наклониться. — Квантовая физика, дорогой мой, это, прежде всего, математика. Как и конструирование. Как и вообще все на свете. Поэтому пойди на кухню, по коридору направо, на столе увидишь бутылку виски «Черная лошадь», на полке возьми два стакана, в холодильнике бутылку «соды», притащи сюда, и продолжим разговор.

Сопротивляться смысла не имело. Кухня оказалась огромной комнатой, где можно было играть в теннис, потому что из предметов мебели (кроме электрической плиты и холодильника размером с посадочную капсулу «Аполлона») здесь был лишь маленький столик, где действительно стояла бутылка виски. Не было и стульев. На чем сидел хозяин, когда (если?) принимал здесь пищу, осталось для Берковича загадкой. Он хотел из любопытства найти хоть один предмет, который можно было бы использовать для сидения, но громкий зов из комнаты заставил его отказаться от этого намерения. Взяв в одну руку бутылку виски и еще большую по размерам бутылку содовой, а в другую — два стакана, обнаруженных на одной из полок над плитой, Беркович вернулся в гостиную, где Сандлер уже расположился за журнальным столиком, придвинув к нему два

кресла.

— Наливай, — приказал Рик, и Беркович налил.

— Сразу видно, что ты никогда не пил виски с содовой, — заметил Сандлер. — Дай бутылку.

— Вообще-то я больше люблю вино, — пробормотал Беркович. От крепких напитков у него начинало саднить в горле, в ногах исчезали остатки правды, а в голове поселялись назойливые муравьи, ползавшие по извилинам и не позволявшие нормально воспринимать реальность. Меньше всего Беркович хотел сейчас оказаться в состоянии тупого непонимания, и к тому все шло, но отказаться было невозможно, как невозможно отказаться от предложения, сделанного главарем сицилийской мафии.

— Вино! — вскричал Сандлер, налив в стаканы на три пальца виски и долив до краев соды. — Вино пьют, когда надо не думать, а праздновать. Тебе сейчас нужно хорошо подумать и воспринять вещи, в которых ты ни бельмеса не смыслишь. Поэтому виски с содовой — самое то.

Свое мнение по этому поводу Беркович оставил при себе и по команде Сандлера отпил глоток, после которого почему-то не ощутил ни жжения в горле, ни мурашек в мозгах. Напротив, ему

показалось, что он стал лучше видеть (заметил, как по экрану компьютера ползет крохотный муравей) и слышать (дыхание Рика было похоже на раздувание органных мехов), а сознание прочистилось, будто извилины кто-то протер тряпочкой.

— М-м… — сказал Беркович, давая понять, что готов слушать.

— Ага! — согласился Сандлер. — Итак, чем занимается твой друг Вайншток. Чистая математика, вот что это. К реальности не имеет никакого отношения, этим и интересна.

— Ну вот, — огорченно сказал Беркович, решив, что прочищенные мозги ему ни к чему, если исследования Вайнштока бесполезны.

— Не «ну вот», а «о как!» твой Вайншток занимается квантовой космологией. Это самый запутанный предмет исследований в современной физике, но и самый интересный. Квантовая космология изучает момент, когда Творец произнес «Да будет свет», и стал свет.

— Творец не произносил этих слов, — прочищенными мозгами Беркович вспомнил то, чему его учили на уроках ТАНАХа[13]. — Творец создал

---

[13] Примечания: 13

ТАНАХ — Священное писание (Ветхий завет), содержащее три раздела: «Пятикнижие», «Пророки» и «Писания».

небо и землю. А языком болтать его заставил апостол Павел в Новом завете. На каком языке, скажи на милость, говорил Творец, если речь еще не была создана?

— Неважно, — отмахнулся Сандлер и налил еще по три пальца, но уже без содовой. — Пей и слушай.

— Ты, конечно, не знаешь, что такое холизм, — продолжал он, выпив из своего стакана залпом и подождав, пока Беркович выцедит свою порцию, после которой старшему инспектору стало легко, как никогда в жизни, и он решил, что способен понять все, чего не понимал прежде и чего понимать, по идее, не должен был, поскольку от «многая понимания многа печали». Первоисточник, кажется, говорил о другом, но Берковичу сейчас подходила такая интерпретация. — Холизм — это учение, популярное века примерно до восемнадцатого, потом его забыли, а сейчас пришлось вспомнить, потому что редукционизм потерпел крах.

— Непонятно? — Сандлер вздохнул, посмотрел на бутылку, на Берковича, подумал и сказал: — Ладно. Ты не «чайник», ты ламер. Слушай дальше.

— Современный холизм, — вещал Рик, — опи-

сывает мироздание как единое целое, где всё сцеплено со всем, квантовые законы не существуют сами по себе, но теснейшим образом связаны с законами макромира. Более того, законы квантового мира и мира звезд и галактик — одни и те же! Человек не умел описывать природу в правильных терминах и потому разделил законы большого и малого миров, создав редукционизм. Что это такое? Берешь предмет, разделяешь его на столько частей, сколько сумеешь обнаружить, и каждую часть изучаешь отдельно. В результате мир предстает такой сложной мозаикой, что перестаешь улавливать связи между большим и малым, простым и сложным, мужчина и женщина предстают не единым человеческим целым, а враждующими друг с другом существами с разными жизненными установками и желаниями. Понял, друг мой?

Беркович не понял, как гендерные отношения связаны с квантовой физикой, но переспрашивать не стал, хотя чувствовал уже, что способен без помощи приятеля разобраться в деле Альтермана, назвать имя убийцы и даже рассказать, каким образом тому удалось создать загадку пяти запертых комнат. Он знал, что все это знает, но не знал слов, с помощью которых мог бы свое

знание выразить. Он не знал слов, с помощью которых мог бы объяснить свое знание самому себе. Беркович никогда не испытывал такого ощущения, когда все знаешь, но не представляешь, как вытащить знание из подкорки, где оно зацепилось за какую-то вредную извилину и не может выбраться. Он понял ощущения буддиста, который, осознав Истину, не может донести ее не только до других людей, но даже до собственного «я». Лет пять назад ему пришлось разговаривать с буддистом, задержанным за совращение несовершеннолетних девочек. Крепкий мужчина пятидесяти лет оправдывал свои действия тем, что познал Истину и поступал в соответствии с нею. На вопрос, в чем состоит Истина, буддист ответить не мог — он вежливо улыбался, закатывал глаза, пожимал плечами и говорил, что Истину познать может всякий, и происходит это, когда человек внутренне подготовлен к осознанию Истины, но сама Истина такова, что ее невозможно выразить словами. Любое слово, сколь бы близким к Истине оно ни казалось, будет эту Истину искажать, а искаженная Истина может нанести человеку вред, от которого он не оправится до конца земного пути.

Буддиста отправили в тюрьму, кажется, на три

года. За растление, конечно, а не за познание Истины. На допросах Берковичу казалось, что Дан Карми (так звали этого человека) морочит ему голову. Сейчас старший инспектор почувствовал, что действительно есть вещи, которые понимаешь, но не можешь объяснить даже себе. Есть вещи, которые чувствуешь, но не можешь выразить словами, и осознание собственного бессилия понять собственную силу настолько неприятно, что вызывает физиологическую реакцию организма: боль в затылке, тяжесть во всем теле, будто после рабочего дня, долгого и, главное, бесплодного, хотя и понимаешь, что это не так, день был очень плодотворным, только осознать результат собственной деятельности не удается и неизвестно, удастся ли.

— Ты меня слушаешь? — раздраженно спросил Сандлер, обратив внимание на отсутствующий взгляд Берковича.

— Конечно. — Старший инспектор вытер ладонью выступивший на лбу пот. — Ты говорил, что мужчина и женщина представляют собой единое целое.

Сандлер вздохнул.

— Ради такой банальной мысли, — сказал он, — не нужно рассуждать о холизме. Я говорил о том,

что законы физики едины в любой части Вселенной и на любом ее уровне — от планковских длин до масштабов сверхскоплений галактик. Это мы, научные работники, изучая хвост слона, выводим законы для хвоста, а изучая хобот, открываем законы для хобота, в то время как понять, что представляет собой слон, можно, лишь изучая его целиком.

— Долой редукционизм, — отозвался Беркович, — да здравствует холизм.

— Точно, — на этот раз Сандлер посмотрел на приятеля с уважением. — Быстро схватываешь.

— Ну и что? Вайншток этим занимался? Мне казалось, подобные вопросы относятся к философии, а не к физике.

— Вайншток занимается не холизмом. Возможно, он и слова такого не слышал, это уже моя интерпретация. Его работы — о связанных квантовых системах, которые остаются связанными, даже если частицы раскидать на большое расстояние друг от друга. Модная, кстати, тема. В Бельгии физики сцепили пару десятков элементарных частиц в единую систему, а потом разнесли частицы на расстояние около ста метров, но квантовое сцепление между ними сохранилось — когда менялось состояние одной

частицы, мгновенно менялось состояние другой, расположенной в ста метрах от первой. Частицы каким-то образом «чувствовали» друг друга. Как если бы кто-то дернул слона за хвост, и мгновенно дернулся хобот, хотя нервные импульсы не могли так быстро пробежать по всему телу.

— А… — протянул Беркович. — Квантовая телепортация. Слышал в новостях. Вайншток этим и занимается?

— Примерно, — кивнул Сандлер. — Не телепортацией, хотя, возможно, и ею тоже. Его конек — квантовое запутывание. В двух словах: связанность квантовых систем гораздо более глубока, чем это описывают уравнения Шредингера, а потому понять суть взаимодействия удаленных друг от друга частиц можно только в том случае, если сконструировать уравнения, одинаково пригодные для описания физических процессов в микро- и макромире. В мире звезд и в мире электронов. Вайншток пытается составить такие уравнения.

— Потому ты и заговорил о холизме? — догадался Беркович.

— Точно. До правильных уравнений твоему знакомому, конечно, очень далеко…

— Он мне не знакомый.

— Подозреваемому.

— В чем? Я тебе сказал…

— Неважно. Очень любопытно, как твой Вайншток описывает Вселенную в первые мгновения после Большого взрыва.

— О господи, — пробормотал Беркович.

— Ты слышал об инфляционной теории Линде?

— Инфляция? Да. В прошлом месяце она составляла около половины процента, и говорят, в нынешнем году…

— Не о той инфляции речь! В космологии, которой занимается твой друг Вайншток…

— Он мне не друг.

— …инфляция — это практически мгновенное экспоненциальное раздувание пространства после Большого взрыва…

— И создал Бог в первый день…

— Примерно, — нетерпеливо произнес Сандлер. — В первое мгновение первого дня Вселенная представляла собой единую квантовую систему, она и возникла как единая система, и потому, когда инфляция закончилась, все частицы так и остались в перепутанном состоянии друг с другом. Твой Вайншток…

— Да не мой он…

— …пишет, что перепутанное состояние всех без исключения элементарных частиц сохранилось с тех первых мгновений До нашего времени и будет сохраняться, пока существует Вселенная, как бы далеко эти частицы ни находились друг от друга. Простейшая идея перепутанных состояний была описана в тысяча девятьсот тридцать пятом году Эйнштейном, Подольским и Розеном и носит название ЭПР-парадокса…

— Только парадоксов мне не хватает!

— …а подтверждение того, что перепутанные состояния реальны, получили швейцарские физики, о чем мы уже с тобой говорили. Правда, дальше Вайншток сам все еще больше запутывает…

— Запутывает частицы?

— Нет. Извини, слово неудачное. Он приплетает к квантовой физике психологию.

— Естественно, — буркнул Беркович. — К примеру, я психологически не способен воспринять…

— Не о том говоришь! Вайншток имеет в виду не психологию восприятия, а психологию влияния. Если существуют единые физические законы макромира и мира элементарных частиц, то точно так же есть — это я твоего Вайнштока

цитирую — законы взаимодействия сознания наблюдателя с объектом наблюдения. Потому что мозг наблюдателя, экспериментатора, мой мозг, твой, чей угодно — это тоже квантовая система, и находится он в перепутанном состоянии со всеми частицами во Вселенной. Сознание взаимодействует с мирозданием, мироздание — с нашим сознанием!

— Да-да, — пробормотал Беркович. — Представляю, как взаимодействует с мирозданием сознание Ури Шафнера, которого вчера задержали на центральной автобусной станции…

— Конечно! — воскликнул Сандлер. — Сознание Шафнера, не знаю, кто это такой, и твое сознание тоже находится в перепутанном состоянии с квантовой Вселенной, и мое сознание, и сознание твоей жены… Ее Наташа зовут, я правильно помню? Вот, и Наташа, и наш премьер Биби, чтоб он был здоров, и…

— Короче, — перебил Сандлер самого себя, — психология взаимодействия наблюдателя с перепутанным состоянием Вселенной — тема одной из статей Вайнштока. Тема другой — квантовая эволюция. Это я не очень понял, точнее — понял не очень, а еще точнее…

— Совсем не понял, — хмыкнул Беркович.

Сандлер помолчал. Ему очень не хотелось признаваться, что он не понял мысль, выраженную математическим языком, который он, как ему представлялось, знал в совершенстве.

— Знаешь шараду? — Беркович краем сознания, находившегося в перепутанном состоянии с самой Вселенной, понимал, что уводит разговор в сторону, но не мог остановиться. — Первый слог: лошадь. Второй слог: не совсем лошадь. А вместе: совсем не лошадь.

— Знаю, — отмахнулся Сандлер. — А ты-то откуда знаешь? Ты же коньяк не пьешь, только виски!

— Да-да, — заверил приятеля Беркович. — Вернись лучше к нашему барану.

— Он далеко не баран, — задумчиво проговорил Сандлер. — А его идея квантовой эволюции потрясающе красива. Но эту работу я не успел прочитать даже по диагонали. Готов поспорить на бутылку напитка, который «совсем не лошадь», что, если твой Вайншток прав, это будет самая красивая и самая странная физическая теория последнего времени.

— Суха, мой друг, теория везде… — пробормотал Беркович, залпом допив остатки виски и ощутив глубокую холическую связь собственного созна-

ния с мышцами ног. Он попытался подняться, но удалось ему это только с третьей попытки. Гостиная кружилась перед глазами, и он с легким недоумением подумал, что не сможет вернуться в управление по той простой причине, что не сядет за руль, а за руль не сядет по той простой причине, что в крови у него уровень алкоголя в десятки раз больше допустимого, а высокий уровень алкоголя велик по той простой причине, что он, не подумав о последствиях, согласился с предложением Рика, а согласился он с предложением Рика по той простой причине…

Цепочку рассуждений пришлось прервать, потому что опять вернулось осознание Истины. Истина заключалась в словах Сандлера — будто он назвал имя убийцы. Только что. Как непроизносимое имя Бога.

— Борис, — сказала голова Сандлера, почему-то отделенная от туловища, но сохранявшая с ним холическую связь, — скинь туфли и полежи. Извини, я не знал, что виски произведет на тебя такой сокрушительный эффект. Поспи, а я пока поработаю. Потом напою тебя черным кофе, и ты сможешь ехать по делам.

— Во сне, кстати, — продолжал Сандлер, — ты, возможно, поймешь то, чего не понял в моем

изложении. Я довольно часто…

Что делал Рик довольно часто, Беркович не расслышал. Но зато, засыпая, понял наконец, как разрешить загадку пяти запертых комнат. Правда, проснувшись два часа спустя, он так и не вспомнил мысль, пришедшую из космических глубин, поскольку ни из каких известных ему источников мысль эта возникнуть не могла. Как не складывается Истина из известных кирпичиков-фактов.

«Никогда больше», — думал Беркович, подъезжая в такси к зданию полицейского управления. Свою машину старший инспектор оставил у дома Сандлера, решив вернуться за ней после работы. Опять придется брать такси, а что делать? Может, заодно еще раз заглянуть к Рику? «Нет, — решил Беркович, — он опять предложит выпить виски, а я никогда больше… Обидится».

«Никогда больше, — думал старший инспектор, — в рот не возьму ничего крепче столового вина «Кармель». И Наташе не расскажу, как опростоволосился».

К вечеру, он надеялся, даже чуткое обоняние жены не обнаружит запаха алкоголя, когда он, вернувшись к ужину, поцелует ее в губы и в очередной раз поймет, какое счастье быть же-

натым на лучшей женщине в мире. Вот, кстати, утверждение, подтверждающее холичность, иначе говоря, единство всего сущего. Редукционист не сказал бы: «Эта женщина — лучшая во Вселенной». Вселенная для него — мозаика из огромного количества элементов, и только в одном из них под названием «семья Берковичей», превосходство Наташи было для редукциониста неоспоримым.

«О чем я думаю?» — спросил себя старший инспектор, отгоняя досужие мысли. Поднявшись в кабинет, он обнаружил в почте сообщение от Хана — файл с результатами экспертизы, которые они успели обсудить утром. А в мобильном Беркович обнаружил пять непринятых звонков. «Нужно было посмотреть раньше, — подумал он, — совсем сегодня с головой плохо. Виски — зло. Виски — очень большое зло».

Но виски помогло ему познать Истину. Если бы он еще помнил, в чем эта Истина состоит…

Пять звонков. Один от Наташи («Перезвоню ей позже»), два от Хана («Наверно, хочет напомнить, что отчет отправлен, и спросить, получил ли я файл»), один от Кашениля («Видимо, хотел посоветоваться о том, проводить ли допросы по списку или на сегодня хватит»), и один звонок

с номера, который показался Берковичу знакомым.

С него он и начал.

— Вы мне звонили? — спросил он не очень вежливо и подумал, что эту фразу или очень похожую слышал когда-то или читал. В голове гудело и не вспоминалось, а Вайншток понял, видимо, что старший инспектор то ли не в духе, то ли по каким-то причинам не хочет или не может разговаривать. Помолчав, он сказал:

— Прошу прощения, если я не вовремя, перезвоню позже.

Будто это он звонил, а не Беркович.

— Нет-нет, — в голове Берковича мгновенно прояснилось, он умел собраться в нужный момент, и сейчас голос Вайнштока выморозил все следы алкоголя. — У меня к вам пара вопросов, а вам, видимо, есть что сказать, раз вы мне звонили, верно?

— В общем, да, — сказал Вайншток неуверенно. Не нравился ему голос старшего инспектора. — Я вот что хотел… Про даты. Два числа остались неизвестны, верно? Записывайте.

— Что? — ощущения у Берковича были обострены, но с пониманием пока оставались проблемы.

— Записывайте, — раздраженно повторил Вайншток. — Даты появления моделей, я имею в виду.

Беркович придвинул к себе блокнот и взял ручку.

— Горка песка — второе ноября. Модель номер раз — четвертое февраля, модель номер три — одиннадцатое мая, модель номер четыре — четвертое июня. Дату появления пятой модели вы и без меня знаете. Это все..

— Почему вы так странно нумеруете? — спросил Беркович. — И откуда вам известны числа? Когда я спрашивал Лею…

— Вы спрашивали, а я спрашивал и думал.

— Кажется, — сказал Беркович, — нам необходимо встретиться.

Вайншток промолчал.

— Можете приехать завтра с утра в управление?

Вайншток вздохнул.

— Хорошо. Давайте в кафе. В девять утра… Нет, лучше в девять тридцать.

— Вообще-то завтра в университете семинар. В одиннадцать. Успею, пожалуй.

«Странный разговор, — подумал Беркович, отключив связь. — Зачем он звонил? Только для

того, чтобы назвать даты? Определенно хотел сказать что-то еще, но передумал».

Беркович вырвал из блокнота чистый лист и, вспоминая школьный курс геометрии, нарисовал оси координат. На горизонтальной обозначил числа — от единицы до пятерки. На вертикальной черточками отметил начало месяцев: ноябрь, декабрь, январь, февраль, март… Теперь точки. Единица — второе ноября, горка песка. Напротив двойки — четвертое февраля, день явления куклы по имени Марина. Напротив тройки…

Интересно. Девяносто шесть дней между горкой песка и явлением Марины. И столько же — девяносто шесть! — между Мариной и Кимом. Потом двадцать четыре дня до явления уродца без имени. В четыре раза меньший срок. Следующий интервал — двенадцать дней до Фредди Крюгера и гибели Альтермана. Вдвое меньше. Очень интересно. Как это называется в математике? Числовая последовательность? Тогда…

Почему между горкой песка и Мариной, а потом между Мариной и Кимом, прошло одинаковое количество дней, а потом сразу — в четыре раза меньше? И после этого — еще вдвое? Если это последовательность, то какая? Если промежутки времени уменьшаются, то после Фредди Крюгера

— дня через три-четыре — должна была появиться следующая кукла… но не появилась.

Ну и что?

Беркович вспомнил чудесное состояние инсайта, посетившее его после третьей порции виски. Состояние он вспомнил, а Истину, которую тогда познал, — нет. И не мог вспомнить, Беркович это понимал. И не нужно вспоминать. Даже пытаться не нужно. Она сама, если…

Ждать до завтра? Весь вечер мучиться вопросом — что означает эта кривая? Какое она имеет отношение к гибели Альтермана? Беркович подумал, что не сможет сидеть перед телевизором, играть с сыном в догонялки или беседовать с Наташей о том, почему Ирена ушла от Костика, когда у них все так хорошо складывалось.

Посоветоваться с Ханом?

В лаборатории телефон не отвечал, и Беркович позвонил на мобильный. Автоответчик сообщил, что главный эксперт-криминалист Рон Хан в данный момент недоступен, перезвоните, пожалуйста, позже. Рон отключал телефон, когда выезжал на объект, — и в такие минуты он действительно был недоступен, нечего и пытаться.

Беркович нетерпеливо выбрал из памяти еще один знакомый номер.

Ответил, однако, женский голос, и Беркович не сразу сообразил, что это Мария.

— Добрый вечер, — сказал он. — рад вас слышать. Правда, я хотел поговорить с Григорием.

— Он в ванной, — сообщила Мария. — Сегодня так жарко… Ой, так хорошо, что вы позвонили! Я сама хотела…

— Что-то случилось? — насторожился Беркович.

— Закончилась шива, — сообщила Мария. — Рина в депрессии, Лею тоже нужно вытащить из квартиры хотя бы на время. Они как на кладбище, вы же понимаете, все напоминает Натана и тот день, завтра прилетает из России Раиса Наумовна, мать Рины, она не могла раньше, и я хотела бы купить им экскурсию, Раиса Наумовна впервые в Израиле, хорошо бы им съездить в Иерусалим или на Мертвое море, но я не знаю, можно ли Рине уезжать из Тель-Авива.

— Почему нет? — удивился Беркович.

— Не знаю. Пока никого не арестовали… Думаете, это для них безопасно?

Неужели Мария считает, что неизвестный убийца намерен уничтожить всю семью Альтерманов?

— Конечно, безопасно, — сказал он. — Пусть

развеются. Только держите меня в курсе, хорошо?

Вместо Марии ответил мужской голос.

— Еще раз здравствуйте, старший инспектор, — сказал Вайншток. — Вы построили график, верно? И, надеюсь, поняли…

— Ничего я не понял, — буркнул Беркович. — Давайте встретимся сегодня. И не в кафе, там хороший кофе, но слишком шумно. Что, если я приеду к вам?

— Замечательно! — обрадовался Вайншток. — Маша приготовит поесть, и мы сможем поговорить.

— Ваша жена…

— Не помешает, — Вайншток понимал Берковича с полуслова.

— Буду через полчаса. — Беркович посмотрел на часы. Придется звонить Наташе и предупреждать, что задержится. Обычное дело.

* * *

Назвав водителю такси адрес, Беркович стал думать о том, что могут означать пять точек на графике. График не мог быть искомой Истиной хотя бы потому, что Истина (с заглавной буквы!) интуитивно понятна, но невыразима

словами, числами и точками. Даже мысленно ее нельзя представить, она подобна не далекому маяку, посылающему узкий направленный луч и направляющему корабль в тихую гавань. Нет, Истина подобна яркому свету дневного неба, она так же ясна и так же безмерна.

«О чем я? — подумал Беркович. — Нет, никогда больше… А Рику я еще скажу пару теплых слов. При чем здесь Рик? Он человек свободный, от виски мозги его прочищаются, так он работает, и какие к нему могут быть претензии? А я не имел права. Но если бы я отказался с ним выпить, он не стал бы излагать смысл работ Вайнштока, и я не понял бы… А я понял?»

Вечная дилемма — что допустимо, а что недопустимо в жизни. Всегда ли нужно выполнять предписания, составленные не на любой случай, а имеющие, как всякий закон (не только человеческий, но и закон природы), свою область и время применения?

Встретила Берковича Мария, и ему показалось, что посмотрела она на него с укором.

— Я приготовлю кофе, — сказала она, проведя старшего инспектора к двери в одну из комнат, где, по-видимому, был кабинет мужа. — Вам крепкий и без сахара.

Это был не вопрос, а утверждение, и Беркович смутился, вообразив, что от него, видимо, все еще пахнет спиртным, Мария уловила запах и поняла: без крепкого кофе старшему инспектору не обойтись. Что она о нем думает?

— Да, спасибо, — пробормотал Беркович и вошел в комнату, оказавшуюся не кабинетом, а спальней. Вайншток сидел на широкой супружеской кровати, смяв покрывало и разложив вокруг раскрытые журналы с английскими, как заметил Беркович, текстами и несколько исписанных и изрисованных графиками листов бумаги. Сесть можно было или на постель, или на низкий табурет.

— Минуту, старший инспектор, — пробормотал Вайншток, перебирая бумаги. — Вы сядьте, я сейчас найду одну свою работу, точнее не работу, а резюме доклада, в свое время я показывал Натану, и теперь хочу…

Голос его постепенно затихал, пока не стал слышен вовсе. Беркович опустился на табурет, почувствовав, что слишком тяжел для этого предмета мебели, рассчитанного на ребенка, а не на взрослого. Детей у Вайнштоков не было. Для чего они (Мария, скорее всего) поставили непрочный табурет в своей спальне?

— Вот, — с удовлетворением произнес Вайншток, сложил найденный листок вчетверо и небрежно сунул в карман рубашки. Сгреб журналы и остальные листы в кучу и поднялся.

— Маша, — сказал он, — все положит на место. Дома я отвечаю за увеличение энтропии, а Маша — за уменьшение. И потому нам удается поддерживать величину энтропии на вполне приемлемом для замкнутых систем уровне. Во всяком случае, тепловая смерть, я имею в виду развод, нам не грозит.

Беркович не без труда поднялся на ноги, подумав, что не имело смысла садиться. Разве что для совершения физических упражнений — скорее всего, тоже для поддержания уровня энтропии в системе. Что такое энтропия, Беркович знал и, наверно, немало удивил бы Вайнштока, если бы сейчас отбарабанил определение, которое почему-то запомнил, когда зимой смотрел по каналу «Дискавери» передачу о законах термодинамики.

— Пойдемте в кухню. — Вайншток открыл перед Берковичем дверь и пропустил его вперед. Старший инспектор сделал шаг в коридор и только тогда подумал, что Григорий не случайно принял его в спальне, а не в кабинете или

гостиной. Мария не случайно оставила его на время с мужем. Перед приездом Берковича они о чем-то сговорились и теперь поступали с ним, как считали нужным, а он, зная Истину, ничего не понимал в происходившем.

Если бы еще знать, что такое Истина…

Кофе оказался замечательный — крепкий, горький, вкусный, лучше не бывает. Мысли об Истине воспарили из сознания в высшие сферы, где им и было предназначено место. Попросив, получив и осушив вторую чашку (Григорий — заметил Беркович — ограничился маленькой чашечкой, куда вбухал две ложки сахара), старший инспектор почувствовал себя наконец в нужной форме и подумал, что рецепт приготовления этого бодрящего и прочищающего мозги напитка нужно будет непременно узнать у Марии и сообщить Наташе. На всякий случай.

— Рик, — ровным голосом сообщил Вайншток, будто отвечая на незаданный вопрос, — позвонил мне сразу после того, как посадил вас в такси.

— Вы знакомы? — удивился Беркович.

— Встречались несколько раз на ежегодных конференциях Израильского физического общества. Сандлер посчитал своим долгом сообщить мне о том, что полиция почему-то заинтере-

совалась никому не нужными физическими теориями. К чему, мол, это?

— Вот негодник… — пробормотал Беркович.

— Он не давал вам обет молчания. Ему самому стало интересно — сопоставить, что к чему.

— И вы сказали?

— Я сказал, что сначала поговорю с вами.

— Говорите, — кивнул Беркович.

— Должна была быть еще одна кукла. Между… как Лея их назвала… между Мариной и Кимом.

— Шестая запертая комната?

Вайншток внимательно посмотрел на Берковича.

— Да, — сказал он.

— Где же недостающая кукла? — спросил Беркович.

— Да бог знает, — с досадой произнес Вайншток. — Будь у меня ваши возможности…

Беркович молча ждал продолжения. Не дождавшись вопроса, который, по мнению Вайнштока, должен был задать старший инспектор, физик сказал:

— Пятого апреля. Если я правильно интерпретировал график. Знай я заранее, то спросил бы… Пришлось самому вспоминать — что у них происходило в те дни. И вот о чем вспомнил. В начале

апреля у Леи сломалось кресло, стоявшее перед компьютером в ее комнате. Перестало поворачиваться. Если бы кресло было новым, Натан, может, занялся бы починкой, но креслу было почти столько лет, сколько Лее, кожа порвалась в нескольких местах, Рина давно говорила, что надо купить дочке новое кресло, но денег не было, а Лея к креслу привыкла, залезала с ногами… В общем, они выбросили кресло и в тот же день купили новое. Оно сейчас и стоит.

— Вы полагаете… — догадался Беркович.

— Сейчас не проверишь, — пожал плечами Вайншток. — Модель могла возникнуть внутри кресла, это статистический процесс, подчиняется принципу неопределенности, так что… Извините, я непонятно выражаюсь?

— Непонятно, — буркнул Беркович. — Вы знаете, откуда брались куклы? Кто все это делал?

— Вас интересует — кто?

— Тот, кто устраивал эти представления, убил человека, — напомнил Беркович.

Вайншток поднял на Берковича усталый, ничего не выражавший взгляд, долго смотрел, шевелил губами. Наконец повторил:

— Убил человека… Наверно, можно и так считать.

— Кто? — повторил Беркович. — Вы это знаете. Или считаете, что вам это известно.

— Если бы я нашел вторую модель… Послушайте, у полиции большие возможности. В тот день Рина с Натаном снесли старое кресло вниз и оставили у мусорного ящика. На следующее утро, Натан это говорил, кресла около ящика не было. Кто-то из жильцов дома его забрал. Полиция могла бы осмотреть квартиры. Уверен — нашли бы.

— Могу представить, — усмехнулся Беркович, — как я прошу судебное решение осмотреть… сколько в доме квартир? Двадцать четыре? Да, осмотреть двадцать четыре квартиры с целью обнаружения старого кожаного кресла, внутри которого каким-то образом оказалась каменная кукла.

— Я понимаю… Можно иначе. Не осматривать. Просто спрашивать: кто взял старое кресло? Правда, могут и не сказать. Или не отдать — ведь кресло придется сломать, модель внутри.

— Вы не ответили на вопрос: кто это сделал? Вы знаете. Или считаете, что знаете.

— Не тот вопрос… — пробормотал Вайншток. — Кто — не тот вопрос. Вопрос: как?

— Как? — спросил Беркович.

— Но сначала надо спросить: почему?

— Послушайте, — Беркович понимал, что должен говорить спокойно, не раздражаться, не показывать нетерпения, иначе Вайншток замкнется, он и так обдумывает каждое слово, чтобы, не дай Бог, не сказать лишнего.

— Послушайте, — повторил Беркович, — если я спрошу «почему?», вы, наконец, ответите или придумаете еще один вопрос, например, где?

— Знаете, — печально проговорил Вайншток, — чего я больше всего не люблю в детективных романах? В том числе классических. Даже у Кристи или Карра. Финальную сцену: сыщик и подозреваемые.

Беркович тоже не любил, когда перед финалом действие останавливалось, Пуаро или доктор Фелл становились в позу и начинали долго и подробно излагать ход своих мыслей.

— Я всегда пропускал лекции, — сказал Вайншток. — В институте пропускал, потому что заранее читал учебник и решал задачи, мне было скучно слушать уже понятное, и меня пару раз чуть не исключили за пропуски.

— Я готов послушать лекцию. — Беркович уселся удобнее, положил ногу на ногу, показывая, что намерен просидеть долго, может, даже до утра, если хозяева его не прогонят. А если прогонят

— он уйдет, у него нет полномочий проводить в этой квартире больше времени, чем того требуют приличия.

Вайншток потянулся к сушилке, снял две чистые чашки, а грязные — со стола — поставил в раковину. Ему пришлось встать, чтобы принести закипевший чайник. Не спрашивая, налил Берковичу кофе — крепкий, ароматный, — пододвинул сахарницу, блюдце с дольками лимона, подумал, спросил:

— Что-нибудь перекусить? Маша нам быстро что-нибудь…

— Потом, — отказался Беркович. — Сначала лекция. Сеанс магии с последующим разоблачением.

— Разоблачением?

— Убийцы, — пояснил Беркович.

— Вообще-то, — вяло проговорил Вайншток, — в хорошем детективе сыщик делает выводы сам, а не…

Он замолчал и долго смотрел Берковичу в глаза. Не мигал. Думал. Что-то для себя решал? Беркович ждал. Вайншток опустил наконец взгляд и сказал:

— Это я убил Натана.

— Вас, — напомнил Беркович, — в тот день не

было в стране.

— Конечно, — горько проговорил Вайншток, — создал себе алиби.

Беркович молчал.

— Черт возьми! — вскричал Вайншток и ударил кулаком по столу с такой силой, что подпрыгнуло блюдце. Стоявшая на нем чашечка опрокинулась, кофе разлился, темная лужица была похожа на ущербную злобную луну с одним глазом и кривым ртом. — Я не мог знать, что так получится! Я понятия не имел, какой окажется следующая модель! Мне и в голову не могло прийти, что… Да, я подозревал, что в тот день… Но не мог знать точно — меня смущало плато между первым и вторым явлениями. Думаете, я мечтал создать себе алиби? Какого черта! Дата конференции была объявлена в октябре, я послал тезисы доклада, мне отвели время! В тот день у меня был разговор с Лисовским — это физик из российского ИТЭФа — о принципах квантовой запутанности. Вселенная — самая сложная из известных нам квантовых систем, и возможности запутывания в ней почти бесконечно велики, особенно если учесть… простите, старший инспектор… Вечером позвонила Маша и сказала… Кажется, со мной случился обморок. Слава богу, никто не видел

— я был у себя в номере, переодевался перед вечерним заседанием. Сразу сказал себе: это из-за меня. Я — убийца.

Все-таки он играл. В партере сидел только один зритель, правда, очень внимательный, и для него Вайнштока разыгрывал если не представление, то сцену из детективного романа, где убийца посыпает голову пеплом и смотрит в глаза сыщику преданным взглядом.

— Гриша, — мягко произнес Беркович, положив ладонь на холодную руку Вайнштока, напрягшуюся под его пальцами, — я хочу, наконец, послушать лекцию. Вы утверждаете, что Натан погиб по вашей вине. Я хочу понять, насколько эта вина велика. Как квалифицировать смерть Альтермана. Несчастный случай? Попытка покушения? Если второе, нужен мотив. Если первое — нужно объяснение. Я не физик, а из того, что мне рассказал Рик, далеко не все понял. Давайте с самого начала, хорошо? И, если позволите, я включу диктофон.

Он положил телефон на середину стола.

— Хотите, я начну, если вам трудно? Примерно так. В этой истории есть два взаимовлияющих фактора: квантовая физика и человеческая психология. И неизвестно, что важнее.

— Известно, — тихо произнес Вайншток и убрал руку из-под ладони Берковича. — Оба важнее. Помните… Или нет, наверно, не помните — был у философов-марксистов важнейший вопрос — что первично: материя или дух. Физика или психология. На самом деле нет вопроса — дух и материя равноправны. И будь иначе, Натан был бы сейчас жив…

* * *

— Он очень любил Лею. Позволял дочке быть собой, если вы понимаете, что я хочу сказать. Рина время от времени пыталась насадить в семье дисциплину, ей было трудно с дочерью, которая уже лет в пять сама решала, что ей надеть в детский сад и ходить ли босиком по холодному полу. Она — в отличие от большинства детей — не терпела повторений. Девочки собирали коллекцию Барби, и у Леи была Барби — одна-единственная. Кукол было много, все разные. Зимой она сама сложила их в коробку и выставила на балкон. Вы видели, я знаю, Маша рассказывала. Хочу сказать, что у Леи с Натаном были особые отношения. Он потакал ее капризам, но держал в строгости.

Извините, старший инспектор, что перескакиваю с пятого на десятое. Хочу, чтобы рассказ был

последовательным, как ряд натуральных чисел, но нервы… не получается. Вы потом склеите запись, переставите эпизоды, выстроите логическую последовательность.

Когда Натан потерял работу, Рине пришлось вкалывать сразу на двух: кассиршей в супермаркете, и еще социальная служба подкидывала подработку — помогать старикам, ну, знаете, в магазин пойти за продуктами, приготовить что-ни-будь, квартиру прибрать… Натан пытался устроиться, но… Вроде бы не такой уж большой возраст — сорок девять ему в этом году, но в хайтеке и молодым трудно устроиться, а под пятьдесят… Впал в депрессию, Рина паниковала, Лея стала неуправляемой, грубила, переходный возраст… Надо было что-то предпринимать, невозможно жить на антидепрессантах, а Натан глотал их пачками, и ему становилось только хуже. Перестал по утрам вставать с постели: зачем, мол, если все равно делать нечего? Его даже охранником не брали из-за сильной близорукости, не могли доверить оружие. Не взяли даже дворником, он пытался устроиться… Точнее, взяли, но после первого рабочего дня выгнали — он не смог… Привык к одному стилю жизни, а тут… Дело не в том, что ему было стыдно махать

метлой, хотя и это тоже, наверно. Он подметал, а думал о другом. И половина мусора оставалась на дороге. В общем, дворника из него тоже не получилось.

Иногда, правда, Натану удавалось подработать по-черному: репетиторством. Но педагог из него был никудышный: не хватало терпения объяснять по три, пять, десять раз — начинал нервничать, кричать… Этот источник заработка тоже иссяк, в конце концов.

Я подхожу к сути, старший инспектор. Пожалуйста, не торопите, я сам собьюсь. Я тогда работал в Технионе над проблемой квантового запутывания, очень современная тема, ею немногие занимались, во всем мире человек пятьдесят, и всех я знал, со всеми переписывался. На эффекте запутывания волновых функций построена идея квантовых компьютеров, а это уже не только физическая, но техническая задача — квантовые компьютеры отличаются от нынешних, как человек от обезьяны. Даже сильнее, совершенно другое качество. Ну, скажем, как человек отличается от таракана…

Когда мы встречались с Альтерманами… Женщины, понятно, беседовали о своем, а мы с Натаном, в основном, о физике. Собственные

интересы у него отошли на второй план — он жил тем, что было важно жене и дочке. С Леей у него были особые отношения, у отцов с дочерьми часто бывает… Извините, я повторяюсь. Вот незадача! Ум у меня рациональный, человек я не очень чувствующий. Но дело, видите ли, в том, что физика тут неотделима от психологии, и вы ничего не поймете, если я вам расскажу сначала историю физического эксперимента, а потом историю отношения отца и дочери. Или наоборот. Все переплетено. Именно так: запутано, как квантовые функции, вы правильно поняли, старший инспектор.

В сентябре я делал доклад на конференции… На другой, конечно. О первых мгновениях жизни Вселенной. Доклад был, в общем, традиционный — в рамках общепринятой инфляционной модели я пытался определить характеристики волновой функции Вселенной в момент Большого взрыва. Неимоверно сложная проблема, я сумел сформулировать только общие соображения, но и они были раскритикованы. Однако я не о том — помню, как стоял у доски, а студент из Китая… Эти китайские студенты умеют спорить, для них нет авторитетов, и упираются они до конца, даже если не правы… Да, так он разби-

рал мои, как он утверждал, ошибки и произнес фразу, которая меня зацепила. «Физические теории, — сказал он, — эволюционируют точно так же, как живые существа. Сильная теория выживает, слабая погибает, лучшие признаки хорошей, правильной теории закрепляются и передаются по наследству следующей теории, и внутри всего этого находятся гены физических теорий — аксиоматические предположения и уже закрепленные ранее видовые признаки». А я в тот момент думал о квантовом запутывании в первые мгновения после Большого взрыва. Так все и соединилось у меня в мыслях. Я думал об этом, когда возвращался домой. И когда на следующий день мы с Машей приехали к Альтерманам. Женщины ушли готовить салаты, а мы с Натаном — и Лея с нами — сидели в гостиной, и я рассказывал о конференции.

В те дни Лее исполнилось одиннадцать, и у нее начался сложный период в жизни. Не очень представляю, что происходит с девочками в этом возрасте. Честно говоря, не очень представляю, что происходит с мальчиками тоже. Со мной, к примеру, ничего не происходило, я, во всяком случае, не помню — жил себе и жил, книги читал, в футбол играл. А Лея бунтовала. Матери грубила,

по дому не помогала, хотя раньше охотно мыла с Риной посуду, в магазин бегала. Кукол собрала в коробку и выбросила. Да, куклы сыграли в этой истории главную роль. Точнее, одна кукла, которой у Леи никогда не было. Не купили. Любимый папа не купил, когда ей было лет пять. Странная психология у детей и странная память. А может, странным является наше взрослое понимание детского восприятия мира? Когда все исчезает из реального пространства-времени, остается только один предмет во Вселенной, и ничего больше не нужно. А тебе говорят: нет, милая, эту куклу мы не купим, а купим ту. Почему? Почему не эту? Другая — из другой вселенной, в моем мире ее не существует. Не понимаю, что значит — та кукла на пятьдесят шекелей дешевле, а денег у нас сейчас нет? В моей Вселенной живет эта кукла, а другая не живет, что тут непонятного, и при чем тут пятьдесят шекелей, которые можно взять в любом банкомате, и даже не пятьдесят, а сто и двести. Лея видела, как папа брал и даже разрешал ей нажимать на кнопки.

Что-то в таком роде, наверно. Куклу Лее в тот день купили — не ту, что она хотела, а другую. Первая была слишком дорогой, нельзя ребенка поощрять, она начнет выбирать все более доро-

гие вещи, потом никаких денег не напасешься.

Это Натан так сказал. Не Лее, а мне. В тот день, когда мы сидели в гостиной, я рассказывал о квантовой эволюции, а Лея вдруг вспомнила о кукле, которую не купил любимый папа. Натан забыл давнюю историю, а Лея, оказывается, помнила. И сказала Натану — при мне, что его больше всего обидело. Мол, вы, взрослые, живете с детьми в параллельных мирах. На первый взгляд все одно и то же, а на самом деле почти ничего общего, потому что важно не то, что происходит снаружи, а то, что скрыто внутри. Разве дело было в кукле? Нет, в твоем и мамином отношении — в том, что вы не доверили дочери такую важную вещь, как выбор.

Говорила Лея не так, как я сейчас пересказываю. По-детски. Но смысл мы поняли. Однозначно.

Натан хотел ответить, но Лея ушла к себе, и мы остались вдвоем. Я пытался перевести разговор на другую тему, вернуться к рассказу о конференции, а Натан уже не мог, он был не то чтобы шокирован неожиданным демаршем Леи, что-то и у него сидело в подсознании, связанное с куклой, которую он не купил дочери шесть лет назад.

«Гриша, — сказал он, — дело было, конечно, не

в деньгах, пятьдесят шекелей для нас с Риной не были тогда критической суммой. Сейчас вспоминаю… я посмотрел на куклу… красивая, сильно отличалась от Барби, пухленькая, лицо доброе… У многих кукол злые лица, не знаю, почему их такими делают. Или мне только кажется, что злые, а дети смотрят по-своему? На ярлыке у куклы было написано имя: Полина. Доброе лицо, но злые глаза. Она смотрела на меня и говорила: «Не покупай, из-за меня у твоей дочери будут неприятности, ты этого хочешь?» В тот момент сошлись, видимо, две психологические модели поведения, два упрямства. Полина требовала, чтобы я ее не покупал, а Лея… Я купил другую куклу, и Лея даже не захотела взять ее в руки. Кто тогда победил? Система воспитания? Я? Или кукла с ее взглядом? Шесть лет прошло, а вот надо же… Оказывается, Лея помнит».

И мы перевели разговор на физику, Натан попросил объяснить, что такое запутывание волновых функций.

* * *

— И что же такое — запутывание волновых функций? — спросил Беркович, потому что Вайншток замолчал и прислушался: из коридора

доносились странные звуки: что-то громко шуршало и каждые пять-шесть секунд постукивало, будто одной деревяшкой колотили о другую.

— Маша за уборку принялась, — объяснил Вайншток. — Так она выражает свое недовольство. Мной, страной, миром, Вселенной…

— Вселенной? — поднял брови Беркович.

— Женщины, — усмехнулся Вайншток, — обычно недовольны именно Вселенной. Хорошо бы уметь летать. Хорошо бы читать мысли у этих двух, что сидят в кухне. Хорошо бы научить швабру мыть пол, а курица чтобы сама себя запекала. Что этому мешает? Только законы мироздания.

— Так что же такое запутывание волновых функций? — вернул Беркович разговор с прежнее русло.

— Вам это действительно интересно? — удивился Вайншток. — Я думал, вас больше интересуют мотив и способ.

— Не тяните время, Григорий, — устало произнес Беркович, давая понять, что откроет рот не раньше, чем узнает всю правду о волновых функциях, не имевших к делу о запертых комнатах ни малейшего отношения.

— Ну… — протянул Вайншток, проведя ладонью по лбу. — Запутывание, да… Послушайте,

старший инспектор, я не знаю, в каком объеме… В полицейских академиях не учат квантовую физику и физику вообще?

— Вам интересно, каков базовый уровень моих знаний? — спросил Беркович, усмехнувшись. — В школе у меня по физике была тройка, но школу я окончил в России в начале девяностых. Что такое тамошняя тройка в нашем израильском пересчете? Скажем, семьдесят баллов. Мало? Но я много читал. Было время — когда еще не определился с будущим и работал то на стройке, то охранником в супермаркете, — я читал взахлеб все, что попадалось под руку, в том числе научно-популярные книжки. И по физике, квантовой, в частности — Хокинг, Пенроуз, японец со странной фамилией Каку. О перепутывании, как вы говорите, волновых функций в тех книгах ничего не было, но о самих функциях — довольно много. Я знаю, что любая элементарная частица описывается какой-то функцией, а состояние частицы — уравнением. Уравнение Шредингера, да? Если две частицы взаимодействуют, то у них общая функция, верно?

— Память у вас неплохая, — пробормотал Вайншток, прислушиваясь. Шум в коридоре стих, но стало слышно шебуршание, будто кто-то водил

тряпкой по кухонной двери. Может, Мария стояла с той стороны, делала вид, что занимается уборкой, а сама пыталась услышать, о чем говорят мужчины? Беркович сложил руки на груди, и Вайншток продолжил:

— Несколько элементарных частиц в результате взаимодействия могут образовать квантовую систему. У такой системы своя волновая функция, и ее можно рассматривать как уникальный квантовый объект. Волновые функции частиц, которые эту систему составляют, перепутываются друг с другом — они же входят в единое уравнение, понимаете? В системе состояние каждой частицы зависит от состояния всех остальных. Самый простой пример — два электрона. В результате взаимодействия они составили единую систему, так? И у этой системы спин… вы знаете, что такое спин?

— Что-то связанное с вращением? Частица вращается, как волчок, и направление оси определенное…

Вайншток поморщился, будто проглотил кислую дольку лимона.

— Примерно. В общем, если у системы двух электронов спин равен нулю, а у одного из электронов спин равен половинке, то у другого

электрона спин должен быть…

Вайншток сделал паузу.

— Минус половинке, — сказал Беркович. — Чтобы вместе был нуль. Да?

— Конечно. И если умелый экспериментатор сумеет закрутить один из электронов так, чтобы спин его стал равен минус половинке, то немедленно изменится спин другого электрона, ведь общий спин должен быть равен нулю! Это понятно?

— Понятно, — буркнул Беркович.

— Вот! — произнес Вайншток с удовлетворением. — Это и есть квантовое запутывание. Если меняется состояние одной из частиц, немедленно меняются состояния всех остальных. По тому, как изменится поведение первого электрона, я могу судить о поведении второго, не проводя над ним никаких измерений. Понятно?

— Понятно, — Беркович прислушался. В гостиной зазвонил телефон, и стали слышны быстрые шаги — Мария отошла наконец от двери.

— Когда две частицы находятся близко друг от друга, то все понятно, — назидательно сказал Вайншток. — А если второй электрон отодвинуть от первого на расстояние метра? Километра? Отправить в другую галактику?

— Ну… Если два электрона составляли систему, то они системой и останутся, куда бы вы второй электрон не отодвинули. Я правильно рассуждаю?

— Правильно. Если вы измените спин одного электрона, то немедленно изменится на противоположный спин второго, который в это время может быть в туманности Андромеды! Представляете?

— Это называется эффект Эйнштейна-Подольского-Розена, — заявил Беркович, приведя Вайнштока в состояние изумления. — Или сокращенно ЭПР-парадокс.

— Откуда вы…

— Ну, Григорий… — Беркович не стал разыгрывать из себя всезнайку, но о разговоре с Сандлером умолчал. — Об этом рассказывал и по телевизору. В программе новостей! В самом конце, правда. Наука всегда в конце, перед спортом, поэтому я обычно досматриваю новости до конца, а жена только до уголовной хроники. Показывали каких-то китайцев, которые связали вместе фотоны на расстоянии, кажется, сотни метров.

— Шестнадцати километров, — поправил Вайншток, — и не какие-то китайцы, а группа из Китайского научно-технического университета

и университета Цинхуа. Эксперимент потом повторили в нескольких лабораториях, полностью подтвердив результат.

— Какое отношение запутывание волновых функций имеет к смерти Альтермана? Меня это интересует, а не квантовая физика!

— Я о том и говорю… Чтобы продолжить, нужно вернуться к моменту, когда произошел Большой взрыв и Вселенная представляла собой материальную горошину размером… я не могу назвать число… много меньше атома, много меньше любой элементарной частицы, много меньше вообще всего, что можно вообразить.

— Неужели смерть Альтермана была предопределена в момент Большого взрыва? — усмехнулся Беркович. — Не слишком ли…

— Послушайте! — воскликнул Вайншток. — Не иронизируйте, пожалуйста! Я хочу представить дело так, чтобы вы сами увидели связь.

— Давайте отделим мухи от котлет, — примирительно сказал Беркович. — Отношения Леи с Натаном — это одно. Рождение Вселенной в Большом взрыве…

— Не получится, — покачал головой Вайншток. — Квантовое запутывание касается и мух в котлетах. Отделить невозможно.

— Простите, — Беркович остановил запись на диктофоне и спрятал телефон в карман. — Запомните, на чем мы остановились, и продолжим разговор завтра, хорошо? Это не к спеху — Вселенная возникла четырнадцать миллиардов лет назад, один день ничего в ее судьбе не изменит.

— Как скажете, — Вайншток не сдвинулся с места. Он даже не поднялся, чтобы проводить старшего инспектора к двери. Только протянул над столом руку, которую Беркович не заметил.

В коридоре никого не было. В гостиной тоже… то есть Беркович сначала не заметил и, только услышав тихий вздох, увидел Марию, сидевшую на низком табурете в углу между диваном и большим фикусом в горшке около окна. У ног Марии притулился пылесос, провод змеей тащился по полу к выключателю. Женщина сложила ладони между колен, глаза ее, похоже, были закрыты, или Берковичу так только показалось? Она услышала шаги и подняла голову. Глаза у Марии были заплаканными.

— Извините, — сказал Беркович, — я ухожу.

— Совсем? — быстро произнесла она.

Совсем? Нет, конечно.

— Да, — сказал Беркович. — Надеюсь, мне больше не придется тревожить ни вас, ни вашего

мужа.

Мария, как и Григорий, не сделала попытки подняться.

— Всего вам хорошего, — искренне пожелал Беркович и вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Показалось ему, или в гостиной что-то со звоном упало на пол и разбилось?

* * *

— Задача такая, — сказал Беркович Кашениллю, — пятого апреля… да, почти три месяца назад… Альтерманы выбросили на мусорку старое компьютерное кресло. Кожаное кресло с гнутыми пластиковыми ручками, они есть в любом каталоге по цене шекелей двести. Кожа протерлась… в общем, выбросили. И кто-то это кресло взял себе. Во всяком случае, через несколько часов кресла около мусорки не было…

— Несколько часов… — повторил Кашениль. Он знал, что со старшим инспектором можно поспорить, а свое мнение высказать — непременно и не наказуемо. — Месяц назад я купил новую стиральную машину, а старую — на мусорку. Так ее там не было уже через четверть часа, представляете?

— Представляю, — сухо сказал Беркович, и

Кашениль, поняв, что перегнул палку, быстро продолжил: — Кресло нужно найти? Если его так быстро забрали, то почти сто процентов кто-то из соседей. Насколько помню, там три четырехэтажных дома вокруг. Пройти по квартирам? А если кресло найдется, попросить одолжить его на время? Суток хватит?

Чем был хорош Кашениль — задание понимал с полуслова. Не всегда — далеко не всегда! — представлял смысл того, что предстояло сделать, но последовательность действий интуитивно просчитывал и редко ошибался.

— Хватит, надеюсь, — улыбнулся Беркович. — Возьмите с собой Гиршона и Хавари, я их предупрежу.

— Начать немедленно?

Кашениль намекал на то, что наступил вечер, за ночь кресло, если оно вообще у кого-то в квартире, никуда не денется, а для того чтобы беспокоить добропорядочных тельавивцев, нужны серьезные основания. Более серьезные, чем желание следователя, пусть даже в должности старшего инспектора.

— Немедленно, — сказал Беркович. Можно было и утром, но Берковичу оставалось вложить в мозаику только одно звено, и тогда он сам расска-

жет уверенному в себе Вайнштоку, как все было на самом деле. Психология и физика. Психологию Беркович понял. Физику он не поймет никогда, но есть вещи, связанные с физикой косвенно, главные вещи, на самом деле, и не нужно знать секреты запутанных квантовых систем, чтобы до главных вещей докопаться.

Домой Беркович вернулся в девятом часу, застав жену и сына в гостиной, где они смотрели по одному из российских каналов недетский фильм «Дальше — тишина». Арик сидел на коленях у Наташи и не отрывал взгляд от экрана. Наташа улыбнулась, сын скорчил рожицу, не видно было, чтобы они очень скучали по папочке. Беркович так и сказал, но не был услышан за громкими голосами двух великих актеров, давно ушедших из жизни.

Он прошел на кухню, сделал себе салат из помидоров и огурцов, разогрел в микроволновке оставленную Наташей на столе тарелку с котлетками и спагетти под пряным соусом (как он любил), переоделся в спальне — ему почему-то захотелось пройтись по холодным плиткам пола босиком, и он не стал надевать тапочки. Ужинал, размышляя о том, что станет делать, если затея с поисками кресла не увенчается успехом. Могло

быть, что кресло Кашениль обнаружит, но предмета, который Вайншток ожидал в нем найти, не окажется. Могло быть, что соседи, взявшие кресло, нащупали в нем посторонний предмет, достали и выбросили. Могло быть и…

Беркович подумал, что относится к куклам как к живым людям, — у каждой был свой характер, к каждой можно было применить психологические методы анализа личности. Последняя кукла — Фредди Крюгер — оказалась очень умелым преступником, точно знавшим, куда ударить, с какой силой и даже под каким углом.

Зачем?

«О чем я?» — подумал Беркович, отодвигая пустую тарелку. Он нашел в холодильнике стаканчик кефира и выпил, прислушиваясь к звукам из гостиной. Два великих старика выяснили свои непростые отношения и мирно разговаривали перед тем, как разойтись по своим комнатам, а точнее — по своим мирам, куда не хотели впускать никого, кроме собственной памяти.

Когда фильм закончился и взревела реклама, Беркович выглянул в гостиную: Арик спал на руках у Наташи, а жена тихо плакала, даже не подумав уменьшить звук или выключить телевизор. Беркович отыскал пульт, лежавший на

диване, нажал на кнопку отключения звука и благословил наступившую тишину, которой ему не хватало весь день.

Беркович относился к драме стариков не то чтобы равнодушно, он прекрасно понимал их чувства, сам порой задумывался, каким будет в старости, как-то даже составил в уме список собственных недостатков, от которых непременно нужно избавиться, чтобы не превратиться в сварливое, вредное, всех достающее существо. Одно дело, однако, понимать, и другое — сопереживать понятому. Это у Берковича не получалось, и он только сейчас понял — почему: он всегда искал логику в человеческих поступках, сопереживал тем людям, в чьих действиях логика присутствовала, и не мог сочувствовать тем, чьи поступки были вызваны спонтанностью, как сейчас говорили, или излишней эмоциональностью, как сказали бы раньше.

Он подумал, что, видимо, по этой причине Мария вызывала у него большую симпатию, чем ее муж. Мысль выглядела странной — Григорий был рационален в гораздо большей степени, чем его жена.

«Нет, — подумал Беркович, — в том-то и проблема этого человека, что, рациональный во

всем, что касалось его науки, он абсолютно спонтанный в человеческих отношениях, и это надо принять в расчет. Вайншток был искренним, он хорошо и, наверно, правильно рассуждал, но что-то все равно скрыл. Не потому, что хотел, а потому, что в спонтанности своей не подумал, что это может быть важно».

Что?

— Что? — спросила Наташа, вернувшись из детской, куда она отнесла сына. — У тебя такой вид, будто ты сделал открытие.

— Не надо бы тебе смотреть этот фильм с Ариком, — сказал Беркович, игнорируя вопрос. — Сама нервничаешь, а он ничего не понимает и может подумать, что мама плачет оттого, что кто-то ее обидел.

Наташа толкнула мужа в грудь, он не устоял на ногах и опустился на диван, жена села рядом и, угадав его желание, положила голову ему на плечо.

— Арик все понимает, и ты понимал, когда был в его возрасте, а потом перестал понимать. Это нормально. Когда мне было пять лет, я гораздо лучше понимала бабу Лену, чем маму. Мы с бабушкой очень легко находили общий язык, а с мамой ссорились постоянно. Я хочу сказать, что

Раневская с Пляттом гораздо полезнее для Арика, чем порция веселых телепузиков.

— Телепузики — абсолютное зло, — согласился Беркович.

— Как прошел день? — осторожно спросила Наташа. В новостях передали, что дело о смерти Альтермана пока не раскрыто, в последнее время у израильских пинкертонов столько провалов, что, похоже, будет еще один, поскольку, как сказал нашему корреспонденту источник, чье имя не подлежит разглашению, у следователей, ведущих это дело, нет ни одного подозреваемого, и ареста преступника не следует ожидать в ближайшие дни, а может, расследование и вовсе зайдет в тупик, если уже не зашло.

— Нормально, — бодро ответил Беркович, но сразу добавил: — Да что я говорю… Была, если ты помнишь, загадка запертой комнаты. А теперь есть загадка пяти запертых комнат, и не исключено, завтра добавится шестая.

Странная ассоциация мелькнула в голове. Кто-то задумал убить человека. Кто-то соображает, как это сделать. Мысль оформляется постепенно. Как это бывает в природе, да и в психологии тоже — от простой мысли к сложной. Если рассмотреть кукол под этим углом зрения… Горсть песка

— материал, из которого сделан камень. Потом Марина — подобие человека, но очень недостоверная, ни рук толком, ни ног, голова без шеи. Ким… Кукла без имени… Фредди Крюгер.

Эволюция очевидна, можно даже представить, каким окажется недостающее звено, если Кашенилю удастся его найти. Как в прошлом веке — искали переходное звено от обезьяны к человеку, а нашли…

Что-то в этом есть.

— По телевизору сказали, что у тебя до сих пор нет подозреваемого. Несколько дней об этом деле не говорили ничего, почему сегодня…

Беркович вспомнил девушку-репортера, на вопросы которой он так и не ответил.

— Ах, — сказал он, — им нужен был репортаж в новости, а я…

— А ты, как обычно, отвернулся от камер и сорвал съемку.

— Да.

— Пожалел бы девушку.

Беркович не успел ответить — зазвонил мобильный. Это был простой долгий звонок, не мелодия Моцарта. Значит, по делу.

— Извини, Наташа, — пробормотал Беркович и, высвободившись из объятий жены, вышел на

балкончик.

— Борис, — голос Кармона звучал странно: уверенно и спокойно, но чувствовалась и скрытая досада, Беркович легко улавливал интонации, а к голосу сержанта давно привык и понимал не только слова, но стоявший за ними смысл. — Борис, мы нашли кресло.

— Где?

Кармон привык докладывать обстоятельно, не упуская подробностей.

— Мы разделили дома и пошли по квартирам. Представлялись, просили прощения за поздний визит и спрашивали…

— Переходи к результату.

— В нескольких квартирах, номера у меня записаны, конечно, нам не открыли дверь даже после того, как мы представились. Еще в восьми квартирах не захотели говорить, мол, поздно, приходите утром.

— Послушай…

— Да, я перехожу… В квартире восемнадцать, в тридцать шестом доме, он стоит торцом к дому Альтерманов, там живут двое пенсионеров, муж и жена, фамилия Крайзман. Ализа и Меир. По словам Меира, весной он увидел у мусорного ящика приличное кожаное кресло, потертое, но

пригодное, как он выразился, к эксплуатации.

Поняв, что сержант все равно договорит приготовленную речь, а если его подгонять, то доклад затянется на неопределенное время, Беркович слушал молча, пытаясь представить старика и его старуху, и их квартиру, где мебели наверняка было кот наплакал, вся или подаренная соседями и родственниками, или подобранная там, где перед праздниками обычно оставляли ненужные вещи.

— Сам втащить кресло на третий этаж Меир не мог и попросил парней, беседовавших у подъезда, ему помочь. Те быстро подняли кресло и поставили в гостиной перед телевизором. Там оно и стоит. С позволения хозяина, я его осмотрел. Хозяйка, правда, была недовольна, но Меир на нее шикнул, и она больше не мешала. В результате прощупывания выяснилось, что внутри обивки ранее находился посторонний предмет.

— Ранее?

— Прощупывалась небольшая каверна, кожа в этом месте подмята. На мой вопрос Меир ответил, что действительно, странная была история, он о ней забыл, но мы напомнили. Посидев в кресле, он почувствовал спиной нечто твердое внутри обивки. Сидеть было не очень удобно, Меир ре-

шил: кресло потому и выбросили, что кому-то стало неудобно сидеть, а ремонтировать не стали. Меир в прошлом краснодеревщик, умеет работать с инструментом. Вскрыл кожу — аккуратно, чтобы потом привести в порядок, — и обнаружил в поролоновой прокладке камень величиной сантиметров десять. Как попал камень в обивку, Меир не стал разбираться, никаких идей, по его словам, у него по этому поводу не возникло, он просто выбросил камень в мусорное ведро, заделал отверстие, и с тех пор ничто не мешает ему смотреть телевизор, спина не болит.

— То есть, — разочарованно произнес Беркович, — камня нет, и даже день, когда это произошло…

— Почему же? — голос сержанта наконец достиг той точки удовлетворения, какой Кармон, видимо, и добивался. — Меир привык записывать события в дневник — телефонный справочник-ежедневник, где на каждый день отведены две-три строки, много не напишешь, но главное. Кресло он нашел пятого апреля. В тот день Альтерманы его и выбросили, потому что утром, когда Меир выносил мусор, кресла не было, а в полдень, когда вышел в магазин, кресло уже стояло.

— Пятое апреля, — пробормотал Беркович, вспомнив дату, названную Вайнштоком. — И Меир, — сказал он в микрофон, — конечно, не смог описать форму камня.

— Не смог, — с сожалением констатировал сержант. — Память у него плохая. Но перед тем, как выбросить, он сфотографировал этот предмет. По его словам, он всегда фотографирует что-то необычное с тех пор, как приобрел цифровую мыльницу. Надписи на стенах, птиц…

— То есть фотография камня…

— Я скопировал в свой телефон, чтобы приложить к файлу протокола опроса.

— Ты еще на месте?

— Нет, по дороге в управление. Уже доехали, въезжаем на стоянку.

— Я сейчас буду, через десять минут.

— Через десять минут не успеешь, — сказала из гостиной Наташа. — Выпей хотя бы чаю, ты теперь до утра не вернешься.

— Не думаю, что задержусь до утра. Я быстро. Нужно посмотреть одну фотографию, только и всего.

— А на телефон он не может скинуть? — сердито сказала Наташа.

— Может, — Беркович поцеловал жену и при-

нялся надевать обувь. — Но мне, возможно, придется кое с кем поговорить и нанести кое-кому визит.

— Ночью? — удивилась Наташа. — По ночам ты наносишь визиты, только если надо кого-то задержать. Такая важная фотография? Это фото преступника?

— Пожалуй, — помедлив, ответил Беркович.

Наташа подошла к мужу и прижалась к его груди.

— Боря, — прошептала она, — береги себя, пожалуйста.

— Если бы я знал, от кого, — одними губами произнес Беркович, надеясь, что Наташа не расслышит.

* * *

Назвать этот предмет куклой или моделью было затруднительно. Камень и камень. Обладая богатым воображением, можно было назвать небольшой выступ головой и четыре поменьше — руками и ногами. Пожалуй, действительно нечто среднее между Мариной и Кимом.

Поверхность гладкая, как у гальки, но не настолько, чтобы сказать, что это не игра природы, а результат работы человеческих рук. Впрочем,

реально о гладкости камня судить было трудно, фотография оказалась не лучшего качества. Если бы Меир хотя бы догадался сфотографировать камень с разных сторон…

Беркович позвонил Хану, надеясь, что тот еще не лег спать. Обычно он не звонил эксперту домой, тем более поздно вечером, не потому, что не хотел тревожить. Рон с удовольствием «тревожился» в любое время дня и ночи, но дома трубку брала жена, а с ней у Берковича отношения почему-то не сложились, разговаривала она с ним раздраженно, даже когда он звонил днем — полагала, видимо, что «мой дом — моя крепость», рабочие проблемы нужно решать на работе. Она была права, Наташа тоже так считала, но на звонки всегда отвечала предельно вежливо, понимала: что бы она ни думала, как бы ни хотела оградить мужа от служебных дел во внеслужебное время, все равно не получится, и надо с этим смириться.

— Рон? — с обычным раздражением отозвалась Дорит. — Он еще не вернулся.

Продолжать она не стала, а Беркович не стал спрашивать, почему и где задержался Рон. Происшествие? Срочное вскрытие?

Он набрал номер Хана на мобильном.

— Борис! — знакомый голос звучал обрадованно. — Наконец! Жду твоего звонка с восьми, не ухожу домой, терпение лопается. Если есть что показать, тащи, я в лаборатории.

— Не понял, — опешил Беркович. — Ждешь моего звонка? Здесь? Почему?

— Индукция, дорогой Шерлок, — хмыкнул Хан. — Ты отправил группу на поиски некоего предмета. Это было в половине восьмого, когда я собирался домой. Значит, ты предполагал что-то найти. Найдя, отправил бы предмет на экспертизу, верно?

— А если бы не нашел?

— Но ты… не ты, а Кармон с Кашенилем — нашли ведь. Сообщение я увидел, когда начал вторично собираться домой. Полчаса назад. Насколько я понял, нашли не сам предмет, а его фотографию. Неси, чего ждешь?

— Я не жду, — сказал Беркович, входя в лабораторию. — Говорил с тобой по дороге. Глянь-ка на файл, я его только что сбросил на твой адрес.

Щелкнув несколько раз мышью, Хан приблизил изображение и несколько минут молча рассматривал картинку.

— Что тебе сказать? — протянул он. — Обработки чем бы то ни было не вижу. Структура

камешка более рыхлая, чем у более поздних. Видишь зародыш головы? Как у Голема в голливудском фильме. А это зародыш руки. Почему он не сфотографировал камень с разных сторон? — задал Хан тот же вопрос, что приходил в голову Берковичу.

— Извини, — сказал старший инспектор, — он не знал, что это пригодится следствию.

— Спасибо, что догадался сфотографировать. Твой вывод?

— Камень появился пятого апреля. В тот день в кресле Альтермана выпал винт из подлокотника, стало неудобно сидеть, что-то давило в спину. Кресло было старым, его давно хотели заменить, и Натан не стал разбираться в причинах поломки. Иначе сам нашел бы куклу. В тот же день они купили другое кресло, а старое вынесли во двор, откуда его и взял сосед. Исправил, что мог, а в спинке обнаружил полость и в ней камень.

— Полость, говоришь? — переспросил Хан. — По форме камня?

— Старик не обратил внимания.

— Вывод? — повторил вопрос эксперт.

— Это вторая кукла в серии. Между Мариной и Кимом. Или даже третья, если первой считать горку песка. Я сомневался, включать ли песок

в последовательность. Теперь у нет сомнений — это звенья одной цепи.

Он поморщился, произнеся эту фразу: получилось слишком по-книжному. Звенья одной цепи. Фу. Дурной вкус. Впрочем, по сути верно.

— Посмотрим. — Хан одну за другой вывел на экран изображения всех кукол, включая Фредди Крюгера. — Последовательность очевидна, да. А если и песок считать… Жаль, мы не знаем, каким был его химический состав. Возможно, примесей столько же, сколько в камнях, но сейчас не скажешь. Кстати, в каждом из следующих камней больше примесей. Ничего особенного, обычные примеси, но их становится больше, хотя и незначительно.

— Ты не говорил об этом, — недовольно сказал Беркович.

— Мои ребята получили результат вечером, час назад я отправил отчет на твою почту, ты, вероятно, еще не видел, — невозмутимо отозвался Хан.

— И больше всего примесей…

— У Фредди Крюгера. Этот уродец тоже имеет мало примесей, судя по структуре. Если бы Меир сильно по нему стукнул, камень распался бы на части или вовсе рассыпался бы. Остальные — нет. Вывод?

— Ты и сам его сделал, — буркнул Беркович. — Химическая эволюция.

— И эволюция формы, — кивнул Хан. — Сначала структурная организованность равна нулю. Второй этап: химически более сложная структура, а форма только начинает походить на куклу. Как зародыш в утробе матери. Третья кукла с одной ногой и одной рукой, но сомневаться не приходится, это не просто выступы в камне, это именно рука и нога. И голова, конечно. И так до Фредди Крюгера, который тоже не совершенство, особенно с ножами-конечностями…

— Помнишь, какой была рана на шее Натана?

— Борис, — с легким раздражением сказал Хан. — Мы это обсуждали сто тридцать два раза.

— Ты считал?

— Не иронизируй. Что ты заметил такого, чего не видел раньше и что прошло мимо моего внимания?

— Все мы видели, — с досадой сказал Беркович. — Альтерман лежал на диване и, видимо, спал или дремал, так? Убийца с силой ударил его по шее ногой Фредди Крюгера, нанеся довольно глубокую, но не смертельную, рану, и сломав шейный позвонок, что и привело к смерти. Куклу он уронил, и она скатилась на пол, где ее и

нашли.

— Да-да, — нетерпеливо сказал Хан. — И дальше что?

— Удар был нанесен сверху вниз.

— Верно. По шее не полоснули, а ударили, разорвав, а не прорезав кожу.

— А теперь скажи: какой был бы эффект, если бы кукла находилась не в руке убийцы, а упала на Альтермана, скажем, с высоты двух или двух с половиной метров?

— Кто-то влез под потолок… — с иронией начал Хан и осекся, увидев выражение нетерпения на лице Берковича.

— Я просто спрашиваю: если кукла упала на Альтермана…

Хан пожал плечами.

— Если с относительно большой высоты, то результат был бы тот же.

— Двух метров хватит?

— Сейчас… — Хан взял лежавший на столе микрокалькулятор и нажал на несколько кнопок. Увидев результат вычисления, кивнул. — Да, при падении камня массой около полутора килограммов с высоты двух метров…

— Теперь понимаешь? Вспомни еще, что на Крюгере не было отпечатков. И что комната была

заперта. И что в тот момент Натан находился в состоянии, промежуточном между сном и бодрствованием, когда мозг работает в своеобразном режиме. В таком состоянии человек может услышать голоса, почувствовать прикосновение руки призрака…

— И что?

— Натан хотел сделать дочери на бат-мицву удивительный подарок. Куклу, какой не было ни у кого и никогда.

— Ты можешь без загадок, Борис? — сердито сказал Хан.

— Извини, — Беркович поднялся и хлопнул друга по плечу. — Сначала я должен поговорить с Вайнштоком, поставить над «i» последние точки. А потом, как Эркюль Пуаро, я соберу всех участников…

— В том числе убийцу?

— В том числе убийцу, — повторил Беркович.

— Вообще-то, — сказал Хан, — первый час ночи. Не очень удобное время для звонка. Вайншток, скорее всего, уже спит.

— Вряд ли, — Беркович пошел к двери и сказал, стоя на пороге. — Во-первых, он сова и часто работает по ночам. Во-вторых, он ждет, нашли ли мы кресло. В-третьих, я не собираюсь ему звонить

— я к нему поеду.

* * *

Он припарковал машину на стоянке в соседнем дворе — ближе не нашлось места, — и медленно поднялся по лестнице, обдумывая каждое слово предстоявшего разговора. Прежде чем позвонить в дверь, Беркович прислушался — в гостиной кто-то довольно громко разговаривал. Слов не разобрать, голос был мужским — похоже, говорил Вайншток. Женского голоса — Марии — слышно не было. Или она отвечала тихо, или Вайншток говорил по телефону. Несколько слов Беркович, как ему показалось, все же расслышал: «функционал», а потом «конечно, это…» и «я сам понимаю!». Что понимал Вайншток, Беркович не узнал, потому что голос смолк и в квартире стало тихо.

Только сейчас Беркович понял, что разговор велся по-английски. «Странно, — подумал он, — почему, когда внимательно прислушиваешься, меньше всего обращаешь внимание на язык, на котором говорят, — или понимаешь, или нет, и только потом…» О странностях психологии восприятия Беркович размышлять не стал и надавил на кнопку звонка.

Вайншток был в спортивном костюме, выглядел уставшим, но не было похоже, что Беркович застал его перед отходом ко сну. Не выказав удивления, физик пропустил Берковича в гостиную.

На диван, куда указал Вайншток, Беркович садиться не стал. Почему-то ему хотелось сидеть на твердом, выпрямив спину. Боялся расслабиться? Он сел на стул, повернув его так, чтобы видеть ходившего по гостиной хозяина, и сообщил:

— Кресло нашли.

Вайншток застыл посреди комнаты:

— Ну?

— Там действительно была кук… модель. Номер второй, если не считать горку песка.

Беркович достал телефон, куда перекачал фотографию. Вайншток долго рассматривал изображение, вернул аппарат Берковичу и сказал:

— Жаль, нельзя потрогать. Или можно? Где она сейчас?

— Человек, который взял себе кресло, выбросил модель в тот же день.

— И сфотографировал? — удивился Вайншток. — Зачем?

— Хобби у него, — пояснил Беркович. — На наше счастье. Вы именно это ожидали увидеть?

— Примерно.

Вайншток приволок еще один стул, стоявший с противоположной стороны стола, сел напротив Берковича, достаточно близко, чтобы можно было говорить, не повышая голоса, и достаточно далеко, чтобы не касаться гостя коленями.

— Вы меня арестуете? — спросил физик.

— Нет, — покачал головой Беркович. — Во-первых, могу только задержать на двадцать четыре часа, после чего должен буду предъявить обвинение. И судья будет решать, оставить вас под стражей или выпустить до завершения расследования. Во-вторых, за что вас задерживать?

— Вы прекрасно знаете, — буркнул Вайншток. — За убийство.

— Это признание? — холодно спросил Беркович. — Я включу диктофон.

— Я уже включил, — сказал Вайншток. — С телефоном управляться умею.

Беркович посмотрел на дисплей. Диктофон в телефоне действительно был включен и вел запись.

— Этого я и боялся, — вздохнул Беркович. — Что вы возьмете все на себя, будете мучить свою совесть, окончательно запутаете следствие… Почему, скажите, такие люди, как вы, склонны принимать на себя все грехи мира и искать в

себе ответы на вопросы, которые к ним не имеют отношения?

— Не понимаю, о чем вы. Я признаю, что в результате моих непродуманных действий модель убила Натана.

— Вы могли это предотвратить?

— Не знаю. Если бы я был с ним, а не протирал штаны на конференции…

— Вы могли рассчитать место появления модели?

— В пределах гостиной, но не знал, в каком именно месте, потому что не знал точно, где появлялись прежние модели.

— Вам рассказывал Натан.

— Он показывал, где находил модели. Проекцию. А на какой высоте над полом модель возникала, он не мог сказать. Я знал место появления с точностью до двух метров, а время — с точностью до двух часов. Неопределенность экстраполяции…

— То, что удалось найти вторую модель, вам помогло?

— Конечно. Я мог бы рассчитать следующую точку с точностью до минуты, пожалуй.

— И седьмая модель должна возникнуть… — начал Беркович.

— Я не знаю! — воскликнул Вайншток. — Если был бы жив Натан, то время — завтра в восемь часов утра. Но Натана нет, и что и когда будет происходить… Может, нужно эвакуировать весь дом? Или город?

— При чем здесь…

— Старший инспектор, говорю вам: я убийца! Думаете, я шучу? Послушайте, я ничего не мог сделать для Натана, ничего! Своей судьбой он распоряжался сам. Я думал, что это был стихийный процесс, а оказалось, что Натан управлял им сознательно! Он хотел подарить Лее идеальную куклу! Он на этом свихнулся! Он плевал на мои предупреждения! Мы поссорились, и он попросил меня не приходить! Попросил? Нет, вытолкал меня за дверь и сказал, чтобы я больше не переступал порога их квартиры. Он не понимал, что делал. Это эволюционный процесс. В любой эволюции происходят качественные скачки, мутации, следующее звено может оказаться совсем не таким, каким его себе представляешь, экстраполируя из предыдущих. Как возникли птицы? При непрерывной, без скачков, эволюции наземных тварей крыло вряд ли могло появиться, понимаете? Я говорил это Натану! Говорил, что он не знаток ни физики, ни биологии, все

понимает поверхностно, о последствиях не думает! А он твердил свое. Повторял то, что я ему рассказывал о квантовой эволюции, но понимал по-своему, у него был искаженный взгляд на вещи! Лея для него была всем, понимаете? Свет в окошке, единственная и неповторимая девочка, он ее боготворил, но держал в строгости, и это противоречие съедало его изнутри. Не думаю, что Рина его понимала. Для Рины Лея — обычная девчонка, хорошая, любимая, но ничего особенного, понимаете, что я хочу сказать? Рина — нормальная женщина, немного приземленная, немного замученная неинтересной работой и бытом, а Натан, вынужденный сидеть дома со своими мыслями и своим уже искаженным отношением к окружающему миру, воспринимал в моих объяснениях внешнее, а остальное… сомнения, неуверенность, понятие об ответственности… для него это был пустой звук.

— Вы думаете, что Фредди Крюгер мог специально…

— Фредди Крюгер? — непонимающе переспросил Вайншток.

— У кук… у моделей были собственные имена, — сказал Беркович. — Последнюю мы назвали Фредди Крюгером. По ассоциации с…

— Понимаю, — пробормотал Вайншток.

— Это и был предсказанный вами качественный скачок в эволюции моделей? — поинтересовался Беркович. — Остро отточенные руки-ноги? Мутация?

— Я убийца, — глядя на свои ладони, сказал Вайншток. — Улик против меня не существует. Ничего у вас нет, кроме моего признания, а оно не доказательство, верно? Мало ли что я могу наговорить в состоянии аффекта?

— Вы не могли рассчитать, что у следующей модели будут такие острые грани. Вы не могли точно рассчитать время и тем более место появления. И уж тем более вы не могли знать, что Натан будет лежать на диване, а модель возникнет над ним и убьет его.

— Не мог, — согласился Вайншток, не отрывая взгляд от собственных ладоней, будто по ним читал книгу своей будущей жизни. — Знаете, старший инспектор, я восхищаюсь вашей логикой. Или интуицией? Как, не зная физики, вы поняли… Но психологию и ее связь с фундаментальными законами природы вы все-таки недооцениваете. Конечно, я не мог рассчитать все с точностью до метра, не мог задать квантовой эволюции то или иное направление. Я — не мог.

Я был в этом процессе сторонним наблюдателем. А Натан — наблюдателем активным. Понимаете? Вижу, до вас это еще не дошло.

— Объясните, — спокойно сказал Беркович. — Кое-что я и сам начал понимать. Давайте так. Я расскажу свою версию, а вы меня поправьте, если стану ошибаться.

* * *

«Все смешалось в доме Облонских… Нет, это я так. Вроде эпиграфа. Вот странно: фраза, относящаяся к семье, к людям и их отношениям, прекрасно описывает физику мироздания и дает ключ к разгадке трагедии. Два смысла, и нужно учесть оба, чтобы понять, почему погиб Натан Альтерман. Все смешалось в их доме, когда Натан остался без работы и пролеживал дни на диване, размышляя о том, как безрадостно проходит его жизнь. И все смешалось во Вселенной в первый миг после Большого взрыва, когда рождались элементарные частицы материи.

Натан искал новый смысл своей жизни, и тут появились вы с Марией. Разговоры, которые Натан вел с вами, были не просто разговорами о жизни и квантовой физике. Вы на нем испытывали, понятны ли ваши построения — поймут

ли вас, если вы будете выступать в достаточно неподготовленной аудитории. Прежде чем рассказывать о квантовом запутывании студентам, вы приходили к Натану и читали лекцию ему. Он задавал вопросы, и вы корректировали свои выступления.

Через полгода… Не знаю, может, прошло больше времени? Как бы то ни было, Натан начал разбираться в том, о чем почти никто в мире не имеет представления. Ни малейшего, хотя вы уверены в том, что знать это должен каждый, потому что от мыслей, желаний, поступков каждого из нас зависит не только наша жизнь, но в какой-то мере — небольшой, конечно, что такое человек по сравнению с мириадами галактик? — судьба Вселенной.

Я представляю ваши сомнения. В математике я не разбираюсь, но уверен: у вас есть математические доказательства, что на принципах квантового запутывания построен мир. С другой стороны, вы понимаете, что, отстаивая ваши взгляды, можете растерять с трудом завоеванную научную репутацию. В науке, как в искусстве, да как где угодно: завоевать место под солнцем очень трудно, а потерять репутацию можно в два счета, опубликовав единственную статью, о кото-

рой будут говорить: «Он занимается не наукой, а фричеством». Где проходит граница между революционной научной гипотезой и квазинаучным предположением?

Это я к тому, что Натану вы рассказывали больше, чем писали в научных статьях. Вы рассказали Натану о парадоксе Эйнштейна, Подольского и Розена. Что произойдет, если два связанных общей волновой функцией электрона разнести на большое расстояние друг от друга. Перепутанность сохранится, и если изменится направление вращения одной частицы, это мгновенно будет воспринято другой — ее направление вращения тоже изменится, чтобы общее состояние системы осталось неизменным. Закон сохранения, верно? Самый фундаментальный закон физики — закон сохранения!

А если система состояла не из двух электронов, а из десяти, и все их состояния были изначально перепутаны? А если — и на самом деле было так! — в первые мгновения после Большого взрыва перепутаны оказались состояния всех без исключения частиц во Вселенной? За доли секунды Вселенная раздулась из-за инфляции, и частицы унеслись друг от друга, ну и что? Связь между ними сохранилась, перепутанность вол-

новых функций осталась. Электрон, который крутится на орбите вокруг протона где-нибудь в вашей рубашке, связан с другим электроном, который за время жизни Вселенной оказался в галактике на расстоянии трех миллиардов световых лет.

Вы мне сейчас возразите. Электрон в вашей рубашке не тот, что был в начале эволюции Вселенной. Частицы взаимодействуют, одни уничтожаются, возникают другие. Это другой электрон, но перепутанность передается из поколения в поколение частиц, как передается наследственная информация в генетической молекуле.

Что-то есть в этом общее, да? Я не понимал. Куда мне с моими полицейскими мозгами? Сандлер кое-что объяснил, и сравнение с генетикой возникло само, оно и у вас наверняка возникло почти сразу — в отличие от меня, вы не могли этого не заметить.

Смотрите, что получается. Каждая следующая кукла более совершенна, чем предыдущая. Знаете, Гриша, я себя почувствовал в какой-то мере Уотсоном и Криком… сразу обоими… в тот момент, когда они поняли, как устроена молекула ДНК. Сейчас я понимаю ученых, готовых зани-

маться наукой, даже если не платят зарплату, просто потому, что это безумно интересно! В криминалистике происходит нечто подобное, просто задачи у нас другие, и ощущения отрешения не совсем совпадают…

Но я не о том. Эволюция. Я представил себе Вселенную… то есть не мог, конечно, представить ее такой, какая она на самом деле, я не астрофизик, понятия не имею о многих вещах, о которых знает студент первого курса. Я представил Вселенную, как невероятно огромный ящик, наполненный клубком тончайших нитей, связывающих друг с другом все частицы в любой точке пространства. Если что-то происходит с одной частицей, то, из-за перепутывания квантовых состояний, тут же меняется что-то в состоянии другой частицы, расположенной, возможно, в противоположном конце этого немыслимо огромного ящика.

Не смотрите на меня так, я понимаю, что мои рассуждения примитивны, и вы рассказали бы об этом процессе гораздо лучше и правильнее. Вы будете использовать термины, которых я не знаю, но суть явления останется той же.

Пока я прав, верно? Вы не перебиваете, значит, я, по крайней мере, не говорю чепухи.

Так о чем я? Из-за квантового перепутывания

частица или атом в созвездии Лиры связан с атомом в созвездии Скорпиона… Не смотрите на меня таким взглядом, я знаю, что созвездия — просто проекции группы звезд на небесную сферу, это не физические объекты. Видите, я еще кое-что помню из курса физики. Неважно. Хорошо, буду точнее — атом в галактике М 35 связан из-за перепутывания волновых функций с атомом в галактике М 129. Я называю случайные номера, на самом деле это, может, и не галактики, мне без разницы. Просто эти атомы, разделенные миллиардами световых лет, как бы родные братья-близнецы, они вместе родились, и пока жива Вселенная, их судьбы связаны.

И почему бы не предположить… Уверен, для вас эта мысль выглядела гораздо более естественной, чем для меня. В докладе на конференции вы почти прямо об этом сказали, и наверняка коллеги вас поняли, а дискуссии не получилось, потому что идея, видимо, показалась слишком сильной… безумной, но в том ли смысле, о котором говорил Бор? Во Вселенной атомы объединялись в молекулы, возникали звезды, галактики. И в то же время атомы и частицы в самых разных галактиках оставались связаны друг с другом — менялось что-то в состоянии одной частицы, и мгновенно

менялось что-то в состоянии другой.

Возникли квантовые системы, элементы которых разбросаны по всей невообразимо большой Вселенной. А дальше все могло происходить как и на Земле в те давние времена, когда зародилась жизнь. Квантовая эволюция. Эволюция форм в неживой структуре. Если система становится чрезвычайно сложной, она начинает развиваться сама, в сторону еще большего усложнения. Как жизнь на Земле.

За миллиарды лет во Вселенной из-за квантовой перепутанности и эволюции возникали довольно сложные и, казалось бы, невозможные комбинации частиц и атомов. Какие-нибудь, например, геометрически правильные тела — не шары, а додекаэдры или еще что-то, невообразимое по форме? Казалось бы, противоречащее законам природы, а на самом деле такое же естественное, как звезда, собравшая свое шарообразное тело из межзвездного газа.

К чему могла привести квантовая эволюция? В макромире возникли сложные молекулы, потом вирусы, бактерии — биологическая жизнь. А в микромире — жизнь на квантовом уровне? Игра квантовых запутанностей могла породить такую же сложную макроструктуру? Тоже эволюция, но

на другом, более фундаментальном уровне?

Квантовая эволюция могла привести и к появлению серии кукол, каждая из которых была следующей эволюционной ступенью.

Почему кукол? Почему не пирамид, неправильных кристаллов, кривых многогранников, чего-то по виду более «естественного»? Такое ощущение, что кто-то управлял этим процессом…

Мысль показалась мне глупой. Но я вспомнил слова Рика о взаимодействии квантового процесса с сознанием. Никакое квантовое явление не происходит без наблюдателя. Я понимаю, что наблюдатель — не обязательно кто-то разумный, вроде нас с вами. Наблюдателем в квантовом смысле может считаться измерительный прибор или просто экран, на который падают фотоны… неважно. Но разумный наблюдатель способен направлять квантовую эволюцию в нужную ему сторону.

Он может даже не думать об этом на самом деле. И не догадываться, что является демиургом, творцом вещей, которые без него в реальном мире не возникли бы. Наш мозг — это в какой-то мере квантовый компьютер, о которых сейчас так много пишут. Перед моими глазами были результаты квантовой эволюции, квантовой

перепутанности.

Говорю — и вдруг подумал, сейчас пришло в голову. Может, я не прав, но скажу. Нобелевская премия Шехтмана, химика из Техниона. Он получил ее как раз в те дни, когда вы с Натаном рассуждали о квантовой эволюции. Странно совпало, да? Неправильные кристаллы Шехтмана, невозможные, если в химии и физике верны законы бездушной математической симметрии. И если нет наблюдателя, который фиксирует эволюцию на квантовом уровне и материализует ее своим выбором. Вы не думали об этом?

Эти куклы… Натан понял главную мысль, в отличие от вас, теоретика, в практическом смысле: мысленно управляя квантовыми перепутанными системами, можно направить квантовую — неживую! — эволюцию в нужную сторону. Сделать любимой дочери удивительный подарок!

Любимая кукла, которую он когда-то не купил Лее. Кукла, о которой она с тех пор мечтала и не могла простить родителям, что они ее не купили. Создать такую куклу, собрав воедино частицы и атомы из разных галактик. Частицы, чьи состояния перепутаны с момента рождения Вселенной. Достаточно изменить состояние одной из них, и мгновенно меняются состояния других. Но…

Я долго не понимал — частицы-то находятся в разных частях Вселенной! А кукла… пусть даже горка песка… это здесь и сейчас.

Не смотрите на меня, вы это легко объясните, я знаю, но я хотел понять сам. И понял в конце концов, ночь провалялся без сна, Наташа думала, что у меня утром сложный допрос, а я размышлял, как разрешить парадокс. Я был уверен, что Натан этот парадокс разрешил. Возможно, с вашей помощью, потому что сами вы разобрались еще раньше, а в статьях не писали… пока не писали.

Все достаточно просто, если допустить в сознание мысль, которая все время пыталась выскользнуть, слишком уж фантастической она выглядела. Все перепутано в квантовом мире. Электрон в вашем ухе связан общей волновой функцией с протоном в туманности Андромеды, а тот — с атомом водорода в какой-то звезде или в межзвездном газе, а этот атом — с атомом кремния в недрах Солнца, а тот, в свою очередь… Бесконечно сложная конструкция, охватывающая Вселенную и не проявляющая себя на каждом шагу только потому, что перепутанность обычно задавлена более сильными взаимодействиями — электромагнитными, гравитационными, ядерными… Но так же, как в молекуле ДНК возникают

мутации, так и здесь… Мутации в генах случаются из-за влияния внешних факторов — вредного излучения, например. И происходит скачок эволюции. Так и здесь. Только в квантовом мире роль внешнего фактора играет наблюдатель. В данном случае — человек. Его сознание.

В средние века это назвали бы материализацией духа. Будто из ничего возникает предмет — шарик, кубик или горка песка. Не это ли умел делать Джузеппе Бальзамо, граф Калиостро? На самом деле материализации из ничего не происходит, конечно. Обычный результат квантовой эволюции, которая, в свою очередь, обязана своим происхождением квантовой перепутанности, а та обязана своим существованием условиям, возникшим во Вселенной сразу после Большого взрыва.

Когда я подумал об этом, голова пошла кругом. Если бы после Большого взрыва условия во Вселенной были чуть иными, Натан не смог бы собственным воображением, усилием мысли собрать сначала горку песка, а потом…

Гриша, я понимаю, что мысленных усилий он не прилагал — ему нужно было запустить процесс квантовой эволюции, и по нитям, связывающим частицы в разных концах Вселенной, побежали

натяжения, процесс пошел, и контролировать его Натан, скорее всего, или уже не мог вовсе, или только в самой слабой степени…

Он всего лишь хотел подарить идеальную куклу своей дочери.

И нашел свою смерть.

Потому что… Не знаю. Я не физик. Но из того, что вижу… Эволюция в квантовом мире — это эволюция неживой материи. Я пытался представить… Одна группа атомов эволюционирует в другую, потому что их квантовые функции с древних времен перепутаны, и в сложнейшей игре квантовых явлений может найтись место таким удивительным преобразованиям, что никакой фантазии не хватит их вообразить.

Однажды, в школе еще, я читал в популярном журнале, как отличить разумный сигнал из космоса от неразумного. Когда были открыты пульсары, тот, кто их открыл… Что вы сказали?.. Энтони Хьюиш, спасибо… Он сначала думал, что радиосигналы — искусственные, потому что они повторялись с невероятной точностью. Но оказалось, что и это в неживой природе возможно. В той статье автор писал: если бы между планет или звезд мы обнаружили паровоз, разве у кого-нибудь возникло бы сомнение в том, что

это творение разума, а не плод эволюции? Тогда я не нашел подвоха в рассуждении, а теперь… Если естественная биологическая эволюция за миллиард лет привела к появлению такого сверхсложного существа, как человек, то почему бы квантовой эволюции, где перепутанность играет роль мутирующей ДНК, почему бы, подумал я, такой эволюции не привести к появлению паровоза на орбите Марса? Или кукле в запертой квартире? В своих статьях вы об этом писали почти прямым текстом.

Без вас Натан не сумел бы запустить эволюционный квантовый процесс, начавшийся с горки песка на постели Леи, а закончившийся его смертью. Почему эволюция кукол пошла таким образом? Вы можете сказать? Я знаю, что нет. И я понимаю вас, Гриша, когда вы говорите: «Я убийца». Если бы не ваши с Натаном разговоры, если бы не ваши объяснения, если бы не его увлеченность и воображение, если бы не настроенность его мозга на пуск такого тонкого процесса…

Ничего бы не было.

Но не вы убили Натана Альтермана».

* * *

— Научный работник, — сказал Вайншток, — обязан думать не только о красоте открытия, но и об ужасных последствиях, которые оно может вызвать. Если бы не я, Натан был бы жив.

Он сидел, опустив голову, руки его лежали на столе, и пальцы совершали странные движения, будто отплясывали танец без ритма.

— Если бы Натан остался жив, — сказал Беркович, — неизвестно, чем кончилась бы эта история для всего нашего мира.

Он хотел, чтобы Вайншток перестал думать о себе и собственной несуществующей вине.

— Не знаю, — пробормотал тот. — К чему стремится эволюция? К достижению совершенства? Что такое совершенство в биологическом мире? Человек — вершина эволюции? Не думаю. В кого мы превратимся через миллион лет? В существ, способных жить в космическом пространстве? В полубогов? А к чему могла привести квантовая эволюция, жизнь без жизни? Разум, абсолютно не отвечающий нашему представлению о разуме. Человек — упрощенная модель идеального биологического существа. И куклы — очень упрощенные модели… чего? Идеального предме-

та? Какой была бы седьмая модель? А двадцать шестая? Вы видели, они становились все более совершенными!

— Да, — кивнул Беркович. — И еще — эволюция ускорялась. Если бы Натан не погиб, эволюция моделей продолжалась бы, и следующая появилась бы опять в запертой комнате, будто нарочно глумясь над здравым смыслом… Когда?

Вайншток посмотрел на часы, висевшие над кухонным шкафчиком. Часы показывали двадцать три минуты второго. Ночь. Наташа давно спит, Арик вертится в кроватке, он обычно в это время хочет в туалет, но не просыпается, борьба желаний с потребностями продолжается минут десять, а потом он слезает с кроватки, перебираясь через барьерчик, и, потирая глаза, бредет в коридор, где его уже ждет Наташа, она, конечно, проснулась, услышав возню сына, у нее выработался условный рефлекс…

Беркович загасил в сознании привычную картинку. Спать ему совсем не хотелось. Напротив, он ощущал подъем, как после удачного ареста, когда собраны все доказательства и преступник не думает отпираться.

— Если бы Натан остался жив, — медленно произнес Вайншток, — очередная модель возникла

бы сегодня в восемь утра. Плюс-минус минут десять.

— А следующая? Я составил график, и у меня получилось, что каждый следующий интервал времени вдвое меньше предыдущего. Куклы появлялись бы чаще и чаще…

— Все гораздо хуже, — мрачно заметил Вайншток. — Это не геометрическая прогрессия, как вы себе вообразили. Третья модель, та, что была в спинке кресла… У меня были подозрения, и я получил подтверждение. Это ряд чисел Фиббоначчи.

— Фиббоначчи? Я не очень…

— Каждое следующее число является суммой двух предшествующих, — пояснил Вайншток. — Нуль, единица, еще раз единица, потом двойка, тройка, за ней…

— Пять, я понял.

— Правильно. Дальше восемь…

— Тринадцать, — подхватил Беркович. — Но интервалы увеличиваются, а не уменьшаются! И числа не совпадают.

— Это обратный ряд. И если принять за единицу интервал между пятой и шестой куклами…

— Двенадцать дней?

— Да. Тогда и получаются даты: четвертое июня,

одиннадцатое мая, пятое апреля… и так до второго ноября. На самом деле интервалы не точно измеряются сутками, и время смещается к утру…

— Понятно, — пробормотал Беркович.

— Ничего вам еще не понятно! — воскликнул Вайншток. — Если бы Натан остался жив, модель появилась бы сегодня, в восемь часов. А интервал до появления следующей был бы равен…

— Единице? — подсчитал в уме Беркович. — То есть двенадцати суткам?

— Нулю он был бы равен! — Вайншток ударил по столу кулаком и зашипел от боли. — Нулю! Вы знаете, что это могло бы означать?

— Нет.

— И я не знаю! Мгновенное возникновение миллиардов кукол? Бесконечного числа? Что это было бы? Черная дыра с массой, равной массе Вселенной? Мировая катастрофа? Хорошо, что Натан умер, скажу я вам!

Беркович прерывисто вздохнул.

— Смерть Натана остановила процесс?

— Конечно. Процесс квантовой эволюции не происходит без наблюдателя. Это не акт творения, если такая мысль пришла вам в голову. И Натан не был демиургом, если вы об этом подумали. Он был наблюдателем. Этого достаточно.

— Я знаю про наблюдателей, — спокойно сказал Беркович. — Каждый квантовый процесс имеет множество возможностей. Он может пойти так, может — иначе.

— Да, — Вайншток отвел взгляд и взял с блюдца сухое печенье. Повертел в пальцах и положил обратно. — Возможны тысячи исходов одного события, ни один не имеет преимущества перед другими. И если нет наблюдателя, все они осуществляются. Если кто-то наблюдает за квантовым процессом, то он и выбирает, какой из вариантов осуществляется в его реальности. Только выбирает — не более того. В огромном большинстве случаев выбор происходит бессознательно. Во Вселенной бесчисленное множество результатов квантовой эволюции. Мы на них то и дело натыкаемся, не понимая того, что видим. Странная ракушка там, где ее быть не должно. Странное образование на поверхности Марса или астероида. Странные штуковины, которые мы принимаем за корабли инопланетян. Да мало ли… Газеты об этом пишут. Обыватели поражаются. Физики отмахиваются, потому что нас, знаете ли, интересуют повторяющиеся явления, те, что можно воспроизвести в лаборатории.

— И все это…

— Не скажу за все, — Вайншток хрустнул пальцами так, будто хотел вывернуть их из суставов. — Но очень многие — да. Плод квантовой эволюции, квантовой перепутанности, сохранившейся после Большого взрыва. Доказательство того, что все связано со всем. Это случайные результаты квантовой эволюции. А в присутствии наблюдателя эволюция становится направленной. Наблюдатель как бы обрывает случайные веточки.

— А когда наблюдатель исчезает…

— Процесс эволюции опять становится хаотическим. Если вы о куклах, то, я думаю… нет, уверен… После смерти Натана кукол больше не будет.

— Есть вы, — заметил Беркович. — И это вы внушили Аль-терману мысль о том, что он может запустить квантовую эволюцию так, чтобы создать для дочери идеальную куклу.

— Модель. Да. Я же сказал: убийца — я. Если бы не…

— Глупости, — решительно произнес Беркович. — Я не могу принять ваше признание, оно бездоказательно. Я не могу в качестве улик использовать ваши квантовые уравнения.

— До конца жизни я…

— Это другое дело, — согласился Беркович. — До конца жизни вас будут мучить мысли: о том, что вы натолкнули Альтермана на идею, из-за которой он погиб. Но ведь не вы задали куклам направление эволюции.

— Нет.

— И не ваша вина, что последняя кукла — Фредди Крюгер — оказалась такой и появилась там и тогда… Это случайность, верно?

Вайншток промолчал.

— Значит, — заключил Беркович, — вы останетесь при своих моральных терзаниях, а я — с нерешенной загадкой шести запертых комнат…

— Не решенной?

— С точки зрения криминалистики? Конечно. По-вашему, я могу написать в заключении, что Альтермана убила вызванная его подсознанием квантовая эволюция неодушевленных предметов?

— Но это так!

— Мне нужно найти убийцу. Человека. Если произошло убийство. Или доказать, что это был несчастный случай. Убийцы-человека нет, и не смотрите на меня таким взглядом. Несчастный случай? Хорошо, что процесс остановился, и больше кукол не будет. Могу представить, что

произошло бы, останься Альтерман в живых.

— А я не могу. — Вайншток встал и распахнул дверь в коридор. Ему не хватало воздуха.

В двери возникла Мария, бросила взгляд на мужа, прошла к плите и, обернувшись, сказала:

— Идите в гостиную, мне надо заняться ужином.

— Может, завтраком? — иронически произнес Вайншток. — Скажешь тоже, Маша… Два часа ночи. Я думал, ты давно спишь.

— Ужином, — упрямо повторила Мария. — Какая разница, сколько сейчас времени? Ты хочешь сказать, что не проголодался?

У Берковича засосало в желудке. Пожалуй, он съел бы бутерброд.

— Идите, — потребовала Мария. — Я принесу кофе и тосты.

В гостиной были раскрыты окна, и свежий ночной ветерок неслышно бродил между кресел, касался щек и пытался взъерошить волосы.

— Помните детскую сказку о котелке с кашей? — сказал Беркович. — Смерть Альтермана, похоже, спасла нас от катаклизма, который мир, возможно, не пережил бы.

— Ну… — протянул Вайншток, но Беркович понимал, что физик согласен с его словами.

Мария принесла и поставила на журнальный столик поднос с чашками, она и для себя приготовила, давая понять, что больше не оставит мужа наедине с полицейским. Беркович пошел вслед за ней на кухню и принес чайник, в котором закипела вода, а Мария взяла другой поднос — с тостами, и Берковичу захотелось немедленно откусить большой кусок.

— Я поеду, — сказал он, усмиряя зов плоти; — Наташа, я уверен, не спит и не звонит, чтобы не мешать работать.

— Вы не хотите перекусить… — разочарованно сказала. Мария.

— Доброй ночи, — попрощался с ней Беркович. — Вашему мужу ничто не угрожает, можете быть за него спокойны.

* * *

Беркович разулся, надел тапочки и неслышно, как ему показалось, прошел на кухню, чтобы сделать себе бутерброд с колбасой и выпить чашку некрепкого чая. Наташа сидела за столом, прижимая к животу книгу, которую она, видимо, читала, когда услышала звук повернувшегося в замке ключа.

— Засада? — улыбнулся Беркович, поцеловал

жену в губы и отобрал книгу.

— О господи… — сказал он. Это было ивритское издание «Пиноккио» с картинками, способными напугать и взрослого.

— Арик не любит, когда я ему читаю по-русски, — пожаловалась Наташа. — А на иврите приходится тренироваться.

— Тлетворное влияние детского сада, — пробормотал Беркович. — Чай будешь?

— Уже пила. Садись, я сделаю тебе омлет.

— Достаточно бутерброда, — сказал Беркович, чувствуя, что засыпает. Он сел на табурет, прислонился к стене и решил сидеть так до утра — все равно нужно будет вставать, одеваться, идти на кухню, а он уже здесь, одетый, зачем совершать лишние движения…

Откусив от бутерброда и хлебнув чая, Беркович понял, что невозможно и дальше испытывать терпение любимой жены.

— Все в порядке, — сказал он. — Побеседовал с умным человеком о строении мироздания. Никого не арестовал и не собираюсь. А мир, похоже, удалось спасти, как в худших голливудских фильмах.

Наташа раскрыла книгу и сделала вид, будто углубилась в чтение. На странице был нарисо-

ван кит размером с авианосец, скосивший два огромных глаза на м-а-аленьких человечков — Пиноккио и Джепетто, присевших отдохнуть у него на нижней выпяченной губе.

— Вот и я казался себе таким маленьким и ничтожным. Знаешь, по сравнению с чем?

Наташа пожала плечами, понимая, что любое неудачное слово — и муж замолчит, допьет чай и отправится спать, не сказав ничего из того, что сам сейчас хотел изложить во всех подробностях.

Беркович коротко пересказал долгую беседу. Он думал, что сумел объяснить Наташе главное — так, как понял сам. Думал, что смог передать, насколько счастливым оказался финал трагедии. Страшный парадокс: человек умер, и это хорошо, потому что, если бы он остался жив, то сегодня (подумать только — через несколько часов!) могло случиться непоправимое. Чуть ли не гибель всего на свете, как в детской сказке о горшке каши.

— Ужасно жаль Натана, — Беркович говорил монотонным голосом, эмоций у него не осталось, он надеялся, что и Наташа не взволнуется, да и о чем сейчас волноваться — все кончилось двенадцать дней назад. — Но я совершенно не

представляю, и Гриша не представляет тоже, что произошло бы, когда куклы, все более совершенные, начали бы возникать одновременно. Что такое совершенство с точки зрения квантовой физики? Риторический вопрос.

— Значит, — напряженным голосом произнесла Наташа, захлопнула книгу и уронила на пол, — Натан умер вовремя? И отвратительный Фредди Крюгер возник, будто специально, именно таким, именно тогда и именно там, и свалился с потолка именно так… Ты хочешь сказать, что никто не виноват и все произошло случайно? Просто эволюция?

— Ты хочешь сказать, — пытаясь быть рассудительным, пробормотал Беркович, — что Натан, направляя эволюцию, понял, чем грозит… Глупости.

— Разве ты не видишь, насколько это притянуто за уши?

— Вижу, — сказал Беркович, неожиданно проснувшись и сопоставив известные ему обстоятельства дела. Он вспомнил слова, сказанные Риной в день смерти мужа. И слова, сказанные Леей несколько дней спустя. И рассказ Марии. И все, что втолковывал ему Григорий, для которого смерть Натана стала моральным кошмаром.

— Вижу, — повторил Беркович. — Черт возьми, почему я не видел раньше? Это лежало на поверхности!

— Что? — нахмурилась Наташа.

— Последняя кукла должна появиться сегодня в восемь часов с минутами. — Беркович встал, опрокинув чашку, и принялся ходить по кухне, натыкаясь на стол, угол плиты, отчего менял направление движения, будто заводной автомобильчик, подаренный ему когда-то в детстве. Отец всегда покупал Боре только те игрушки, которые тот выпрашивал. А если денег не было, отец честно признавался: «Сынок, эту машину я тебе сейчас купить не могу. Если потерпишь до пятнадцатого, я получу зарплату, мы пойдем в магазин, и машина будет твоя. Договорились?» Они всегда договаривались, отец ни разу не обманул. А Боря научился не просить невозможного. Ему нравилась немецкая железная дорога, но отец не знал о его желании, в магазине Боря старался не смотреть в ту сторону, где бегали по кругу красивые аккуратные вагончики, влекомые по тоненьким рельсам изящным тепловозом, подававшим сигнал всякий раз, когда приближался к станции, на перроне которой стоял человечек в форме и держал в вытянутой руке желтый

флажок.

— Что делать, что делать? — бормотал Беркович.

Подняв с пола книгу и поставив на место чашку, Наташа подобрала под себя ноги и следила за мужем, интуитивно пытаясь найти момент, чтобы остановить бессмысленное кружение.

— Он ничего не понимал, а я поддался ходу его мысли…

— Ты о ком?

— Я должен позвонить, — сказал Беркович и достал телефон.

— Сейчас? Третий час ночи!

— Знаю, — Беркович раздумывал, какой номер набрать. И что он скажет, когда сонный голос ответит…

Аппарат мелко завибрировал в его ладони и заиграл Моцарта. Беркович смотрел на дисплей и не мог заставить себя нажать на кнопку ответа.

— Боря!

— Да. — Он очнулся наконец, нажал на кнопку, и прежде, чем там, в другом доме, она успела сказать хоть слово, быстро произнес:

— Мария, доброй ночи. То есть я не уверен, что доброй, но хорошо, что вы позвонили.

— Я вас не разбудила? — Мария говорила тихо,

должно быть, отошла с аппаратом куда-то подальше от мужа. — Я не могла дождаться утра.

— Вы тоже считаете, что это она?

— Вы наконец подумали…

— Почему вы не сказали раньше?

— Мне только сейчас пришло в голову. Гриша… Когда он твердил: «Это я, это из-за меня», — я верила. Когда вы с ним разговаривали, я стояла под дверью, слушала, почти ничего не слышала, и, может, поэтому дополняла ваши слова своими мыслями, и тогда поняла, сопоставила…

Она не могла остановиться, и Беркович не мог сказать «Замолчите, не нужно говорить лишнего, надо решить, что делать».

— …Она добрая, умная, но она ребенок, это не разумом получается, я слышала, что говорил Гриша… Подсознание, что-то в глубине, а у нее травма…

Она замолчала и совсем другим, спокойным и деловым тоном спросила:

— Это действительно произойдет в восемь с минутами?

— Ваш муж, — вопросом на вопрос ответил Беркович, — может подойти к телефону?

— Гриша спит, — сказала Мария. — Я заставила его принять две таблетки, иначе он извел бы себя.

Дождалась, когда он уснет, и позвонила.

— Я сейчас приеду. — Беркович, поднял взгляд на Наташу и передумал: — Нет, пришлю за вами машину, вас привезут ко мне домой, и мы поговорим.

— Я…

— Машина придет минут через двадцать, — твердо сказал Беркович и отключил связь.

— Я приготовлю кофе и тосты, — сказала Наташа.

— Я хочу, чтобы ты тоже присутствовала. Не представляю, какое придется принимать решение, и мне нужен женский взгляд на вещи. Женский, но рассудительный. Потому что речь идет…

— Я поняла, — кивнула Наташа.

— Извини, мне нужно позвонить.

Связавшись с дежурным по управлению, Беркович попросил выслать патрульную машину на улицу Сиркин. Ближе других к дому Вайнштоков оказался сержант Горен, и старший инспектор объяснил ему, куда ехать и что делать.

— Привезешь ее ко мне и подожди. Может, повезешь обратно.

— Мы уже подъезжаем, — бодро сообщил сержант.

* * *

Пальцы чуть подрагивали, Мария с трудом удерживала чашку, но пить ей хотелось, и она обхватила чашку обеими руками, отпивала медленно, говорила медленно, медленно думала, будто погрузилась в другой ритм жизни, пыталась растянуть время.

— Она очень ранимая. В классе у нее почти нет подружек, потому что стоит кому-нибудь сказать что-то, что ей кажется обидным, только кажется, на самом деле никто не имел в виду ничего такого, и она замыкается в себе, может просидеть в своей комнате день или два, выходит, только если позовут, делает вид, что все в порядке, но Рина не слепая… А Натан ее никогда не понимал. То есть ему казалось, что именно он, а не Рина, знал ее и умел с ней разговаривать, когда ей плохо, но это не так. Обожание и понимание — настолько разные вещи… Все у них в семье было не так, и никто из них не понимал этого, им казалось, что все нормально, для Рины я была какое-то время отводной телефонной трубкой; если вы помните, были такие… то есть не помните, конечно, и я не помню, читала в старых романах…

Мария сделала паузу, чтобы отпить глоток, и

Беркович успел вставить несколько слов:

— Она не знала физику. Вряд ли могла понять идеи о…

— Господи! — воскликнула Мария и все-таки уронила чашку. Кофе в ней уже почти не осталось, и на темной юбке появилось небольшое пятнышко, которое Мария начала тереть большим пальцем. Чашка скатилась на пол, не разбившись, Наташа подняла ее и поставила на стол, подальше от гостьи.

— Оставь, — сказала она, перейдя с Марией на ты, — потом простирнем.

— Я не… — Мария смотрела на Берковича, и он не мог понять, что отражалось в ее глазах, какую эмоцию она хотела выразить или, наоборот, скрыть. — Господи, Боря… можно я так…

О чем вы говорите? При чем здесь — понимала или не понимала? Конечно, не понимала! А зачем ей было что-то понимать в физике? Она понимала себя! Она всегда прекрасно понимала себя, как все дети! Она обожала отца, но как она его ненавидела! Вам, наверно, незнакомо это ощущение — когда любишь и ненавидишь одновременно. Нет более сладостного чувства, оно привязывает к человеку как никакое другое. Помню, когда мне было… Господи, о чем я?

— Но все-таки, — настойчиво повторил Беркович, — чтобы запустить процесс… это же физический процесс… нужно понимать, как он происходит, представлять…

— Зачем? Когда вы включаете компьютер, вы понимаете, что происходит? Вы нажимаете на кнопку и ждете, пока он загрузится, пока там, внутри, произойдет что-то вроде эволюции, компьютер тоже будто развивается от мертвого к живому, и вы видите конечный результат.

— Когда я говорил с Гришей, мне показалось, что…

— Он мужчина и рационален до мозга костей. Он и вам голову заморочил своим рационализмом. Боря, не нужно думать, не нужно пытаться направлять эволюцию туда, куда хочет разум. Ничего не получится, и потому Натан не мог, он тоже слишком рационален, как Гриша, потому они нашли друг друга, Гриша ему рассказывал, я-то все знала, он же сначала мне… но мне было наплевать на физику, на все эти квантовые процессы… Натан воспринимал рационально, приводил Грише аргументы, которые для меня темный лес, они спорили и не замечали девочку, а она прислушивалась… Не понимала, но чувствовала…

— И что теперь делать?

Это сказала Наташа, голос был, во всяком случае, ее, но Берковичу показалось, что голосом жены думает он сам.

Молчание не повисло в воздухе — оно возникло, как предмет квантовой эволюции: что-то в мире соединилось с чем-то, и звуки перестали быть физической реальностью. Звуков никогда не было. А тишина оказалась настолько многозначной, что ее одной было достаточно, чтобы мысли в ней плавали, такие же видимые, как белые яхты на морских волнах. Кому принадлежали мысли, или, может быть, все-таки сказанные вслух слова, которые не могли восприниматься, как слова, сказанные вслух, потому что произнести такое было невозможно, кощунственно, невыносимо:

— Убить девочку?

— Она не понимает, что творит!

— Она убила отца — не понимая, что ведет кукол, как кукловод.

— Она любила его!

— И не могла ему простить случай в магазине.

— Убить девочку?

— Есть другой способ остановить эволюцию?

— Нет наблюдателя — нет проблемы?

— Вы это серьезно? Сказать ей правду, и она…

— Она не сможет ничего сделать! Это подсознательное!

— Она — ребенок! Кто знает, какую реакцию вызовет, если ей сказать?

— О том, что она убила отца?

— Невозможно!

— Что делать?

— Стоп, — сказал Беркович. — Мы ходим по кругу. Сейчас три часа. В семь Лея проснется и начнет собираться в школу.

— Господи! — пробормотала Наташа. — Боря, сделай же что-нибудь!

— Маша, — сказал Беркович, стараясь не думать о картине, которую рисовала его фантазия, — разбудите мужа. Я позвоню Рону — это наш главный эксперт. И Рику — это физик, он, похоже, в курсе дела. Не знаю, что еще можно сделать. Лея спит, и пусть спит… пока.

* * *

В пять утра четверо мужчин мерили шагами гостиную в квартире Берковича, а две женщины сидели на диване, взобравшись на него с ногами. Сандлер приехал последним, и Вайншток отвел его в сторону, чтобы объяснить ситуацию не на популярном уровне, а с применением терминов,

которые Беркович, прислушивавшийся к разговору, даже не попытался понять.

Хан, как обычно, попробовал резюмировать:

— Как я понял, проблема в том, что, если Лея через два часа будет в здравом уме и твердой памяти, может произойти взрыв?

— Не взрыв, — поправил Вайншток. — Скопление массы, сравнимой с массой Вселенной.

— Не преувеличивай, — оборвал Вайнштока Сандлер, сохранивший спокойствие, наверно, потому, что его подняли с постели, он не выспался, воспринимал окружающее не вполне адекватно, и, во всяком случае, не эмоционально. Физика, только физика. — Какая, на фиг, масса Вселенной? Тебе известна степень перепутанности всех частиц? Нет. Это только гипотеза. Можно оценить минимальную критическую массу, учитывая, как проходила эволюция моделей. Но максимум массы ты знать не можешь.

— Какая разница? — раздраженно возразил Вайншток. — Массы будет в любом случае достаточно, чтобы ничего не осталось от города, а может…

— Проблема в том, — повторил Хан, — что, если Лея будет в здравом уме и твердой памяти, может произойти катастрофа.

— А если будет спать? — спросил Беркович, понимая, что задает риторический вопрос.

Вайншток пожал плечами:

— Мозг работает и во сне. Бессознательная деятельность не прекращается.

— Значит, нет другого выхода, кроме…

Мужчины переглянулись, Мария заплакала. Наташа в ужасе смотрела на мужа.

— Кто это должен решать? — сказал Хан. — Нет времени перекладывать ответственность. Да никто, кроме нас, и не поймет. Осталось два часа.

— Полтора, — поправил Сандлер.

— Может, если ей объяснить… — Наташа в который раз повторяла, как мантру, слова, которые ничего не значили.

— Не поможет. Она не контролирует свое бессознательное.

— Гипноз?

— Где мы возьмем гипнотизера в пять утра? — воскликнул Вайншток. — А если и гипноз не поможет?

— Нельзя просто сидеть и ждать! — голос у Наташи сорвался, и она выбежала из гостиной. Тихо открылась и закрылась дверь в комнату, где спал сын. В семь Арика нужно будить, ему в детский сад… Мысль показалась Берковичу чужой, из

другой реальности.

— Ненавижу! — воскликнул Вайншток. — Зачем я занялся этой темой? Зачем рассказывал Натану? Откуда мне было знать, как это преломлялось в мозгу Леи?

— Рина сейчас спокойно спит, — с неожиданной яростью произнесла Мария. — А мы тут… а она… Я, не задумываясь, убила бы эту дрянь! Вы, Боря, меня арестовали бы, я бы призналась, и пусть меня судят!

— Хватит! — крикнул Вайншток. — Прекрати истерику!

— Что-то надо делать!

«Только не это! — думал Беркович. — Почему так получилось? Почему, чтобы все мы спали спокойно, нужно, чтобы умерла девочка? Это неправильно! Законы природы не могут быть так устроены!»

Законам природы все равно, а квантовая перепутанность возникла в Большом взрыве, когда ни жизни на Земле, ни самой Земли, ни Солнца, ни других звезд еще не было.

Эволюция — жестокая штука.

Нет выхода.

— А если, — сказал он, — уничтожить промежуточные результаты эволюции? Уродцев?

— Невозможно, — Хан посмотрел на Берковича с сожалением. — Я уже думал об этом. Куклы — вещественные доказательства. Чтобы их уничтожить, нужно, чтобы дело об убийстве Альтермана было официально закрыто и сдано в архив. После этого я смогу подать заявку прокурору о списании вещдоков. Прокурор подпишет бумагу — обычно на это уходит неделя-другая, — и после этого…

— Сейчас чрезвычайные обстоятельства! Ты можешь взять ответственность на себя!

— И вылететь с работы, если мне не удастся убедить Шрайбера, что я действовал по необходимости?

— А если ты не будешь действовать, то, возможно, потом и с Шрайбером разговаривать будет некому!

— Может нет, может да.

— Рон!

— Борис, — тихо произнес Хан. — Я просто не успею. Сейчас пять часов утра. В управлении только дежурные и охрана. В лаборатории никого, нет срочных анализов.

— Ты должен успеть!

Хан молча встал и пошел к выходу. Никто не произнес ни слова, пока с улицы не послышался

гул заведенного мотора.

— Господи, — пробормотала Мария.

— А если это не поможет? — ни к кому конкретно не обращаясь, осведомился Сандлер и спросил: — Борис, у тебя выпить не найдется?

— Сок. Яблочный или грушевый. Извини, спиртного нет, так уж получилось.

— Так уж получилось, — горько повторил Вайншток. — Четверо умных мужиков. Асы. И не можем ничего придумать.

«Мы, — подумал Беркович. — Впрочем, неважно. Какое сейчас имеет значение: кто что придумал, кто кому что нечаянно сказал…»

— Кто поедет со мной к Рине? — спросила Мария.

Вайншток обнял жену за плечи.

— Поедем вдвоем, — сказал он.

— Я с вами, — предупредил Беркович.

— Вы… ты не будешь докладывать начальству? — осведомился Вайншток. — Хоть как-то обезопасить себя. Я имею в виду… на всякий случай.

— В пять утра? Думаешь, мне удастся получить санкцию… на что?

— Порочный круг, — пробормотал Вайншток. — Поехали.

* * *

Квартал начал просыпаться. Солнце еще не поднялось над крышами домов, и на улице было сумрачно: странное состояние природы, которое Беркович не мог определить, — будто погасшие на ночь краски возродились с рассветом и в природе застыло ожидание. Даже люди не передвигались, а возникали из небытия то в одном конце улицы, то в другом. Исчезали, чтобы проявиться где-то еще, — или Беркович воспринимал мир кадрами, отделенными друг от друга неопределимыми временными промежутками?

Машину поставили перед подъездом, проигнорировав красно-белый бордюр. По лестнице поднимались, стараясь не создавать шума, у двери квартиры Альтерманов остановились.

— Что скажем? — спросил Сандлер. — Мы так и не договорились.

— Кто будет говорить? — спросил Вайншток. — Мы не распределили…

— А если Рина не откроет? — спросила Мария. — Когда она крепко спит, ее из пушек не разбудишь.

— Откроет Лея, — сказал Беркович.

— Может испугаться и… — Мария отступила

на шаг.

— Да звоните же кто-нибудь! — нервно воскликнул Сандлер.

Беркович нажал на кнопку, и в глубине квартиры заверещал перепуганный павлин.

— Такой вопль и мертвого… — начал Сандлер и замолчал. Кто-то стоял за дверью и смотрел в глазок, видно было, как что-то шевельнулось в стеклышке, мигнуло, исчезло.

Дверь открылась на ширину цепочки. На Берковича смотрела незнакомая женщина лет шестидесяти. На ней был халат цвета морской волны, и она переминалась с ноги на ногу, потому что вышла босиком.

— Кто? — спросила она Берковича, потому что только его могла видеть. — Что случилось? Вы соседи Рины?

— А вы… — растерянно сказал Беркович. — Вы… — он догадался. — Вы мама Рины? Раиса Наумовна? Из России?

— Да, — кивнула женщина.

— Я старший инспектор Беркович, Рина меня знает, у меня… у нас к ней срочное дело.

— В шестом часу утра?

— Служба, — не стал вдаваться в объяснения Беркович. — Мы можем войти?

— У вас есть удостоверение? — подозрительно спросила Раиса Наумовна.

Беркович показал карточку.

— На иврите, — разочарованно произнесла Раиса Наумовна. — Фото ваше, а что написано, я не понимаю.

— Позовите, пожалуйста, Рину, — еле сдерживаясь, сказал Беркович. — Она меня знает, и, я вас уверяю, если бы не чрезвычайные обстоятельства, мы не стали бы ее беспокоить в такой ранний час.

— Мы? — Раиса Наумовна попыталась, не снимая цепочки, разглядеть, кто еще стоит за дверью.

— Пожалуйста, — повторил Беркович. — Разбудите Рину, это очень важно.

— Я не могу разбудить Рину, — с торжеством в голосе заявила Раиса Наумовна. — Ее нет дома.

— То есть как… А Лея?

— И Леи нет, — отрезала Раиса Наумовна.

— Но как же…

Раиса Наумовна наконец снизошла до объяснений:

— Рина с Леей уехали вчера на три дня в цим-

мер[14].

Мало для нее знакомое слово Раиса Наумовна произнесла так, будто хотела сказать «Нью-Йорк» или «Париж».

— После смерти Натана им нужно прийти в себя, — пояснила Раиса Наумовна, не дожидаясь вопроса. — Риночка купила путевку на три дня, я прилетела как раз перед их отъездом, так что… акклиматизируюсь пока.

— Мы можем войти?

— Зачем? Мне уже объяснили, что даже полиция не имеет права врываться в жилые помещения без санкции суда, так что я не обязана открывать, правда ведь?

В подтверждение своих слов Раиса Наумовна захлопнула дверь. В глазке что-то мелькнуло и исчезло.

— Циммер, — с отвращением произнес Вайншток. — В Израиле тысячи циммеров.

— Звоните, Боря, — сказала Мария. — Если не Рине, то Лее. Кто-то должен услышать.

— Если, — подал голос Сандлер, — они не отключили мобильники на ночь.

Беркович посмотрел на часы: пять сорок три.

---

[14] Примечания: 14

Циммеры — гостевые домики для туристов, расположенные в сельской местности (обычно в киббуцах).

Меньше полутора часов. Не успеть.

Позвонил он сначала, однако, не Рине, а Хану.

— Я только что вошел, — сказал эксперт. — Пока выяснял отношения с Камилем… Сейчас открываю комнату с вещдоками. Я тебе перезвоню.

У Рины телефон ответил сразу низким женским голосом: «Вы попали в голосовой ящик номера…»

На телефоне Леи играла мелодия известной израильской песни «Кан ноладти[15]». Долго играла. Уже должен был включиться автоответчик, но мелодия продолжала звучать, однообразно, как шарманка. «Если не ответит, — подумал Беркович, — придется звонить в компанию мобильной связи, но они могут не дать координат аппарата без санкции Хутиэли, значит, надо будет звонить шефу, а он ничего не поймет со сна, и придется…»

— Нуууу… — с капризным придыханием произнес тонкий голос.

— Лея, — ласково сказал Беркович. Он не слышал себя со стороны и очень боялся, что взял неверный тон, она сейчас отключит связь, повернется на другой бок, и тогда… что можно будет

---

[15] Примечания: 15

«Здесь я родился» *(ивр.)*.

сделать тогда?

— Лея, это Борис, помнишь, я беседовал с тобой в… тот день? И потом тоже. Мы еще кукол нашли в шкафу… помнишь?

Лея долго молчала, Беркович слышал ее дыхание. О чем она думала? Что он сказал не так? Он не смотрел на стоявших рядом Гришу, Марию и Рика, не хотел видеть выражений их лиц, не хотел слышать ничего, кроме голоса Леи.

— Ааа… Помню, — Лея зевнула. — Вы хотите поговорить с мамой? Так рано… Она спит.

— Я хочу поговорить с тобой, Лея.

— Со мной? — В голосе девочки Беркович расслышал не удивление, а что-то другое, в чем не сразу разобрался. Удовольствие? Пожалуй. С ней рано утром захотел говорить такой важный человек, даже разбудил. Ах…

— Скажи, пожалуйста, где вы с мамой сейчас? Как называется место?

— Ааа… — разочарование было слышно очень ясно. Она ожидала другого вопроса? — Замарим, это, кажется, около Акко, мы проезжали вечером, было темно, там крепость у моря. Здесь очень красиво, в окошке…

Лея говорила что-то о пруде, который виден из окна, о речке, по которой можно будет покататься

на каяке, если мама позволит. Беркович слушал и не слышал, он пытался вспомнить, где находится киббуц Замарим. До Акко ехать больше двух часов, даже если с сиреной и мигалкой. Не успеть. А если и успеть — то что?

Если Лея далеко от дома, то, может, ничего не произойдет? С другой стороны, что такое сотня километров по сравнению с масштабами Вселенной? Беркович поднял взгляд на Вайнштока, спросил глазами, и тот понял. Пожал плечами, покачал головой, всем видом показал: понятия не имею, никто таких расчетов не делал, никто еще не смог соединить в уравнениях физику с психологией.

В голос девочки вплелся точечками-импульсами второй звонок — кто-то пытался прорваться, наверно, Хан, нужно бы переключиться, узнать… Потом.

— Лея, — сказал Беркович, — я хочу поговорить с тобой о кукле. Ты мечтала о такой, какой ни у одной девочки нет? Ты слышала, как дядя Гриша рассказывал папе…

Лея заплакала. Этого Беркович не ожидал. Хотя… Он напомнил ей об отце. Не нужно было. А какие, черт побери, слова нужно говорить, чтобы спасти мир от ничего не понимающей девочки?

Бесполезно. Безнадежно. Пятьдесят минут до…

— Не плачь, Лея, — пробормотал он, не уверенный, что она его слышит. — Не надо плакать… пожалуйста.

Чья-то рука мягко, но уверенно, отобрала у Берковича аппарат и подала другой. Мария. В ее телефоне бился мужской голос.

— Борис! Я тебе звоню, но у тебя занято!

Рон.

— Позвонил Марии Вайншток, у меня, к счастью, записаны все номера, и я знаю, что она с вами.

Забрав у Берковича телефон, Мария сначала слушала молча, а потом начала тихо говорить, старший инспектор не слышал ни слова, особенно за громким голосом Хана, он только надеялся, что Мария ничего не испортит.

— Я разбил все куклы. Молотком, на мелкие части, — сообщил эксперт. — Теперь меня уволят, если мы не докажем, что уничтожение вещдоков было необходимо.

Уволят так уволят. Лишь бы не было войны, как говорила мама.

— Хорошо, Рон, — сказал Беркович. — Извини, я с Леей разговариваю. Перезвони на мой номер через десять минут.

— …с длинной золотой косой? — говорила Мария. — Я помню. Ее Полиной звали, верно?

О чем они говорят? Не было Полины среди моделей.

Забрать у Марии телефон? Но Лея отвечает, она, похоже, совсем проснулась. И что?

Мария отдала Берковичу телефон и забрала свой. Она одна выглядела сейчас спокойной, и Беркович поразился, какими уверенными стали ее движения. «Ах, эти мужчины» — можно было прочитать на ее лице. С оттенком презрения.

Что она сказала Лее? Что сказала ей Лея?

— Мне нужна машина, — у Марии был голос генерала, отдающего приказ о начале наступления. — И водитель. Гриша не годится, он в ауте. Можете поехать со мной?

— В киббуц? — догадался Беркович. — Мы не успеем. Осталось меньше часа.

— Ничего не случится, — отмахнулась Мария. — Но я должна купить Лее куклу.

— Какую? — Беркович подумал о тех, чьи обломки лежали сейчас в криминалистической лаборатории.

— Полину, конечно. Я знаю, где ее продавали. Правда, прошло столько лет… Вы едете или мне взять такси?

— А… — Беркович глазами указал на Вайнштока, сидевшего на ступеньках, опустив голову, и Сандлера, прислонившегося к стене и смотревшего в пространство с видом человека, которому все равно, что произойдет с ним, планетой и всем мирозданием.

— Подождут здесь, — отмахнулась Мария. — Им есть что обсудить, физики…

Она хотела что-то добавить, и Беркович догадывался, что именно.

* * *

— Вы не понимаете детской психологии, — говорила Мария, сидя рядом с Берковичем. Машина мчалась по утреннему Тель-Авиву, час пик еще не наступил, и светофоры вяло подмигивали желтым. — А я понимала Лею, но мне не приходило в голову, что она могла влиять на происходившее. Гриша знает физику, но совсем не понимает детей, а я понимаю детей, хотя своих у нас нет, к сожалению, я очень хотела, но… неважно, детей я понимаю, а в физике полный нуль, хотя Гриша и думает иначе, потому что я слушаю его с умным видом и задаю правильные вопросы — по его лицу догадываюсь, какой вопрос правильный, это, знаете, как Вольф Мессинг, он мысли читать не

умел, но был очень чувствительный и по малейшим движениям догадывался, так и я — начинаю задавать вопрос, вижу, как меняется у Гриши лицо, и понимаю, каким должно быть следующее слово… Здесь налево, а потом по Алленби до Кинг Джордж.

— Полчаса, — мрачно сказал Беркович, посмотрев на часы на приборной панели.

— Ах, да успокойтесь, ничего не случится, я вас уверяю. Но если мы не найдем Полину…

— Если мы не найдем Полину, — повторил Беркович, совершая запрещенный поворот налево. Если бы на перекрестке оказался коллега из транспортной полиции… Отбились бы, но потеряли время.

— Господи, это же девочка! Второе разочарование будет гораздо сильнее первого! Она начнет заново! И эмоции более сильные, да еще после смерти отца, нет, я не представляю, то есть представляю, каково ей будет, но не знаю эту вашу физику — может, процесс пойдет быстрее, может, нет, может, будут другие куклы, не из камня, а из… ах… из золота, вы представляете золотых кукол, для Леи… здесь направо. Вот этот магазин!

Зазвонил телефон, закинутый в бардачок, и Беркович взглядом попросил Марию ответить.

— Это ваш эксперт, — сказала она, посмотрев на дисплей.

— Включите громкий звук.

Мария нажала на кнопку, и в салоне зазвучал тревожный голос Хана:

— Борис, до восьми часов шесть минут…

— Рон, я веду машину, со мной Мария, мы едем за Полиной, куклой, которую Натан не купил Лее несколько лет назад. Это, конечно, нелепо…

Мария возмущенно фыркнула, и Беркович сказал:

— Мы ничего не понимаем в детской психологии… Короче, я паркуюсь у магазина, не уходи со связи, возможно, придется кое-куда звонить, и… следи за куклами… то есть за обломками.

Это был большой магазин сети «Хэппенинг», на витрине в разных позах стояли, сидели и лежали Барби и Кены в окружении множества красочных открыток, постеров, маек с надписями «Я люблю Тель-Авив», «Первый поцелуй» и огромных, в полметра длиной, карандашей и фломастеров.

Три минуты девятого. Магазин только что открылся («А если бы он открывался в девять?» — подумал Беркович), и молоденькие продавщицы, еще не совсем проснувшиеся, вяло переговаривались друг с другом.

— Сюда, — сказала Мария, направляясь к отделу кукол.

Прошло шесть лет. Наверняка появились другие куклы, нет смысла искать.

Почему-то только сейчас, стоя в кукольном отделе огромного магазина, где на него пялились толстощекие красавицы с рыжими, малиновыми и зелеными волосами, и тонкие, как жерди, Барби, смотревшие с вызовом и надеждой, Беркович понял, а точнее, не понял, но ощутил, и даже еще точнее — не ощутил, а нутром почуял то, чему все это время не верил, не принимал, не допускал в сознание: судьба… чья? близких людей? города? планеты? галактики? Вселенной?., ведь перепутанность охватывает все частицы во всех мирах и между ними… и судьба этого начинающегося дня, и этой пышногрудой девушки за прилавком, и Наташи, и Арика, и его самого… да Бог с ним… судьба целого мира висела на волоске и могла прерваться только потому, что шесть лет назад отец не купил дочке куклу, о которой она мечтала.

И если такой куклы на полке не окажется… Откуда ей тут взяться через шесть лет?

— Помогите, пожалуйста, — позвала Мария одну из продавщиц, и та пошла к кукольному

отделу, слишком медленно, как показалось Берковичу, переставляя толстые ноги в красных колготках. — У вас тут кукла была, Полина, русская, у вас не так много кукол с русскими именами, правда, это было давно.

— Полина. — Девушка наморщила лоб, возвела глаза к потолку, будто ответ на вопрос был там написан большими ивритскими буквами. — Идемте.

Девушка шла впереди, Мария следом, Беркович замыкал шествие — почему-то к отделу мягкой игрушки, где стояли, сидели и лежали пушистые коты, милые собачки с сердечками на шее, огромные бурые медведи с глазами-вишнями. Они не туда идут, девушка ничего не поняла…

— Такая?

Кукла сидела на коленях у огромной рыжей обезьяны. Обезьяна обнимала куклу и грустно на нее смотрела, будто Полина была ее детенышем.

Мария осторожно взяла куклу в руки. Полина оказалась тряпичной, на вид неказистой — может, потому ее никто не хотел покупать. Число на ценнике, прикрепленном к подолу длинного платья, было, на взгляд Берковича, совсем небольшим.

— Распродажа, — объяснила продавщица. —

Кукла и шимпанзе за девяносто девять шекелей.

— Полина, — тихо произнесла Мария. — Давай спросим у Леи, ты ли это.

Беркович достал телефон.

— В видеорежиме, пожалуйста, — попросила Мария.

— Если получится, — пробормотал Беркович.

Если в киббуце не работает опция видеосвязи, мир может погибнуть. Мысль эта становилась все более отчетливой по мере того, как внутренние биологические часы отсчитывали секунды.

«Видеозвонок. Ожидание ответа абонента. Ответ на видеозвонок».

Картинка сменилась, на экранчике возникли глаза — упрямый взгляд одиннадцатилетней девочки.

— Я спать хочу, — сказала Лея капризно. Голос прозвучал так громко, что продавщицы у кассы повернулись в их сторону.

— Посмотри, Лея, — Беркович направил камеру телефона на безвольно замершую в объятьях обезьяны Полину. — Это та кукла, которую…

— Да! Да!

Лея заплакала.

— Лея, — растерянно проговорил Беркович. Мария отобрала у него телефон и сказала:

— Папа купил тебе Полину. У тебя замечательный папа, Лея, девочка…

— Да… да…

— Когда вы с мамой вернетесь домой, Полина будет ждать тебя в твоей комнате.

— На подушке…

— Хорошо.

— Папа, — тихо сказала Лея. — Я люблю тебя. Ты самый лучший…

— Вы их берете? — спросила продавщица.

* * *

— А если бы это оказалась не Полина? Слава Богу, что все обошлось, но это невероятное везение — чтобы за столько лет куклу не продали!

Беркович с женой сидели за кухонным столом. Суматошный день закончился, старший инспектор после полудня долго разговаривал с комиссаром Хутиэли, и все, что было произнесено, они решили начальству не докладывать. Куклы — вещественное доказательство (доказательство чего?) по делу о подозрительной смерти Натана Альтермана — рассыпались в песок сами по себе, и об этом руководитель криминалистической лаборатории Рон Хан уже написал свое заключение.

Беркович вернулся домой без сил и два часа лежал на диване, повернувшись к стене. Ужин остыл, Наташа изрисовала с сыном в тетради несколько страниц единичками и двойками, после чего Арик поиграл на компьютере и отправился в кровать, уверенный, что отец поймал сегодня самого главного преступника, о котором третий день говорили в программах новостей — безумного мотоциклиста, ограбившего отделение банка в Бат-Яме и разбросавшего деньги (триста тысяч шекелей!) на пляже с пустой уже в вечернее время спасательной вышки.

Когда Наташа собиралась спрятать ужин в холодильник, Беркович вошел в кухню бодрый, потребовал есть и, пока Наташа заново разогревала жаркое, рассказал о том, что произошло рано утром и о чем пришлось договариваться с Хутиэли.

Наташа поставила перед мужем чашку с крепким чаем, в котором плавал ломтик лимона, и задала вопрос.

— Полина? — удивился Беркович. — Я думал, ты меня внимательно слушала. Конечно, кукла была не Полиной. Похожа, светлые волосы, тоже тряпичная. Кстати, на бирке написано, что ее зовут Клэр. Китайская поделка. Мы отвезли ее к

Альтер-манам, и на этот раз Раиса Наумовна нас впустила — Рина позвонила матери и сказала, что мы не грабители. Клэр лежит на подушке в спальне Леи и дожидается возвращения девочки из киббуца.

— Не понимаю. Лея обозналась? Спросонья?

— Нет, — терпеливо объяснил Беркович. — Лея прекрасно видела, что кукла не та.

— Тогда почему…

— Наташа, да она давно забыла историю с куклой! С тех пор у нее было столько всяких Барби, Кенов и прочих…

— Не понимаю. Из-за той куклы началась история с каменными уродами. Из-за нее началась эта, как ты говоришь, квантовая эволюция. Из-за старой обиды возник Фредди Крюгер, который… из-за которого…

— Нет, Наташа.

— Нет? Но ты сам только что…

Звонок в дверь не дал ей закончить фразу.

— Это Григорий и Мария. — Беркович поднялся и пошел открывать. — Я просил их приехать в девять, они опаздывают уже на десять минут.

Вайншток тоже выглядел уставшим, Мария, напротив, была бодрой и отдохнувшей. После разговора с Раисой Наумовной о том, как хоро-

шо и странно в Израиле, Мария отправилась по магазинам, чтобы успокоить нервы, и шопинг, во время которого ее гардероб увеличился на две блузки, одно короткое платье и шесть шампуней разных видов, завершился под вечер, когда нужно было возвращаться домой, чтобы приготовить любимому мужу его любимое блюдо — блинчики с творогом.

Беркович усадил гостей за круглым столом в гостиной, напротив телевизора, где по экрану без звука бегали, стреляли, падали, умирали и воскресали персонажи какого-то сериала. Наташа принесла поднос с чашками, банку растворимого «классика», сахарницу, блюдечко с дольками лимона и тарелку с ватрушками, одну из которых Вайншток немедленно отправил в рот.

— Покрепче у вас что-нибудь найдется? — спросил Вайншток.

— Виски не держу, — усмехнулся Беркович, — есть бутылка «Кармеля». Если хотите…

— Не надо, — отмахнулся Вайншток. — Это я так.

— Боря утверждает, — сказала Наташа, обращаясь к Марии, — что кукла, которую вы купили…

— Не Полина, конечно, — кивнула Мария. — Я вспомнила, что видела похожую.

— Но как же?..

— Почему, если девочка поняла, что кукла не та, не случилось катастрофы и квантовая эволюция не привела к гибели мира? — подхватил Беркович. — Видишь ли, Наташа, я… и не только я… все время… ну, или почти все… шел по ложному следу. И признанию не поверил, подумал, что в состоянии аффекта человек сам на себя наговаривает.

Вайншток со стуком опустил на стол чашку, и несколько капель кофе расплескалось по льняной скатерти. Мария положила ладонь на руку мужа.

— Понимаешь, — продолжал Беркович, — мы… я, по крайней мере… все время находились под впечатлением. Куклы. Почему куклы? Почему такие? Почему Фредди Крюгер? Думал: кому выгодно? Я даже грешил на ритуалы вуду! Потом мне рассказали историю с Полиной, и вроде бы появился просвет. Рассуждая с Гришей о квантовой эволюции, Натан понял, что способен запустить этот процесс или, по крайней мере, попробовать. Он хотел создать для дочери идеальную куклу. Квантовая эволюция должна была породить самую совершенную куклу в мире. Не сразу. Может, на двадцатой или сотой… как это

называют в математике… итерации, да? Я подумал, что Натан так и поступил и стал жертвой собственного эксперимента. Не ожидал. Случайность. Не смог предвидеть.

Но потом возникла другая версия — Лея. Конечно, она не желала отцу смерти, она обожала Натана, но детская психика… Мысль о мщении укрепилась у Леи в подсознании, и когда девочка в разговоре отца с Гришей услышала о квантовой эволюции… конечно, она ничего не поняла, но в подсознании укрепилась и эта мысль. Натан спорил с Гришей, говорил, что, скорее всего, наблюдение не связано с сознанием, это подсознательный процесс, и можно не понимать, в чем дело, но законы природы все равно действуют, квантовый мир меняется… Так говорил Натан?

Беркович требовательно взглянул на Вайнштока, не поднимавшего взгляда от кофейного пятнышка на скатерти.

— Да, Гриша?

Вайншток кивнул.

— Вот, — удовлетворенно сказал Беркович. — Лея могла бессознательно включить процесс квантовой эволюции. Когда Гриша назвал убийцей себя, я не принял это всерьез. Как ученый, он считал себя ответственным за эксперимент.

В нем говорила совесть ученого. Он признался и в то же время боялся, что я приму признание. Хотел правды и не хотел ее. Говорил: «Это я» — и одновременно направлял мое внимание на Лею, рассуждал о том, как мало мы понимаем детскую психологию…

— Это не Гриша говорил, — тихо произнесла Мария. — Это я.

— Да, простите. Неважно. То есть важно, конечно, но ведь вы направили мое внимание на Лею, чтобы отвести подозрения от мужа. Я все время упускал вас из виду, Мария, вы для меня долгое время оставались просто женой известного физика, подругой Рины, вы беспокоились за них, и мне не приходило в голову, что вы тоже знали о квантовой эволюции и участии в ней сознания. Вы знали об этом гораздо больше Натана, потому что муж каждый день рассказывал вам о своих работах. Он старался, чтобы вы поняли, потому что, если поймете вы, значит, он и студентам сумеет объяснить, как проходит процесс. И вы поняли, возможно, даже раньше, чем сам Гриша. Потому и стали рассказывать о непостижимости детской психологии. Вы правильно рассчитали, что, если убийцей окажется девочка, тем более убийцей, не понимавшей, что творит, а она дей-

ствительно не понимала, потому что ничего и не делала, то ребенка не только не привлекут к ответственности, но даже говорить с ней не станут на эту опасную для ее психики тему.

— Вы и не говорили, — Мария посмотрела Берковичу в глаза. Это был честный взгляд. Разве она когда-нибудь его обманула?

— Не говорил, — кивнул Беркович. — И оставался в неведении почти до последнего момента. Только когда вы около двери в квартиру Альтерманов, за полчаса до предполагаемой гибели мира, сказали, предложили искать Полину… Посмотрев на вас и Гришу, я догадался. Вы оба были спокойны. То есть оба волновались, конечно, но без паники, охватившей меня и Рика. Тот места себе не находил, готов был скрыться где угодно и понимал, что нигде не скроется. А вы двое… Гриша прислонился к перилам и думал о чем-то, глядя перед собой. А вы старательно хотели меня от Гриши увести, придумали магазин, в котором Натан с Леей, скорее всего, никогда не были…

— Я вспомнила, что видела там похожую куклу на прошлой неделе.

— Я так и подумал… потом. И все встало на свои места. Конечно, Гриша сделал свое признание в

здравом уме и твердой памяти. Идея о том, что кто-то, наслушавшись рассуждений о квантовой эволюции, мог запустить процесс… Никто не мог, кроме человека, понимавшего все тонкости! Ну, положим, не все, я понял ваш взгляд, Гриша, конечно, далеко не все, но главные. Это понимали только вы один на белом свете, как Эйнштейн летом тысяча девятьсот пятого года был единственным человеком, понимавшим — тоже наверняка не полностью — созданную им теорию относительности. Если бы в силах Эйнштейна было тогда поставить эксперимент, доказывающий постоянство скорости света, думаете, он стал бы колебаться?

И вы не колебались. О последствиях не думали. Просто хотели убедиться. «Процесс пошел», — как говорил Горбачев, помните? А почему кукла… Натан рассказал вам о случае в магазине и о том, что хотел бы подарить Лее на бат-мицву именно ту куклу, но в магазинах ее, конечно, давно не было. Тогда появилась горка песка на кровати Леи, но вы еще не поняли, что процесс таки да, пошел, и теперь его вам не остановить, можно только пытаться направить. Почему куклы получались каменными? Я не знаю. Возможно, вы сможете объяснить?

— Кремний, — пробормотал Вайншток. — Очень распространенный элемент.

— Наверно, — Беркович наклонил голову, — вам лучше знать. Куклы возникали в запертых комнатах, невозможно было понять, кто и как мог их туда положить, но пока был жив Натан, это казалось вам не особенно важным. Важным для понимания физических процессов, но не для предстоявшего уголовного расследования, о котором вы старались не думать.

— Что? — не удержался Вайншток от вопроса.

— Ну… — смутился Беркович. — Вы надеялись… Когда появился Ким, вы уже понимали, что можете эволюцией управлять. Не полностью, но кое-что у вас получалось. Чтобы следующая кукла, скажем, была с одной рукой и одной ногой, а очередная — с двумя. Получалось сделать, чтобы куклы возникали в нужном месте квартиры. Вы это рассчитывали на компьютере?

— Слишком сложные процессы, чтобы считать на компьютере, — сказал Вайншток.

— Значит, интуитивно?

— Вы ничего не докажете, — заявил Вайншток. — И мотива У меня нет.

— Не докажу, — со вздохом согласился Беркович. — Даже лучшие современные физики не

докажут, что вы направляли квантовую эволюцию в нужную вам сторону. Вы правы: на процессе любой адвокат убедит судей в вашей непричастности к смерти Натана. Начиная с алиби, которое вы себе обеспечили. Запланирована конференция была в октябре, горка песка появилась две недели спустя. Я не утверждаю, что вы уже тогда знали, когда вам понадобится алиби. Не могли знать, для этого вам нужно было проследить во времени за появлением кукол. Вы только могли предполагать, что эволюция будет со временем ускоряться, но по какому закону — не знали. Это вас чрезвычайно занимало — новый закон физики, закон скорости квантовой эволюции. Но после Кима вы знали, что это ряд чисел Фиббоначчи. История с куклой в спинке кресла подтвердила ваше предположение. И с конференцией совпало удачно.

— Зачем мне это… — пробормотал Вайншток.

— Затем, — вздохнул Беркович, — что вы научились планировать явление следующей куклы. Ее структуру — раз. Место появления — два. Время вы менять не могли, но, зная утренние привычки Натана, повели эволюцию таким образом, чтобы Фредди Крюгер сделал свое дело.

— Чушь какая, — с отвращением произнес

Вайншток. — Невозможно так точно все направить. И зачем?

— Я не стал бы на вашем месте задавать этот вопрос, — тихо сказал Беркович и повернулся к Марии. — Не только я знаю ответ, верно?

Мария молча смотрела на мужа. Вайншток не поднимал головы, Наташа хотела что-то спросить, но Беркович взглядом приказал ей молчать, и она, не выдержав напряжения, начала собирать со стола пустые чашки и блюдца.

— Не только я, — задумчиво повторил Беркович. — Мария, вы сделали все, что смогли, чтобы спасти мужа от обвинения в убийстве, и потому не станете делиться со мной тем, что знаете на самом деле?

Был это совет молчать? Или сообщение, из которого Мария могла понять, что Берковичу все известно, и ее слова ничего не изменят, лишь усложнят положение мужа? Беркович обдумывал эту фразу несколько часов, менял расположение слов, хотел было не употреблять слово «убийство», но все же оставил. Сейчас его раздражало, что Наташа совсем не вовремя решила собирать со стола. Она двигалась, отвлекала. Не его отвлекала, а Марию, взгляд которой стал бегающим, а мысли, видимо, метались между желанием

признаться и покончить наконец с этим ужасом, и ставшим уже привычным состоянием внутренней защиты и отгороженности от фактов, выводов и интерпретаций.

— Наташа, — одними губами произнес Беркович, не уверенный, что жена услышит, — пожалуйста…

Наташа поняла. Опустила на стол поднос, присела на кончик стула и взглядом попросила у мужа прощения.

— Мотив был только у меня, — внешне спокойно, но с чувством внутреннего напряжения, сказала Мария.

Вайншток вздрогнул, бросил на жену предупреждающий взгляд, но промолчал и отвернулся к окну.

— Натан… Он был влюблен в меня. Старший инспектор, я не хочу, чтобы вы думали о нем плохо! Это была настоящая любовь! Может, с первого взгляда… Через неделю после нашего знакомства он… Так получилось, что мы остались в комнате одни… Он признался мне в любви. Сказать, что я была ошеломлена, значит, ничего не сказать. Тяжелый был разговор. Конечно, я сказала, что между нами ничего быть не может, мы просто друзья. Он кивал и молчал, кивал и молчал. Не

помню, что я говорила еще, но вошел Гриша… Хорошо, что он не видел, с какой ненавистью посмотрел на него Натан.

Мария замолчала, не представляя, что говорить дальше.

— Получается, — мягко сказал Беркович, — что у Натана был мотив убить вашего мужа, а не наоборот, верно?

— Неверно, — резко произнес Вайншток, по-прежнему глядя в окно. — Вы думаете, я слеп? Думаете, если я занимаюсь наукой, то не вижу, что происходит в жизни? Думаете, я не замечал взглядов, которые бросал Натан на Машу? Я хотел поговорить с ним, как мужчина с мужчиной, Маша запретила. Я хотел прекратить общение, но Маша сказала, что Натан будет искать другие способы увидеться с ней, и станет только хуже. Пусть уж, когда все вместе… Перебесится. «Делай вид, что ничего не происходит». Я делал. Рассказывал о том, что мне было интересно. Думал: поймет ли «простой» слушатель, а слушателем он был благодарным, внимательным, все понимающим, задавал верные вопросы… А я выходил из себя, хотел, чтобы вопросы были глупыми…

Вайншток встал и отошел к окну, говорил он теперь, обращаясь к мраку за стеклом, к фонарям

на улице, к небу, которое было ему ближе сейчас, чем люди, сидевшие в комнате.

— Прошлым летом, — говорил Вайншток монотонным голосом, — он подал мне мысль об активном наблюдателе. О полуклассическом наблюдателе. Человек именно таков, потому что мозг работает в режиме квантового компьютера и все перепутанные состояния всех квантовых систем во Вселенной участвуют в его расчетах. Отсюда, кстати, прозрения пророков, гениальные интуитивные решения, совершенно, казалось бы, невозможные идеи. Классический мозг на это не способен, а в состоянии квантового запутывания — запросто. Так я о чем… Он подал идею, я за нее ухватился. Мы обсудили. Он предложил сделать куклу моделью квантовой эволюции. Сначала получилась горка песка. Потом… Вы знаете.

— А Фредди Крюгер?

— Мы ненавидели друг друга. И не могли дать друг другу по морде и расстаться. Я не знаю, как назвать такое психологическое состояние. Притяжение ненависти?

— Активный полуклассический наблюдатель, — напомнил Беркович. — Вы намеренно…

— Ой, хватит ходить вокруг да около! — воскликнула Мария. — Гриша и мухи не обидит!

Он ненавидел Натана! Господи, это смешно! Не любил, да. Но когда они говорили о науке, о квантовой запутанности, Гриша Натана обожал! Где бы он нашел другого такого слушателя? А я ненавидела! Ненавидела себя!

Вайншток сделал движение, будто хотел обернуться, но лишь прижался лбом к оконному стеклу и застыл.

— Потому что прошлой осенью… Господи, я не знаю, как получилось. Не могу объяснить. Но я сразу сказала мужу. Больше я у Альтерманов не бывала. Гриша ходил, а я не могла. Я себя должна была ненавидеть за то, что произошло в тот день, когда я пришла одна. Нужно было забрать платье, которое мне купила Рина. По дороге я сломала каблук, Натан был дома один… Черт, ну случилось, да! Когда я вернулась домой, Гриша стал увлеченно рассказывать о семинаре, и я ему сказала: ты должен его убить. Если ты мужчина. Или убей меня. Мне почему-то казалось, что Гриша сейчас же побежит… не с ножом, на это он не способен… просто чтобы сказать Натану… А он только посмотрел на меня печально и вышел из комнаты. Вот и судите, Борис: кто из нас убил Натана. Наверно, я. Я хотела, чтобы он исчез из нашей жизни. А Гриша даже после того дня про-

должал к ним ходить и рассказывал Натану, как идет эксперимент, о том, почему модели кукол такие, какие есть… Мазохизм, да.

Вайншток наконец повернулся и прислонился к стеклу спиной.

— Убил его я, старший инспектор, но боюсь, это будет очень трудно доказать.

— Если бы не я, Гриша никогда бы этого не сделал.

Беркович молчал.

— Скажите же что-нибудь!

— Кукол больше нет, — вздохнул Беркович. — Вы не знаете? Они рассыпались в пыль, когда должна была появиться последняя. Наверно, этот результат пригодится вам в расчетах. Вещественные доказательства отсутствуют. Шесть запертых комнат — и если я напишу в отчете, что это результат квантовой эволюции, меня уволят за профнепригодность. В криминалистике нет места непонятным физическим идеям. А ваше признание…

— Он не станет его повторять, я об этом позабочусь, — твердо сказала Мария.

— Ваше признание, — продолжал Беркович, — только осложнит мое положение. У вас надежное алиби. А слова… В восемнадцатом веке сыщики,

если они были в то время, не смогли бы понять, что человека можно убить разрядом электричества. Если бы кто-то сказал: вот провода, вот Лейденская банка или что там… Это было бы принято как улика или доказательство? Нет. Каждый век способен воспринимать лишь те объяснения, которые находятся на уровне его понимания. Когда стали делать первые анализы ДНК, то говорили, что в криминалистике они применяться не будут: слишком ненадежны. В общем, вы понимаете. Судьи не вынесут обвинительный приговор человеку, в момент убийства находившемуся в трех тысячах километрах от места преступления. Им будет понятен мотив, но кто объяснит им, как убивают человека в комнате, куда невозможно попасть и откуда невозможно выйти?

— Модели действительно обратились в пыль? — с неожиданным интересом спросил Вайншток. Куда делась его мрачность? Он вернулся к столу, придвинул стул, прочно уселся, требовательно смотрел Берковичу в глаза и ждал ответа.

— Да.

— Можете назвать точное время?

— В интервале от семи пятидесяти до восьми двадцати.

— Достаточная точность для такого рода экспе-

римента, — с удовлетворением в голосе произнес Вайншток.

Мария выразительно посмотрела на Берковича и пожала плечами.

— Мы можем идти? — спросила она. — Или вы отвезете нас в участок?

Почудилось Берковичу или в ее голосе прозвучала насмешка?

— Давайте выпьем еще чаю, — сказал он. — Наташа, если тебе не трудно…

Когда жена вышла, старший инспектор сказал:

— Мария, правосудию порой приходится идти странными путями. Я знаю, что у вас был мотив, а у Григория — возможность. Кого судить? Вас? Его? И как доказать обвинение в суде? Я даже собственное начальство не смогу убедить, что убийство стало возможно благодаря эксперименту по квантовой эволюции. В опубликованных работах вашего мужа нет пока надежной доказательной базы. А идея, как сказал бы классик, еще не овладела массами.

— Мы можем идти? — повторила Мария, встав и подав руку мужу.

— Правосудию, — продолжил Беркович, не отвечая на вопрос, — приходится иногда ждать, но оно всегда свершается. Всегда — я убежден в

этом. Я задержу вашего мужа, Мария, когда он опубликует работу, на которую я, как следователь, смогу опереться в системе доказательств. Предъявить суду.

— Он никогда не опубликует такую работу, — твердо сказала Мария.

— Выдумаете? — проговорил Беркович с легкой насмешкой. — Он ученый. А работа, о которой речь, — звено в цепи его исследований по квантовой эволюции. Он не сможет ее не сделать. И опубликует, когда сделает. Я верно понимаю, Григорий?

Вайншток кивнул. Он не смотрел на протянутую руку жены.

— Вот, — с удовлетворением резюмировал Беркович. — Признание вашего мужа у меня есть, а доказательства вины представит он сам. Это называется научным подходом.

— Понятия не имею, сколько на это уйдет времени, — пробормотал Вайншток.

— Срок давности по делам об убийстве — двадцать лет, — напомнил старший инспектор. — Вам понадобится меньше. Только не ставьте экспериментов. И еще. Надеюсь, вы объясните, почему модели рассыпались в пыль, когда эксперимент был прекращен. Это физическая задача,

и, если вы ее не решите, пострадает ни в чем не повинный человек — Рон Хан. Он отвечает за сохранность вещдоков, и по поводу их, скажем так, порчи, будет проведено служебное расследование. Поэтому моя личная просьба — решите эту задачу в первую очередь.

— Это как раз достаточно просто, — отмахнулся Вайншток. — Если квантовая эволюция прерывается наблюдателем, то в уравнение запутанных состояний вводится…

— Избавьте меня от уравнений, — поднял руки Беркович. — Напишите и опубликуйте статью. Двух недель, пока будет идти служебное разбирательство, достаточно?

— Надеюсь.

— Хорошо. Кстати, вспомнил. В позапрошлом году — Наташа не даст соврать — я обнаружил на полу в гостиной, вон там, в углу около телевизора, странный предмет…

Список произведений, опубликованных в журнале «ИСКАТЕЛЬ» в 2011 году

Январь

Щепетнев Василий. Дети луны. *повесть*

Достовалов Юрий. Вопреки уликам. *повесть*

Кир Булычев. Смерть графа Эрролла. *ист. расследование*

Лебедев Владимир. Приключения янтарного кабинета. *ист. расследование*

Февраль

Родионов Станислав. Когти судьбы. *повесть*

Шолохов Алексей. Один звонок. *рассказ*

Лебедев Владимир. Кровь на алмазах. *ист. расследование*

Март

Соколов Владимир. Оборотень. *повесть*

Кривчиков Константин. Лисья усмешка. *рассказ*

Ивахненко Андрей. Выродки. *повесть*

Ивахненко Андрей. Снег. *повесть*

Е. Ковалов. Медовый ткач. *рассказ*

Апрель

Соколов Владимир Камчатский ребус. *повесть*

Лебедев Владимир Остров хрустальных башен. *ист. расследование*

Май

Ивахненко Андрей. Бриллиантовый дождь. *повесть*

Ранюк Денис. Могильщик. *рассказ*

Юдин Александр. Фатум. *рассказ*

Июнь

Холин Александр. Последний вор в законе. *рассказ*

Кривчиков Константин. Попутчики, или Одержимые Розой. *рассказ*

Лебедев Владимир. Пророчества русского Нострадамуса. *ист. расследование*

Лебедев Владимир. Ковчег на горе Арарат. *ист. расследование*

Амнуэль Павел. Обратной дороги нет. *повесть*

Июль

Саканский Сергей. Амфора. *повесть*

Галкин Анатолий. Обжалованию не подлежит. *повесть*

Лебедев Владимир. Загадка узника Львиной скалы. *ист. расследование*

Лебедев Владимир. В поисках Золотого города. *ист. расследование*

Лебедев Владимир. Череп бога смерти. *ист. расследование*

Август

Новиков Николай. Время страха. *повесть*

Михненко Павел. Эльга. *рассказ*

Комиссарова Ирина. Дорожное происшествие. *рассказ*

Сентябрь

Соколов Владимир. Чернила раздора. *повесть*

Галкин Анатолий. Спаситель демократии. *повесть*

Пузин Леонид. Мутант и чудовище. *рассказ*

Юдин Александр. Космическое наследство. *рассказ*

Лебедев Владимир. Куда исчез Павлиний трон?. *ист. расследование*

Лебедев Владимир. Звездные войны Шамбалы. *ист. расследование*

Октябрь

Галкин Анатолий. Охота к перемене мест. *повесть*

Саканский Сергей. Тайна «Марии Целесты». *повесть*

Криворотов Сергей. Башня зла. *рассказ*

Ноябрь

Смехачева Наталья. Утро туманное. *рассказ*

Саканский Сергей. Каратель. *повесть*

Марков Андрей. Убийство напрокат. *повесть*

Болотова Елена. Страшный суд. *рассказ*

Лебедев Владимир. Как Александр Македонский
победил царя Дария. *ист. расследование*

Декабрь

Александровский Геннадий. Двое на острове. *рассказ*

Амнуэль Павел. Куклы. *повесть*

INFO

(395)

2011

Главный редактор
Евгений КУЗЬМИН
Художники
Андрей СИМАНЧУК,
Светлана ТИМОШЕНКО

Адрес редакции
127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 607
Телефон редакции (495) 685-47-06
E-mail real@iskatel.net
office@iskatel.net
info@iskatel.net
art@iskatel.net
Сайт www.iskatel.net
Телефоны для размещения рекламы
(495) 685-47-06, (495) 685-39-27
Служба распространения
(495) 685-59-01, (495) 685-66-87
E-mail mir_isk@orc.ru

Учредитель журнала
ООО «Книги «Искателя»
Издатель
ООО «Искательпресс»
© «Искательпресс»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-35888 от 31 марта 2009 г.

Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в др. странах.

Подписано в печать 15.11.2011. Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 8,4. Лицензия № 06095. Заказ № К-7103

Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

Подписано в печать 15.11.2011. Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 8,4. Лицензия № 06095. Заказ

№ К-7103

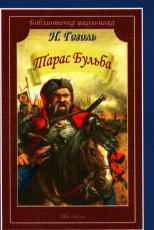
Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия», 428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

ИСКАТЕЛЬ

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

НАШИ НОВИНКИ



Книги можно заказать в редакции или через сайт www.iskatel.net

ISSN 0130-6634